

II. Публикации

ПИСЬМА С. В. ЭНГЕЛЬГАРТ К А. А. ФЕТУ ЧАСТЬ 1 (1858—1873)

Публикация Н. П. Генераловой

Имя писательницы Софьи Владимировны Энгельгардт (рожд. Навосильцевой, 1828—1894) не принадлежит к именам, вошедшим в литературный пантеон российской словесности. Как и произведения многих ее современников, повести и рассказы С. Энгельгардт, подписанные псевдонимом «Ольга Н.», оказались прочно забытыми и затерялись на страницах русской периодики 50-х — 80-х гг. XIX века. Ни ее художественные произведения, ни интереснейшие мемуары ни разу не были собраны в книгу. Лишь в 1875 г. в Париже вышел небольшой томик ее стихотворных переводов на французский язык нескольких произведений А. С. Пушкина («Борис Годунов», «Моцарт и Сальери», «Скупой рыцарь» и «Египетские ночи»).

Не баловала писательницу восторженными откликами и современная критика. На одну ее повесть благосклонно откликнулся в своих «Письмах иногороднего подписчика» А. В. Дружинин, другую (написанную в жанре драматической пословицы) жестоко раскритиковал В. П. Боткин, наконец, в статье «Прогулка по садам российской словесности» Д. И. Писарев с сокрушительным сарказмом отрецензировал повесть С. Энгельгардт «Где же счастье?», отнеся ее к тем сочинениям романтически-буколического направления, которые «недалеко уехали от „Бедной Лизы“ Карамзина и от „Барышни-крестьянки“ Пушкина» и которые «стремятся к тому, чтобы терзать чувствительные сердца кисейных девушек, совершенно неспособных обороняться от глупых людей и от глупых книг»¹. И все же многое побуждает более внимательно отнестись к творчеству и личности этой забытой ныне писательницы.

Печататься С. Энгельгардт начала в 1853 г. и дебютировала в журнале «Отечественные записки» рассказом «Деревня». Немногим позже несколько ее повестей были напечатаны в дружининской «Библиотеке для чтения», в 1864 г. один рассказ появился в журнале братьев Достоевских «Эпоха», но большинство ее сочинений публиковалось на страницах «Русского вестника», с редактором которого М. Н. Катковым С. Энгельгардт связывали чувства взаимной приязни.

Еще в 1854 г. одна повесть «Ольги N.» — «Не так живи, как хочется, а так, как Бог велит» была напечатана в «Современнике», но отношения ее с этим журналом не сложились, а со временем она оказалась в лагере ярых противников того направления, которое было представлено именами Н. А. Некрасова, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева и др.

С полным правом могла С. Энгельгардт написать А. А. Фету в июле 1868 г.: «До сих пор во всех журналах, за исключением „Русского слова“, мои повести печатали...». Но если собственно художественное творчество писательницы имеет скорее исторический интерес, то ее мемуары и переписка заслуживают внимания историков литературы не только как достоверный источник для изучения литературного и общественного быта, но и как своеобразное явление русской общественной и литературной мысли.

Письма и воспоминания С. В. Энгельгардт можно по праву отнести к ярким памятникам эпохи 40-х гг., в созвездии которой блистают имена И. С. Тургенева, Т. Н. Грановского, Ап. Григорьева, Аф. Фета, Я. П. Полонского, Ап. Н. Майкова и других выдающихся представителей русской культуры. Неисправимые идеалисты, они пронесли через превратности времени высокую веру в идеал, красоту, искусство, служению которому посвятили свою жизнь. «За одно я благодарна судьбе, — писала С. Энгельгардт Фету 3 (15) марта 1869 г., — я родилась под счастливой звездой или, лучше сказать, под целой плеядой художников русских и иностранных 30-х и 40-х годов. Их повести, романы, стихи ходили по рукам, повторялись изустно; мы ими бредили, созрели под их влиянием, и как нашему поколению не сочувствовать поэзии?»² Живые образы Т. Н. Грановского, И. С. Тургенева, А. Н. Островского, Н. Ф. Щербины, В. П. Боткина, А. А. Фета и многих других встают со страниц воспоминаний и писем С. Энгельгардт. В немногих словах писательнице удастся схватить главное, отметить наиболее характерные черты современников, с которыми сводила ее судьба. Вспоминая об отношениях Островского и Тургенева, С. Энгельгардт писала в своих мемуарах: «Тургенев по личному характеру нажил себе много врагов, но и они не могут в нем отрицать беспристрастного, горячего поклонения искусству. Иногда оно брало вверх даже над личной враждой, заставляло его умиляться перед людьми, которых он не любил. Однажды в Париже он вошел в ложу княгини Трубецкой и был так взволнован, что у него спросили, не болен ли он? „Нет, — отвечал Тургенев, — я прочел сегодня „Казаки“ Толстого и не могу придти в себя; это — *chef-d'œuvre!*“ Попав случайно на вечер, где Островский прочел одну из своих комедий, Тургенев пришел в восторг, и с тех пор Островский бывал у него ежедневно и прочитал все свои известные произведения. Тургенев так восхищался ими, что хотел отказаться от литературы, объявляя, что пред таким писателем он сам теряет всякое значение»³. Эти слова написаны много лет спустя после смерти писателя, отношение к которому претерпело у С. Энгельгардт определенную эволюцию — от восторженного поклонения к неприятию его позднего творчества и политических убеж-

дений. Переписка с Фетом показывает, с каким нетерпением она ждет каждого нового произведения любимого писателя, как внимательно читает каждую его повесть, делая тонкие и выразительные замечания, как бесстрашно вступает в полемику с Фетом, начавшим с «Отцов и детей» критиковать своего бывшего литературного наставника⁴. Уже после разрыва Тургенева с Фетом, она напишет своему корреспонденту 19 (31) мая 1875 г.: «Ведь нехорошо и недобросовестно говорить о Тургеневе, как вы. — Как! Все его повести с мочальным хвостом: (так Фет именовал тенденциозность — Н. Г.) „Дворянское гнездо“, „Затишье“, „Ася“, „Отцы и дети“, „Рудин“, „Первая любовь“! Бог с вами! Вы приводите в пример „Накануне“, просто неудавшуюся повесть. О последних я и не говорила»⁵.

Личное знакомство С. Энгельгардт с Тургеневым состоялось в 1860 г. Возможно, посредником был сам Фет, поскольку именно через него Тургенев передавал своей знакомой поклон и вспоминал о каком-то неприятном случае, в результате которого она могла счесть его «за невежу» (письмо Тургенева к Фету от 15 (27) февраля 1860 г.). К сожалению, писем Тургенева к Энгельгардт почти не осталось, поэтому трудно судить, как он относился к ее творчеству. Лишь одно сохранившееся письмо от 27 марта (8 апреля) 1867 г. свидетельствует о том, что писатель с готовностью откликнулся на ее просьбу принять участие в благотворительном вечере и содействовать распространению переводов на французский язык русских поэтов, которыми занимался один из знакомых Энгельгардт.

По-видимому, через Фета С. Энгельгардт извляла готовность переводить повести самого Тургенева на французский язык, однако здесь у нее оказались конкуренты: к тому времени среди переводчиков и редакторов Тургенева был сам П. Мериме. Несмотря на то, что Энгельгардт перевела повесть Тургенева «Довольно», и писатель остался удовлетворен ее переводом, дальнейшее сотрудничество на этом поприще, очевидно, не состоялось. Позднее переписка заглохла, да и ухудшающиеся отношения с Фетом скорее всего не вызвали желания у Тургенева продолжать общение с его корреспонденткой. Повесть Ольги Н. «Не одного поля ягоды» Тургенев, правда, по рекомендации Я. П. Полонского «пробежал, удивлялся введению в нее Фета — но в особенный восторг от его стихотворения не пришел»⁶.

Среди корреспондентов писательницы были не только Тургенев и Фет, но и Островский, Дружинин, Писемский, Я. Полонский, Щербина и другие русские и зарубежные литераторы. Но самой драгоценной частью ее обширного эпистолярия, сохранившегося в далеко не полном виде, являются, без сомнения, ее письма к А. А. Фету, которых в Рукописном Отделе Пушкинского Дома хранится около 150. К сожалению, судьба писем Фета к С. Энгельгардт не вполне ясна. Подлинных его писем сохранилось около 33, значительная часть была обнаружена в копиях в архиве С. Г. Шпета в 1972 г., из них 15 опубликовано, одно письмо Фета опубликовано по автографу⁷. Что касается писем С. Энгельгардт к Фету, то из них 34 опубликованы, 50 предлагаются в настоящей публикации (одно из них, ввиду

особой его значительности, перепечатывается — это письмо от 19 (31) марта 1862 г.), а остальные будут напечатаны в следующих выпусках «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома».

Разумеется, главная ценность писем С. Энгельгардт состоит в их содержательности. Здесь будущие исследователи и публикаторы найдут множество новых биографических данных, касающихся как автора этих писем, так и многих русских литераторов и в первую очередь А. Фета. Совершенно иначе, сравнительно с традиционным, предстает в письмах образ жены Фета Марии Петровны (рожд. Боткиной), с которой, кстати, Софья Владимировна тоже вела переписку.

Любопытно, что житейский элемент занимает не слишком много места в письмах С. Энгельгардт. Проявляя излишнюю тактичность, она очень редко говорит о собственном творчестве: исключение составляет лишь история повести «Не одного поля ягоды», где Фет был выведен к качеству эпизодического лица, и история ее переводов из Пушкина, в которой Фет принял участие в качестве редактора. О многом, касающемся лично ее, корреспондентка Фета нередко умалчивает. Это относится и к ее воспоминаниям. Попытаемся восстановить некоторые факты ее биографии, хотя бы в самом общем виде.

С. В. Новосильцева принадлежала к известному, но обедневшему дворянскому роду, ведшему свое происхождение от норманнских предков. Большинство его представителей служило на военном поприще: прадед ее вышел в отставку бригадиром, дед — генералом, отец принимал участие в войне 1812 г. и был ранен под Лейпцигом. Когда-то семья была богата, но неудачная тяжба с одним из влиятельных князей закончилась, благодаря вмешательству всемогущего А. Д. Меншикова, не в их пользу, и в конце концов семья обеднела.

Софья Владимировна, как и другие ее четыре сестры (Надежда, ставшая потом женой попечителя Московского учебного округа Д. П. Голохвастова, выведенного А. И. Герценом в «Былом и думах»; Екатерина, писавшая под псевдонимом Т. Толычева и оставившая значительное литературное наследство, Варвара и Мария), а также брат Александр, будущий товарищ Фета по Московскому университету, — рано осиротели и вынуждены были жить то у тех, то у других родственников. Их строгий патриархальный быт был разрушен и, несмотря на оставшееся незначительное наследство, сестры и брат должны были жить своим трудом.

Довольно рано Софья Владимировна вышла замуж за сына директора Царскосельского лицея, малоизвестного поэта, Владимира Егоровича Энгельгардта (1808—1873), но брак, судя по всему, не был удачным, и вскоре супруги разъехались. На попечении Софьи Владимировны оказались младшие сестры, в судьбе которых она принимала горячее участие. После перенесенного в 1864 г. удара и лечения за границей на ее попечении оказался также и брат с сыном Юрием. Именно брату обязаны были сестры Екатерина и Софья своим интересом к современной литературе. Живя у бабушки, они ждали встречи с братом-студентом, который приносил им

стихи молодых тогда поэтов Фета и Полонского, поэмы Пушкина и Лермонтова, знакомил с новейшими веяниями в среде московского студенчества.

В 1852 г. мы застаем Софью Энгельгардт в самой гуще литературной жизни. Описывая это время, она вспоминала много лет спустя: «около нас образовался кружок сотрудников „Москвитянина“, издававшегося Погодиным: Островский, Григорьев, Филиппов, Алмазов и Берг; к ним примкнули и другие, не принадлежавшие ни к какому лагерю, как Щербина, который только что выпустил в свет свои антологические стихотворения»⁸. Именно Николай Федорович Щербина придумал для Софьи Энгельгардт псевдоним «Ольга N.», за что она и называла его впоследствии крестным отцом. После смерти поэта, дружеский портрет которого остался на страницах воспоминаний «Ольги N.», она написала его некролог.

С Фетом С. Энгельгардт познакомилась гораздо позже, уже после его отставки и женитьбы на М. П. Боткиной, когда молодая чета поселилась в доме Сердобинской на Малой Полянке в Москве.

«Знаете ли вы, — писала она Фету 6 (18) апреля 1867 г., — что вот не более не менее 10 лет, как мы с вами встретились и сошлись! Вы принадлежите к числу тех немногих людей, в которых не разочаровываешься, и моя дружба к вам ни на волос не изменилась; напротив. Помните ли вы, что мы сошлись во имя одного человека, которого уже нет на свете. Мы оба его когда-то любили, правда, не одинаково, и мы одни знаем, может быть, что в этом погибшем, пропавшем, безнравственном человеке были, однако, богатые залогов, искренние, хотя минутные увлечения, тонкое понимание искусства. Признаюсь вам, что до сих пор я предпочитаю его глупости и бредни — дубоватости, гнусной расчетливости и казенному резонерству, прикрытым известным лоском...»⁹.

Человек, во имя которого сошлись Фет и Софья Энгельгардт, был Аполлон Александрович Григорьев, самый яркий представитель «молодой редакции» «Москвитянина». Похоже, что именно он ввел С. Энгельгардт в литературные круги.

В своих воспоминаниях С. Энгельгардт писала о кружке «Москвитянина»: «Каждый из них отличался оригинальным складом ума и характера. Первый, которого я зазнала, был А. Григорьев, тип романтиков той эпохи, — эпохи разгара страстей и поклонения идеалу. Надо было или вовсе не знаясь с ним, или полюбить его с его бреднями, с его отступлениями от пробитых дорог, с его пороками и гуманными началами, с его блистательным, но парадоксальным умом. Он жил воображением, его бросало из крайности в крайность, и он часто запутывался в собственных сетях. Поклонник немецкой философии, он вышел скептиком из университета, — и вот однажды вообразил себе, что вера ему далась вдруг, пошел пешком к Троице и, по возвращении в Москву, начал поститься (...) Это увлечение прошло так же внезапно, как вспыхнуло». Эта яркая характеристика дополняется некоторыми чертами характера, которые, кажется, принесли немало страданий автору приведенных строк. «Пропитанный по-

эзией, он поэтизировал иногда личности самые прозаические. Ему были необходимы сильные ощущения: в страсти к женщине, например, он любил мучительную борьбу с препятствиями. „Терзать себя, говорил он, есть своего рода наслаждение“. Он любил искренно, безумно, очертя голову; но по его собственному сознанию разделенное чувство в нем скоро угасало. В дружбе он вполне отдавался влиянию людей, которые большею частью его не стоили. (...) Но свои врожденные наклонности ему не удавалось ломать на чужой лад. Как он ни восхищался Ганей и Дуней, в жизни они не могли удовлетворить его сердце и воображение. Ему нравилась развитая женщина. Он умел ценить всякое выдающееся литературное произведение, кем бы оно ни было подписано. По временам он вдавался в беспорядочную жизнь, затем бросал ее с отвращением, углублялся в усиленную работу и проводил целые часы за роялем. У него был замечательный музыкальный талант»¹⁰.

Известно, сколь дорогие воспоминания были связаны у Фета с именем Аполлона Григорьева. Как признавался он позднее, именно в доме Григорьева, где он прожил несколько лет, будучи студентом Московского университета, сформировалось его творческое «я». Не менее дорог был и Фет Аполлону Григорьеву, отразившему их сложные отношения в своих художественных произведениях. Не удивительно, что судьба этого талантливого человека, так и не нашедшего своего места в литературных баталиях 40-х — 60-х годов, погибшего в борьбе за право оставаться самим собой, могла сблизить С. Энгельгардт с Фетом.

А вот что говорится о героине повести «Не одного поля ягоды» Марье Михайловне Бельской, в которой легко угадываются черты самой Софьи Владимировны Энгельгардт : «Человек, которого она любила в молодости, имел влияние на всю ее жизнь. Его звали Васильевым. Он отличался умом блестящим, внешним огнем и страстным, ничем не обузданным воображением. Он бредил искренно Марьей Михайловной и проливал искренние слезы, расставаясь с ней, однако расстался, хотя она была готова, при первом его слове, идти за ним, куда бы он ее ни повел. Сердцем он не любил ни одной женщины. Этот человек родился артистом, но не в прозу и не в стихи облекал он свою фантазию: он переносил ее с одного предмета на другой, бросался из стороны в сторону, останавливаясь мимолетно то на искусстве, то на мистицизме, то на любви. Когда женский образ бросался ему в глаза, он его пересоздавал на свой лад, и сам преобразовывался в полубога, в Пигмалиона — он одушевлял статуи. В минуты увлечения его гордость и самолюбие разыгрывались до смешных размеров; но когда воображение остывало, он упал духом до унижения, до самопрезрения. Верен он остался только самому себе до конца жизни. Препятствия охладили его любовь к Марье Михайловне, и внезапное охлаждение не открыло ему глаз на несостоятельность его чувства. Он был убежден, что покоряется неизбежности. Прощаясь с Марьей Михайловной, он говорил ей, чтоб она шла вперед, что жизнь не пустая шутка, которую бы можно было

принести в жертву предрассудку, и прислал ей „Фауста“ с надписью: *Celui à qui l'on a fait tort te salue*».*

Как знать, может быть где-то и сохранился экземпляр «Фауста» с такой надписью, сделанной рукой Аполлона Григорьева.

Чувство, которое испытала героиня повести в молодости, со временем прошло, «но все ей казалось мертво и бесцветно в сравнении с его образом, с безрассудными, но возвышенными бреднями, с которыми он ее ознакомил». Не углубляясь далее в отношения Ап. Григорьева и С. В. Энгельгардт, заметим, что, может быть, именно ими объясняется тот оттенок личной заинтересованности и пристрастности, который сквозит в ее письмах, когда речь заходит о семейных делах Григорьева. Несомненно, Фет, сам выведенный в этой повести под своим именем, не мог не заметить сходства Васильева с товарищем его юности.

Возможно, что Ап. Григорьев и познакомил С. Энгельгардт с Фетом и Марьей Петровной. Как бы то ни было, на «четвергах» в доме Сердобинской, где царили музыка и поэзия и где бывали братья Лев и Николай Толстые, их сестра Марья Николаевна, талантливая музыкантша, Екатерина Сергеевна Протопопова, будущая жена композитора Бородина (ее, кстати, ввел в дом Фета Аполлон Григорьев), В. П. Боткин и другие, Софья Владимировна чувствует себя гораздо уютнее, чем в чопорных салонах Ф. Н. Глинки, Н. Ф. и К. К. Павловых, гр. Е. П. Растопчиной, где ей приходилось бывать, или в салоне ее соседки по дому гр. Е. В. Салиас де Турнемир, о которой она не без иронии вспоминает в письмах к Фету.

Софья Энгельгардт нашла в Фете не только гениального лирика, дар которого она смогла оценить, но и сильную личность, в которой ей нравились и твердость убеждений, и верность идее служения искусству, и яркая, неповторимая оригинальность. В эпоху наступления разночинной идеологии, писательница видела в Фете одного из лучших представителей пушкинского направления. «Наш полубог Пушкин», — скажет она ему в одном из писем.

А Фет нашел в своей корреспондентке не только верную почитательницу своего таланта, но и умную, чуткую, широко образованную женщину, которой он не только посвящал стихи, но и с которой делился самыми заветными мыслями. Уйдя в начале 60-х гг. из литературы, в которой не нашлось ему места, он окунулся в хозяйственную деятельность по обустройству купленного им в 1860 г. хутора Степановка, много лет исполнял должность мирового судьи, запечатлев свой опыт во множестве деревенских очерков. Но демонстративный отход Фета от литературы не был для него органическим. Его глубоко оскорбленная муза время от времени давала о себе знать, и Софья Энгельгардт была одной из тех немногих людей, которые знали, что Фет не умер для литературы, и всеми силами стремились поддерживать в нем уверенность в себе. К сожалению, отношения его с ведущими литературно-общественными журналами склады-

* Тот, кому причинили зло, приветствует тебя (*франц.*).

вались далеко не идиллически, даже когда речь шла о таком умеренно-консервативном органе, как «Русский вестник». Редакция журнала отвергает оба критических опыта Фета — разбор романа Чернышевского «Что делать?» и статью о «Войне и мире» Л. Н. Толстого. Нередко поэт ощущал себя в полной литературной изоляции, и нет никакого сомнения, что письма С. В. Энгельгардт были одной из тонких нитей, связывавших его с живым литературным процессом.

Далеко не во всем и не всегда мнения и вкусы Фета и его корреспондентки сходились. Нередко он позволял себе жестокие споры, на которые был такой мастер, но это свидетельствовало лишь о степени доверия, и Софья Владимировна умела понять и оценить это доверие.

Выводы, к которым приходил Фет, осмысливая ход развития русской общественной и культурной жизни, все менее внушал ему надежды на благополучный исход в России, где «все перевернулось» после реформы 1861 года. «Я с каждым днем все более и более замечаю, — писал Фет своей корреспондентке в сентябре 1865 г., — ту грустную утрату морального руля, ту свинченность скрепляющего *винта*, после которой он в действительности перестает быть винтом, а оставляет после себя только дырявое дерево. И против этой деморализации я нигде не вижу протеста и отпора, нигде: ни в одном сословии, ни в одной местности. За себя я не беспокоюсь, мне немного нужно, и это нужное, надеюсь, всегда у меня будет, но государству, народу — нужно не только много, а все, все — и где он это возьмет при таких обстоятельствах, не знаю»¹¹. Отыскивая источники разрушительных процессов, охвативших русское общество после реформы, Фет видел их в том числе и в либеральных деятелях 30-х — 40-х годов, предпочитавших, по его мнению, трезвому деланию прекраснодушную фразу. В ответ на один из таких выпадов С. Энгельгардт писала ему 14 (26) марта 1871 г.: «Я нахожу, что вы несправедливы к деятелям 40-х годов. Грановский любил Запад как источник и центр образования и был ему обязан развитием благородных свойств своей природы. Но очень горячо любил Россию, русский язык, русский народ и жил русской жизнью <...> На Западе сложились первые понятия общежития, рыцарства, науки, словом всего, что мы привыкли любить и уважать <...> Чья же вина, что мы одни во всей Европе не хотим до сих пор быть русскими? Не хотим быть тем, что мы *есть*? В чем тут виноват Грановский? <...> Всем нам надо жалеть, плакать надо, что нет в университете такого человека, как Грановский»¹².

Общее отрицательное отношение к обличительному направлению в литературе и критике, неприятие поэзии Н. А. Некрасова, сопротивление все более набравшему силу революционно-демократическому движению, устойчивое срединное положение между славянофилами и западниками, общие эстетические установки сближали позиции Фета и С. В. Энгельгардт. «Верьте, — писал Фет 2-го марта 1874 г., — что я сильно дорожу людьми, исполненными прирожденного стремления к идеалу. Это далеко не секрет, как их мало на земле, и, к моему удовольствию, вы бесспорно при-

надлежите к этим немногим. Но моя симпатия к подобным личностям не доводит меня до совершенного перед ними безмолвия. Мои отношения к Тургеневу доказательство. Мы в наших стремлениях к добру идем такими противоположными путями, что наша встреча равносильна драке. Наши с Вами направления гораздо родственней, но я чувствую, что в иных пунктах мы не сойдемся»¹³. А много лет спустя, 12 (24) июля 1889 г., Софья Энгельгардт напишет уже не «милому Фету», а «дорогому Афанасию Афанасьевичу» Шеншину: «Без сомнения, когда так долго хорошие отношения поддерживались и крепили между двумя личностями, очевидно, что в них общие, дорогие им черты». Но эти ссылки уже забегают вперед и переходят хронологические пределы настоящих писем. 1873 год в каком-то смысле становится переломным в жизни Фета. Именно в этом году он возвращает себе родовое имя и становится Шеншиным. Знаменательно, что на конверте последнего из публикуемых писем Фет карандашом ставит три раза свою новую роспись: «А. Шеншин».

В заключение приношу благодарность А. Г. Ирлину за уточнение некоторых дат, а также Л. В. Ивановой за помощь в подготовке публикации.

¹ Писарев Д. И. Соч.: В 4-х т. Т. 3. М., 1956. С. 272.

² «...Я так давно привык к вашим дружеским письмам...» (34 письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету) Публикация Н. П. Генераловой // А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 208.

³ Ольга Н. Из воспоминаний // Русское обозрение. 1890. № 11. С. 85.

⁴ См. публикацию Л. Н. Назаровой «Современница об „Отцах и детях“» // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С. 189—194.

⁵ В кн.: А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. С. 214.

⁶ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Письма. Т. 9. М., 1995. С. 70.

⁷ Эта подборка писем напечатана в сб.: *Фет Афанасий*. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 374—401, 436—444. Публикация Н. Охотина. Далее ссылки на это издание: *Фет*. СПП. Письмо Фета от 27 марта 1881 г., находящееся в коллекции М. С. Лесмана, подготовлено к публикации Н. П. Генераловой и находится в печати в издательстве «Автограф».

⁸ Ольга Н. Из воспоминаний. С. 83.

⁹ А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 202.

¹⁰ Ольга Н. Из воспоминаний. С. 83—84.

¹¹ *Фет*. СПП. С. 378.

¹² А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 209.

¹³ *Фет*. СПП. С. 381.

Июня 16.

Письмо ваше меня очень обрадовало, друзья мои. Я сама не писала к вам за неимением адреса, и получила его от Юлии Богдановны¹ в одно время с вашим письмом. Забыть вас и хорошие часы, проведенные вместе я никак не могу; вообще я не способна забывать. Вы не в праве жаловаться на лето; оно несравненно лучше прошлогоднего. Правда, у нас на днях выпал снег, зато теперь тепло и есть надежда, что погода установится. Видно, в русском человеке богатый запас нравственных сил, что их дождик не зальет и мороз не заморозит, что он способен переводить Юлия Кессария² окоченевшими пальцами. В этот холод я даже ничего не читала, а целый день проводила над своими рисунками и ни о чем не думала. «Давида Копперфильда»³ я прочла с большим наслаждением и с большой скукой, что, кажется, трудно согласить, но Диккенса я не могу читать с другим чувством. Во-первых, сотни лиц, введенные в роман, меня сбивают с толку, во-вторых, завязку я соображу только в конце. Одно меня в нем бесит, это условное совершенство его героинь, и все на один лад. Какая разница с Вальтер Скоттом!

Душевное мое желание было бы поселиться в ваших стенах, но по многим причинам это невозможно. Говорят, не так живи, как хочется...⁴ я постоянно испытала на себе справедливость поговорки. Квартиру свою мы не оставим за собой, и к осени отыщем другую, в центре города, т. е. в центре скуки. Это однако мне не мешает бывать у вас как можно чаще. Что вы знаете о своей милой соседке, любительнице крепких напитков⁵, которая внушала Фету такие красноречивые выходки? Как бы хорошо было, если б она смотрела на нас как на людей, не достойных ее понять, и наказала бы своим отсутствием. Я, по-видимому, кругом виновата перед Катериной Сергеевной⁶, и не могу думать о ней без досады на свою бестолковость. Дело в том, что я никак не могла растолковать новому кучеру, где она живет, и по той же причине не могла даже к ней написать. Мне очень нравится эта милая девушка, и грустно подумать, что она может быть недовольна мной.

Прошу вас, Фет, если вы что-нибудь напишете, пришлите мне, а вы, Марья Петровна, будьте здоровы. Счастливым женщинам

не следует хворать. Сестры мои⁷ благодарят вас за память и целуют вас.

Пожалуйста, мой поклон Надежде Афанасьевне⁸. От души жму вам руки.

С. Энгельгардт.

Год написания письма устанавливается на основании упоминания о переводе Фетом «Юлия Цезаря».

¹ Шумахер (рожд. Мюльгаузен) Юлия Богдановна — сестра Е. Б. Грановской, жены Т. Н. Грановского.

² Имеется в виду перевод драмы Шекспира «Юлий Цезарь», который был напечатан в «Библиотеке для чтения» (1859, № 3). В письме к А. В. Дружинину от 25 августа (6 сентября) 1858 г. И. С. Тургенев сообщал, что Фет «отлично» перевел «Антония и Клеопатру» и «Юлия Цезаря» и рассказывал о своем участии в доработке перевода (См.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Письма. Т. 3. М., 1987. С. 334).

³ Роман Ч. Диккенса «Дэвид Копперфильд» (отд. изд. 1850 г., рус. перевод 1849).

⁴ Повесть С. В. Энгельгардт «Не так живи, как хочется, а так, как Бог велит» была напечатана в «Современнике» (1854, № 12). Ср. название пьесы А. Н. Островского «Не так живи, как хочется» (1854).

⁵ На полях рукописи здесь неизвестной рукой сделана карандашная помета: «Л. Ф. Г.?». Очевидно, речь идет о Лидии Федоровне Григорьевой (рожд. Корш; 1826—1883), на которой Ап. Григорьев женился в середине 1847 г. В неизвестном письме Фет рассказывал С. Э. о «знаменитых родах, воспоследствовавших на Замоскворецких улицах», на что его корреспондентка отвечала: «Должно быть, новорожденный будет человек известный, он с самых юных лет полюбил публичность (...) Со временем веселая мать новорожденного убедит своего мужа, что надо дойти до высшей степени простоты, чтобы производить детей на улицах, и он помирится и с матерью и с ее произведением. Эта женщина, грустно сказать такое слово, погубила Григорьева» (письмо от 22 сентября (4 октября) 1860 г. // А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 182. Далее ссылки на эту публикацию: А. А. Фет. Проблемы изучения...). О Л. Ф. Григорьевой идет речь и в письме С. Э. к Фету от 19 (31) марта 1862 г. (Там же. С. 187—188).

⁶ Протопопова Екатерина Сергеевна (1832—1887), пианистка, с 1863 г. жена композитора А. П. Бородина. В своих мемуарах Фет вспоминал о ее исполнении мазурок Шопена (Мои воспоминания. Т. I, М., 1890. С. 216). С Фетом Е. С. Протопопову познакомил Ап. Григорьев.

⁷ У С. Э. было четверо сестры: Надежда (в замуж. Голохвастова), Екатерина (1820—1885), которая была критиком, писательницей и переводчицей, (псевд. — Т. Толычева), Мария и Варвара Новосильцевы.

⁸ Сестра Фета Надежда Афанасьевна (1832—1869), страдавшая тяжелым душевным недугом, в январе 1858 г., по совету брата, вышла замуж за давно любившего ее И. П. Борисова. Лето 1858 г. Феты провели в Новоселках, наследственном имении Надежды, с Борисовыми.

Дрезден, мая 16.

Вы желали, чтоб я к вам писала из-за границы, Фет, да и мне хочется поделиться с вами новыми впечатлениями. Я уже успела влюбиться в Дрезден. Меня приводят в восторг огромные каштановые деревья и тополи, и кружевная архитектура старинных зданий, и узкие, темные, нестройные улицы. В галерее я испытала тяжелое чувство, а именно чувство собственного невежества. С удовольствием невежды я любовалась сокровищами, которые меня окружали, любовалась в особенности портретами Вандика¹, а между тем не умею отличить Вандика от Рубенса или от Бола². Как не позавидовать бесконечному наслаждению знатока, который читает *à livre ouvert** в этих шедеврах. Впрочем, здесь есть чем любоваться, — куда ни заглянешь, везде картинка, и всем доступная. И какие все добрые физиономии! Такими физиономиями отличается в особенности немецкая прислуга, но чином выше — немка уже далеко не грациозное существо. С одной из них я путешествовала в вагоне. У ней над самым лбом был огромный букет васильков — а в руке (а какая рука!) четыре колбасы. Она их съела в одну минуту, выпила на станции огромную кружку пива и вслед за ней проглотила целый обед, которым запаслась на дорогу, потом заснула мертвым сном. И какая странная смесь колбасы и васильков! Немца невольно уважаешь, но нет возможности помириться с некоторыми сторонами его природы. Из Москвы до Варшавы нам сопутствовал один московский профессор, Циммерман, полупомешанный, но и в помешательстве он не изменял самому себе. Я постоянно слышала его привет нищим и извозчикам, просящим на водку: ни копейки, ни копейки, — я же сказал, ни копейки.

Розенблат мне советовал обратиться к одному здешнему профессору Рихтеру, и оказалось, что я серьезно больна, тем более, что болезнь моя очень запущена. Я на нее не обращала внимания, но Рихтер за меня принялся по-своему и лечит не так, как лечил меня г-н Попов, московская знаменитость, от этой самой болезни. Кажется, он меня не пустит в Париж, и, как это ни грустно, — а надо будет повиноваться³.

* без подготовки (*франц.*).

Дешевизна здесь баснословная, и все под рукой, и ванны, и воды, и почта, и магазины, стоит выйти на улицу, а с улицы не хочется вернуться домой, а хочется любоваться и Эльбой, и садами и улицами. В библиотеке, говорят, много старинных молитвенников, — я там буду заниматься по утрам; разумеется, из-за билетов для входа хлопотать не нужно,ходишь — и садишься рисовать.

Но какой отвратительный город Варшава; все грязно, бедно, скудно, — одно только прекрасно — церковь святого Иоанна.

Пишите мне так: Wall Straße, № 18.

Марью Петровну целую от всей души;

Где и как вы устроились на лето?

Что Катерина Сергеевна?

Прощайте, — жму вашу руку.

С. Энгельгардт.

На обороте:

Москва.

В Орловскую губернию. Город Мценск.

Его Высокоблагородию

Афанасью Афанасьевичу Фету.

Почт. штемпель: Получено 10 мая 1860, вечер.

Письмо датируется по почтовому штемпелю.

¹ Вандик — устаревший вариант имени Антониса Ван Дейка (1599—1641).

² Очевидно, речь идет о Фердинанде (Франце) Боле (1616—1680), принадлежавшем к школе Рембрандта.

³ В Париже в это время жил брат С. Э. А. В. Новосильцев с семьей (см. о нем письмо 12, примеч. 2).

3

31 мая (12 июня) 1860

Дрезден, июнь 12.

Я рада, что мое письмо навело вас на хорошие воспоминания, Фет, и рада, что я в них нашла такой живой отголосок своим собственным чувствам. Но не раз уже я замечала, что мы с вами не можем спеться насчет формы, потому вероятно, что я не умею объяснить свою мысль. Послушайте: вы любите форму в поэзии, в живописи, в скульптуре, почему же не любите в людях? Признаюсь вам, что она очень сильно на меня действует, но сохрани Бог называть формой гостинную флеристику и шарканье. Иные формы, наименее до оригинальности в мужчине или в женщине, мне нравятся

в тысячу раз более, нежели *le bon goût**, изученное в благородном бездействии¹. Те формы, о которых я говорю, выражают какое-нибудь поэтическое природное свойство, тогда как в буржуазности все пахнет претензией и отсутствием поэтического чувства, и, признаюсь вам — я ее ненавижу в России, как в Германии. На днях давали «Дон Жуана»², я зашла в театр. Мне хотелось видеть немецкого Дон Жуана; он и явился на сцену каким-то педагогом и с педантизмом целовал Зерлину, которая играла необыкновенно мило и грациозно. А она не изучала *le bon goût* в благородном бездействии. Зато дона Анна и Эльвира были так отвратительны, что по возвращении домой я хотела от них отчитываться Пушкиным, но к несчастью Пушкина не было под рукой.

Что касается до Гретхен и Гольбейновой мадонны³ — перед такими моделями я молчу, но замечу только, что наверное ни та ни другая не обвешивались васильками, чтоб объедаться колбасой. Вы на меня не сердитесь, милый мой Фет, тем более, что я совершенно помирилась с немцами с тех пор, как узнала их в Германии. Вот вам маленький пример моей беспристрастной любви к ним: у нас премилая старушка хозяйка, я с ней так подружилась, что мы целуемся на улице, а она очень любит колбасы! О невозможном нечего мечтать; мы никогда не дойдем до простоты, добросовестности и добродушия немцев. Попробуйте жить в России честно, по состоянию, не на чужой счет — вас непременно назовут скрягой. Как делается, что Россия вдесятеро богаче Германии, и что в Германии все без исключения вдесятеро дешевле, нежели в России? — Русская удаля нас погубила. Мы острым над немецким порядком, расходились и остановиться не можем.

В картины я все более и более вглядываюсь. Слышали вы, что один немецкий артист застрелился из любви к рафаэлевой Мадонне или из зависти к Рафаэлю, и что за Мадонна. Материалист Рубенс далеко не так симпатичен, как божественный Вандик⁴. Не жалею я о нравственной Москве. Угомонилась ли она насчет Тургенева⁵? О ком печется теперь? Досадно очень мне, что я не привезла сюда его последней безнравственной повести, хорошо бы ее перечесть в дрезденских садах, эту душистую повесть⁶; зато ваши стихи я знаю наизусть. Книги конфискуют в таможне и не возвращают.

Здоровье мое поправляется благодаря Рихтеру. Кстати о нем; я смотрю с умилением на уважение немцев к авторитетам науки. Здесь

* хороший тон, хорошее воспитание (франц.).

общественное положение Рихтера завиднее положения короля, о котором никто не говорит. Надо вам сказать, что по утрам я рисую в библиотеке. Сначала мое присутствие возмутило немцев; библиотекарь (единственное ненавистное лицо в Дрездене) обошелся со мной довольно грубо. Я пожаловалась Рихтеру, он дал мне записку такого содержания: «Mr le professeur, je vous prie d'être complaisant pour Mme E.»* и, по приказу его величества короля Саксонского профессора Рихтера, законы библиотеки были нарушены для меня. Однако я спросила у одного из профессоров, не бывает ли его жена в библиотеке? Он отвечал: «Ma femme?.. Elle est à la cuisine, voilà sa place»**. Я остолбенела и не нашлась отвечать. Но он не хотел мне сказать колкости; что делать, надо помириться с их любовью к кухне и к колбасам.

Что же наша колонизация⁷? Она должна состояться где-нибудь когда-нибудь. И почему вы не здесь? Почему я здесь не остаюсь, благо есть такой уголок, где хорошо живется.

Вчера я написала стихи, посылаю их вам. Прочтите их и истребите и никому не читайте, разумеется, кроме Марьи Петровны, которую я от души целую.

Передайте мой поклон Ивану Петровичу⁸. Что его малютка⁹? Я здесь еще пробуду недель 6 или 7.

C'était au sein fécond de la bonne Allemagne,
A Dresde, bien divin, ville autant que campagne,
Parfums d'acacias, vous embaumez les airs,
Et s'il faut confesser mes souvenirs de femme,
Parfums insinuants, vous réveillez dans l'âme
Les vers d'André Chénier¹⁰ et portez sur les nerfs.

Dans les jardins de Dresde où près d'une eau limpide
Le peuplier léger se dresse en pyramide,
Je marchais, secouant ce poison des parfums;
Dans le vent qui fuyait j'en cherchais le remède...
Mais ils me poursuivaient sur l'aile du vent tiède
Berçant mes rêves importuns.

Quand les jardins de Dresde embaument l'atmosphère,
Lorsque le coeur est triste et l'horison en feu
On se dit, (mais tout bas) qu'il est bien téméraire
De faire à sa jeunesse un éternel adieu;

* «Г-н профессор, прошу вас оказать снисхождение г-же Э.» (франц.).

** «Моя жена?.. Она на кухне. вот ее место» (франц.).

Qu'il est des mots secrets qui pourraient bien encore
D'ouvrir, fût-ce un moment, le coeur déjà fermé.
Et je veillais gaîement du soir jusqu'à l'aurore
Car en rêve du moins j'avais encore aimé.*

На конверте: Russie, St. — Pétersbourg, voie de mer**

В Орловской губ. Город Мценск. Его Высокоблагородию
Афанасью Афанасьевичу Фету.

Почтовые штемпели: 1) Dresden, 14. VI 1860,

2) Получено 8 июня 1860, утро.

Письмо датируется по почтовому штемпелю.

¹ Курсивом выделена фраза, очевидно, из не дошедшего до нас письма Фета.

² Опера В. - А. Моцарта «Дон Жуан» (1787).

³ Гретхен — персонаж трагедии И. - В. Гете «Фауст»; Гольбейнова мадонна — возможно, «Мадонна бургомистра Мейера» немецкого живописца Ганса Гольбейна Младшего (1497 или 1498 — 1543), хранится в музее Дармштадта, где Фет был в 1844 г.

⁴ Вандик — устаревший вариант имени фламандского художника Антониса Ван Дейка (1599—1641).

⁵ Имеется в виду бурная полемика вокруг романа Тургенева «Накануне» (1859). В частности, героиню повести многие упрекали в цинизме и безнрав-

* Это было в благодатных недрах славной Германии,
В Дрездене, дивном городе, который настолько же и деревня,
Благоухание акаций, ты наполняешь воздух,
И если уж доверить вам мои женские воспоминания,
Вкрадчивые запахи, то вы пробуждаете в душе
Стихи Андре Шенье и смущаете меня.

В садах Дрездена, где над прозрачной водой
Пирамидой возвышается легкий тополь,
Я шла, разгоняя отраву этого благоухания;
Во встречном ветерке искала я исцеления...
Но этот яд преследовал меня на крыльях теплого ветра,
Укачивая мои докучливые мечты.

Когда сады Дрездена наполняют воздух благоуханием,
Когда на сердце печаль и горизонт в огне,
Говоришь себе (но совсем тихо), что безрассудно
Прощаться навсегда со своей юностью;
Что есть еще тайные слова, которые могли бы,
Пусть на мгновение, мне сердце отворить.
И с ночи до зари я не смыкала глаз и весела была,
Ведь я во сне по-прежнему любила.
(франц.).

** морем (франц.).

ственности, в разрушении семейных устоев (См.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Соч. Т. 6. М., 1981. С. 452—468). В письме к Фету от 27 мая (8 июня) 1860 Тургенев спрашивал: «Кстати, когда прекратятся статьи о „Накануне“? Это нечто в роде эпидемии. Пора бы оставить эту штуку в покое» (Там же. Письма. Т. 4. М., 1987. С. 198).

⁶ Очевидно, речь идет о повести «Первая любовь», опубликованной в «Библиотеке для чтения» (1860, № 3).

⁷ Видимо, имеется в виду намерение поселиться вблизи семейства Фетов.

⁸ Борисов Иван Петрович (1824—1871) — друг Фета, женатый на его сестре Надежде. В это время Феты жили в имении Надежды Афанасьевны Новоселки.

⁹ Малютка — сын И. П. и Н. А. Борисовых Петр (1858—1888).

¹⁰ Поэзия Андре Шенье (1762—1794), казненного в дни якобинского террора, была очень популярна в России. Начиная с Пушкина, почти все русские поэты переводили стихотворения Шенье. Переводил его и Фет, и друг его юности А. Ф. Бржеский.

4

20 июля (1 августа) 1860

Дрезден, августа 1.

Я писала к вам, кажется, давно, еще не получила ответа, и опять пишу, пишу потому, что долго, может быть, не увижусь в вами. Рихтер не пускает меня в Россию. Лечение его так удается, что он не хочет его испортить переездом; но на зиму я здесь остаюсь неохотно потому только, что буду вдали от людей, близких сердцу; если б не то — житье в Дрездене представляет всевозможные выгоды. Ко мне приедет одна из сестер¹, другая проведет зиму в Москве, и это нам будет стоить несравненно меньше, нежели прошлые зимы. Вы не можете себе представить, сколько русских семейств переселилось в Германию потому только, что нечего есть в России; в том числе я могу назвать несколько знакомых. Невольно приходит в голову мысль: не приедете ли вы сюда на зиму; с двумя тысячами р. (с переездом) можно здесь провести год отлично, ни в чем себе не отказывая; и дела бы ваши поправились и здоровье Марьи Петровны Рихтер бы поправил; он на это мастер; ему в особенности удастся лечение женских болезней, хотя на вид он вовсе не дамский медик, — груб и неотесан, но мы с Марьей Петровной на это не обращаем внимания. Квартуру мы вам отыщем отличную, — напишите только; прекрасный обед стоит 10 цел. в месяц; экипажа держать не нужно. Я не скрою от вас, что в мое желание переселить вас сюда входит порядочная доля эгоизма, но я вам боюсь,

что все, что я говорю — совершенная правда. Пожалуйста, Фет, отвечайте мне немедленно. Счеты держит Варенька Миронова; она велит вам сказать, что ручается за истину моих слов.

Прощайте, или до свидания в Wall Straße²?

С. Энгельгардт.

На конверте: Russie, St. — Pétersbourg, voie de mer (морем)

В Орловскую губернию. Город Мценск. Его Высокоблагородию
Афанасью Афанасьевичу Фету.

Почтовые штемпели: 1) Dresden, 2 VIII,

2) Получено 27 июля 1860, утро.

Письмо датируется по почтовому штемпелю.

¹ В Дрездене С. Э. жила со своей сестрой Марией.

² Приглашением своей корреспондентки Фет не воспользовался.

5

4 (16) декабря 1860

Дрезден, 16 декабря.

Н(овый) С(тиль).

Милый мой Фет, ваше последнее письмо — идиллия, но оно было написано осенью, а осень, говорят, была прекрасная в России. Но теперь,

«В снегу, в колючих искрах пыли»¹

что вы говорите о прелести деревни? Я мечтаю об удовольствии погостить у вас. Скажите, где вас найти. Далеко ли вы от Тулы и от шоссе²? Второпях вы ничего не сказали о здоровье Надежды Афанасьевны, но меня обрадовала весть, что она в вашем соседстве. Что касается Марьи Петровны, я убеждена, что ей будет хорошо там, где она с вами. Это доказывает, что она прекрасная женщина и что у ней хороший вкус. К счастью, вам Бог послал Гесиода, что бы ему на меня оглянуться, создать третье издание и перенести его в Дрезден³. Увы! С тех пор, как я здесь, я не встретила ни одного человека *с пением в груди*⁴. Сказать вам правду, мое восхищение спустилось на точку замерзания. Во-первых, лето было отвратительно; от 10 мая до 5 сентября шли с утра до вечера проливные дожди, шли они без устали и без жалости к бедным жителям Дрездена. Здоровье мое совершенно расстроилось, и я провела 2 месяца в своей комнате; осенью — тоже постоянно сырость и ветер. Вот

вам климат, что же сказать о немцах? Сначала вас поражает их порядок, трудолюбие, добросовестность, но какой эгоизм скрывается под этими хорошими свойствами?! Немец живет для себя, вне себя и своего семейства он никого и знать не хочет. С своими друзьями он встречается в кофейной, на публичных гуляньях, но к себе он их не пускает. Немцы сами в этом сознаются и живут и довольны жизнью и собой. Впрочем, теперь я зла на них и не могу судить беспристрастно. Уединение мне надоело, я решила ехать в посольство, но до сих пор нервы и простуда задерживают меня дома. Недавно здесь мимоходом были Орловы⁵ и познакомили меня с одной из своих родственниц; она так себе, ничего, но без пения в груди. Кстати о пении в груди, я слышала, что Григорьев в Москве и хочет воскресить «Москвитянина»⁶? Правда ли это? Почему-то интересуешься этим человеком, о котором можно сказать столько дурного...

Иногда по целым вечерам мы говорим ваши стихи. Стихи и, между прочим, ваши — приводят в какое-то опьянение, не правда ли? Из действительной жизни, из Ostra Allee, н(апример), переносят в покинутую, но не забытую деревню⁷, за три тысячи верст и за три тысячи лет, и так живо, что кажется опять живешь той жизнью. Боже мой! Как я стара! Мне три тысячи лет.

Вас интересует этимология Ostra Allee; я об ней узнавала, вот она. В 17-м веке был замок в окрестностях Дрездена; замок назывался Ostra; этим именем называется до сих пор аллея, которая начиналась в городе и примыкала к замку. Там, может быть, плясали карлики, о которых рассказывает Гейне. Помните его легенды⁸? Как же вы забыли Ostra Allee? Если идти от почтамта в Японский дворец, ее не минуешь. Весной она восхитительна, громадные каштановые деревья в цвету. Хотя и немецкие деревья, но я всегда буду о них вспоминать с особенным чувством.

Если вы написали что-нибудь — пришлите ради Бога, и пришлите скорей. Я прошу Марью Петровну подать вам перо и лист бумаги и приступить, чтобы вы написали. Письмо в Дрезден с приложением стихотворения, — это сокровище.

Мне очень жаль Н. Толстого⁹. Умный был и хороший человек. Помните ли вы Кобылина? Вероятно, не помните, но ваша справочная контора Марья Петровна напомнит. Он женился в прошлом году. Осенью доктора объявили, что у его жены чахотка; бедной женщине хотелось умереть во Франции (она была француженка) и через силы пустилась в путь, но не доехала и умерла на станции,

куда Кобылин ее принес при последнем издыхании; она не пролежала 5-ти минут. Он просил разрешения Синода, чтоб отвезти во Францию тело жены, разрешение пришло через две недели. Не забудет он этой станции¹⁰.

Прощайте, — нет, до свидания. Я надеюсь вернуться в мае. Жму вашу руку — а Марию Петровну целую.

С. Энгельгардт.

Сестра¹¹ вам кланяется.

Письмо датируется по содержанию: зиму 1860—1861 гг. С. Э. провела в Дрездене.

¹ Строка из стихотворения Фета «Тургеневу» («Прошла зима, затихла вьюга...»; 1858).

² В июне 1860 г. Фет приобрел на юго-западе Мценского уезда хутор Степановку с двумястами десятинами земли, где за несколько лет создал образцовое хозяйство. Степановка располагалась в 9 верстах от Курско-Орловской железной дороги. Свой сельскохозяйственный опыт Фет запечатлел в серии очерков «Записки о вольнонаемном труде» и «Из деревни», печатавшихся в основном в «Русском вестнике» в первой половине 60-х годов.

³ Гесиод (VIII—VII вв. до н. э.) — древнегреческий поэт, автор дидактической поэмы «Труды и дни», прославлявшей сельский труд. Этим именем Фет называл своего соседа по Степановке: «На днях познакомился и полюбил от души Кульмского героя, старика 70 лет кн. Голицина. Это не старик, а прелесть Гезиод» (письмо к С. Э. от 19 октября 1860 г. // Фет. СПП. С. 374—375. Об отношениях с семьей кн. Голицина Фет вспоминал и в своих мемуарах (Мои воспоминания. Т. I. М., 1890. С. 345—346. Далее ссылки на это издание: Фет. МВ).

⁴ Выражение из письма Фета к С. Э. от 19 октября 1860 г.: «Я Вам прямо скажу, и теперь более, чем когда-нибудь, что у меня нет приятелей без пеня в груди (разумеется, не того, которое у меня бывает от одышки)». (Фет. СПП. С. 374).

⁵ Очевидно, речь идет о семье Н. М. Орлова (1821—1886), сына декабриста М. Ф. Орлова и товарища Фета по Московскому университету. Фет был знаком и с его двоюродным братом Н. А. Орловым (1827—1885), русским послом в Париже в 50-е гг.

⁶ После возвращения из-за границы в 1858 г., Ап. Григорьев сотрудничал в «Русском слове», «Русском вестнике», «Отечественных записках» и других изданиях, но ни с одной редакцией не сошелся надолго. Осознание своей «ненужности» вынудило Григорьева покинуть сначала Петербург, а затем и Москву и уехать в «добровольную ссылку» в Оренбург, о чем он писал Н. Н. Страхову 18 июня 1861 г.: «Я дошел до глубокого презрения к литературе *Прогресса* (...) Лучше я буду киргизов обучать русской грамоте — чем *обязательно* писать в такой литературе, в которой нельзя подать смело руку хоть бы даже Аскоченскому в том, в чем он прав, и смело же спорить — хоть бы даже с Герценом, в чем он не прав» (Григорьев Ап. Соч.: В 2-х т. Т. 2. Статьи. Письма. М., 1990.

С. 413). Мысль о возрождении «Москвитянина» вставала перед Григорьевым еще в 1857 г. (см. письмо к М. П. Погодину от 27 октября 1857 г. Там же. С. 390), а в письме к Н. Н. Страхову от 18 июля 1861 г. Григорьев напишет: «Погодин — единственный мой политический вождь, так гнусно падок до популярности, что из рук вон» (Там же. С. 417).

⁷ Возможно, аллюзия на стихотворение Н. А. Некрасова «Забытая деревня» (1855).

⁸ Возможно, имеется в виду стихотворение «Ильза» из «Путешествия по Гарцу» Г. Гейне.

⁹ Толстой Николай Николаевич (1823—1860) — брат Л. Н. Толстого, скончался в Иере близ Нишцы 20 сентября н. ст. «Эта потеря для меня очень и очень тяжела, — писал Фет своей корреспондентке 19 октября 1860 г. — Никогда я не перестану жалеть об этом горячем, благородном сердце и светлом ясном уме» (Фет. СПП. С. 375). С Н. Н. Толстым С. Э. встречалась на музыкальных вечерах у Фетов в их московской квартире на Малой Полянке.

¹⁰ Сухово-Кобылин Александр Васильевич (1817—1903) — драматург. С. Э. была хорошо знакома с его сестрой Е. В. Салиас де Турнемир. 19 августа 1859 г. Сухово-Кобылин женился на баронессе Мари де Буглон, которая скончалась 26 октября 1860 г.

¹¹ Одна из сестер С. Э. — Новосильцева Мария Владимировна.

6

28 августа (9 сентября) 1861

Москва, 28 августа.

Милый мой Фет, недавно я писала к вашей жене, — а сегодня пишу к вам, да еще обращаюсь с просьбой. Не такой же вы стали хозяин, что не занимаетесь стихами. Посылаю вам *на суд* целую вязанку стихов¹.

Видите, в чем дело: сестра моя переводит Béranger², и ей не с кем посоветоваться; в этом случае, вы знаете, трудно выбрать советчика. Здесь у нас восхищаются позорными переводами Курочкина³; те, у которых есть крест на груди, им не восхищаются, но все-таки не могут, как вы, указать на недостатки стихотворения, а только сбивают с толку; каждый скажет свое мнение, и мнения расходятся, потому и нельзя их принять в расчет. Я уверила сестру, что вы будете так добры прочитать ее перевод и скажете *не обинуясь*, что о нем думаете. Ради Бога, прочтите это слово *à la lettre**, у сестры моей вовсе нет ложного литературного самолюбия. Если вы похвалите перевод, она будет очень рада и займется новыми сти-

* буквально (франц.).

хотворениями; если не похвалите, она переправит и, во всяком случае, поблагодарит вас. Посылаю вам тоже перевод Курочкина «Le vieux vagabond», «Старый нищий»⁴. Это: «было бы смешно, когда бы не было так грустно»⁵ — второе издание⁶!

Вы любите анекдоты, вот вам записочка, полученная недавно графиней Салиас⁷. Господин, который написал ее, должен был сказать: «Возвратите мне мою рукопись». Но такое несложное объяснение собственной мысли ему не понравилось, зато мне так понравилась записочка, что я ее украла, чтоб сообщить вам. Рукопись, должно быть, хороша была.

Мы будем ждать с нетерпением вашего ответа. Мы переехали в Москву в дом Волоцкой и стесняемся во флигеле, пока еще дом для нас не очистили. Жму вашу добрую руку, а Марию Петровну от души целую.

С. Энгельгардт ⁸.

Год письма устанавливается из содержания, по сопоставлению с последующими письмами.

¹ К письму приложено несколько листов с текстами на французском языке стихотворений П.-Ж. Беранже «Le vieux vagabond» («Старый нищий») и «Jacques» («Жак»), а также переводы этих стихотворений, сделанные сестрой С. Э. Е. В. Новосильцевой (см. письмо I, примеч. 7). Е. В. Новосильцевой принадлежит рецензия на переводы Курочкина: «Песни Беранже и его переводчик В. Курочкин» (Отечественные Записки, 1862, № 9). К этим листкам прилагался и перевод «Старого нищего», сделанный В. С. Курочкиным. В переводах Е. В. Новосильцевой имеется правка, которая, очевидно, частично принадлежит Фету.

² В связи со смертью П.-Ж. Беранже (1780—1857) в России широко обсуждалось его творчество и появилось множество переводов его песен в периодической печати. Еще в 1846 г. Ап. Григорьев собирался издать сборник своих переводов из Беранже. Однако наиболее популярными стали вольные переводы В. С. Курочкина, возмущавшие консервативно настроенных читателей свободным обращением с текстами поэта и введением в них русских реалий.

³ В 1858 г. вышло первое издание переводов из Беранже В. С. Курочкина (1831—1875). Последнее прижизненное издание (1874 г.) было шестым. Популярность переводов Курочкина была вызвана прежде всего политическими обстоятельствами, при которых обличение русской действительности заслоняло вопрос о точности переводов.

⁴ См. примеч. I к наст. письму.

⁵ Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «А. О. Смирновой» (1840).

⁶ Второе издание переводов В. С. Курочкина из Беранже вышло в 1859 г.

⁷ Салиас де Турнемир Елизавета Васильевна (1815—1892) — писательница (псевд. — Евгения Тур), хозяйка известного салона, который посещала и С. Э., жившая по соседству. В это время гр. Салиас издавала журнал «Русская речь».

⁸ Далее в письме следует приписка, сделанная, очевидно, Е. В. Новосильцевой: «Пришлите пожалуйста ваш перевод Béranger, его последней песни». Фет действительно перевел стихотворение Беранже «Adieu» («Прощай») в 1857 г. (Современник. 1858, № 1, под загл. «Предсмертное стихотворение Беранже», в дальнейшем публиковалось под загл. «Последняя песня»). 28 ноября 1857 г. он писал В. П. Боткину, что ему дал это стихотворение Л. Н. Толстой (см.: Фет А. А. Стихотворения и поэмы. Л., 1986. С. 710. Серия «Библиотека поэта»).

7

2 (14) сентября 1861

Сентября 2.

Фет, Фет, зачем вы разразились на меня, как Юпитер Громовержец, а если б поняли чувство, которое мне внушило мое письмо, вы не имели бы духа пустить в меня соломинкой. Вы даже упрекаете меня в эгоизме: «Чужую беду руками разведу...». Но без эгоизма любить невозможно, и вы были бы вправе на меня рассердиться только тогда, когда я бы бескорыстно радовалась тому, что вы поселились в миллионе верстах от Москвы. Разве я не знаю, что вы работаете, трудитесь, но меня и пугает мысль, что вы не будете вознаграждены за ваши труды и вместо барыша понесете убытки. — Дай Бог, чтоб я ошиблась, и дай Бог, чтоб вам было хорошо и тепло в вашем уютном уголке. Что касается г-жи Андреевой, я одного не понимаю: как вы имели терпение прочесть до конца ее бездарную дичь¹? Прочтите Jenny d'Héricourt. Ее понятия я не разделяю ни в каком случае, но невозможно не восхищаться уму, дарованию и логике этой женщины, которая разбила Прудона наголову, доказав ему как $2 \times 2 = 4$, что он не что иное, как пустой фразер². Как средневековый боец, она бросает рукавицу авторитетам французской литературы и побеждает их en champ clos*. У меня зачитали эту книгу, и мне очень жаль, что я не могу вам ее прислать; выпишите и прочтите: «La femme affranchie» par Jenny d' Héricourt**.

За что же вы возводите г-жу Григорьеву³ в героини драмы? Она просто героиня Замоскворецкого трактира. Житье в деревне ее бы не спасло и от нее бы не спасло мужиков, между которыми она бы искала героев Жоржа Занда. Такие госпожи не брезгливы.

Приятель ваш Тургенев здесь и бывает ежедневно у моей соседки г. Сальяс⁴; и она тоже осталась на прежней квартире.

* в рыцарском поединке (франц.).

** «Освобожденная женщина» Женни Д'Эрикур (франц.).

Получили ли вы мое письмо с переводами сестры⁵? Я послала вам ошибкой черновое стихотворение, вот оно переправленное, и мне кажется, что оно очень мило. Скажите, как вы находите? И будьте так добры, переправьте, если этот труд вам не надоест⁶.

Марью Петровну целую. Прощайте, Юпитер, и положите гнев на милость.

С. Э.

На обороте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету. В Орел.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 4 сентября 1861,

2) Орел, 6 сентября 1861.

Письмо датируется по почтовым штемпелям.

¹ Речь идет, вероятно, о повести С. А. Андреевой «Горе от ближних», напечатанной в 1859 г. в журнале «Русское слово», где в конце 50-х гг. Фет печатал свои переводы и стихотворения.

² Здесь и далее речь идет о книге Женни Д'Эрикур «La femme affranchie. Réponse à MM. Michelet, Proudhon, E. de Girardin, A. Comte et aux autres novateurs modernes» («Освобожденная женщина. Ответ гг. Мишле, Прудону, Э. де Жирардену, О. Контю и другим современным новаторам»), вышедшей в Брюсселе и Париже в 1860 г. в 2-х т., где содержалась развернутая критика воззрений Прудона по женскому вопросу с позиций движения эмансипации.

³ Григорьева Лидия Федоровна (рожд. Корш) — см. письмо 1, примеч. 5.

⁴ Частые визиты Тургенева к гр. Е. В. Салиас (см. письмо 6, примеч. 7) объяснялись тем, что он намеревался сотрудничать в журнале «Русская речь», который она издавала с Е. М. Феоктистовым. После разрыва с «Современником» Тургенев испытывал затруднения с публикациями своих произведений. В это время он работал над романом «Отцы и дети» и хотел опубликовать главу из него в журнале Салиас, о чем договаривался с М. Н. Катковым. Эта публикация не состоялась.

⁵ Фет получил письмо с переводами Е. В. Новосильцевой и сделал в них замечания и поправки, за что С. Э. благодарила его в письме от 24 сентября ст. ст. 1861 г. (см.: А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 185).

8

29 октября (10 ноября) 1861

Москва, октября 29.

Что делать, я опять принимаюсь за перо и за спор! Милый мой Фет, неужели вы не понимаете, что побеждает мнимого врага? Да! Вы положительно ко мне придираетесь. Я того и гляди буду в ответственности за то, что англичане и французы овладели Китаем. Клянусь вам заранее, что я в этом деле ни при чем. Кто

же вам позволил думать, что я вас считаю не способным понять *увлечение*? Вы способны его извинить и понять более, нежели кто-нибудь, но когда вы разворачиваетесь на Юлию Богдановну Шумар, например, называете же вы ее мужским именем Дмитрия Петровна. Разворачивались вы на меня за то, что Катерина Сер(геевна) играла в рулетку¹ и «Jeanne la Rousse» оказалась фразой, а я знаю наверное, что вы первые бы заступились за бедняжку и даже за ее рыженькие волосы².

Вы грозны на словах — попробуйте на деле...³

На деле очень трудно бросить камень в Jeanne la Rousse*. Это вы говорите — не я. Гораздо легче рассуждать о том, что гостиная засыпана пшеницей. Что же я сказала об этой пшенице? Правда — в виде украшения для гостиной я бы предпочла постель Латура⁴; но сохрани Бог мне в этом сознаться.

Если вы заключили из моих слов, что мы проживаем в год 3 т(ысячи) р(ублей) с(еребром), вы очень деликатны, что не называли меня лгуньей. Мы проживаем гораздо более, но те деньги, которые проживаются сверх доходов, достаются трудом; вы знаете, что сестра⁵ и я, мы пишем для журналов, она — статьи, а я повести. Вдобавок надо было лишиться многого; мы не держим экипажа, не зажигаем лишней лампы для посетителей, не потчуем их ужином и даже не нанимаем повара, а посылаем за обедом в трактир, а это обходится вдвое дешевле. Кто же говорит против труда, деятельности? Разве не лень и беззаботность довели нас до того плачевного состояния, в котором мы находимся теперь? Однако я бы желала знать, что вы называете французским воспитанием? По-моему, русская девушка не получает никакого воспитания, а француженка получает. У меня был пример на глазах. Кобылин женился на француженке⁶ и из чопорного faubourg St-Germain** привез ее в степную деревню. Кобылина была очень молода и хороша собой, как ангел; однако она объявила, что не выедет из деревни, пока муж не выплатит долгов, и принялась за хозяйство и за учение русского языка. Вправе ли мы требовать, чтоб русская девушка поступала по ее примеру? Чему ее учили? — Недавно одна петербургская дама мне говорила: «On donnait „Roméo et Juliette“: c'est un drame d'un auteur nommé Shakespeare»***. Види-

* Рыжую Жанну (франц.).

** Сен-Жерменского предместья (франц.).

*** Давали «Ромео и Джульетту»: это драма автора, которого зовут Шекспиром. (франц.).

те, что наделала ваша Степановка, что я выдаюсь с дамами, которые говорят «un auteur pommé Shakespeare», разве бы я бывала у них, если б вы были в Москве? — Вы скажете, что можно их избегать, нет, нельзя. Они к вам свалятся с неба, в самую неожиданную минуту.

Не браните меня за то, что я сказала о Тургеневе. Вы его знаете с выгодной стороны, а я с самой невыгодной, как и многие, впрочем. Зачем же он так себя показывает, тем в особенности, кто бы дорого дал, чтоб иметь право любить его. Не в силах человеческих не верить в впечатление или из дурного сделать хорошее. На что мне его практическая жизнь? Разве за то не любят человека, что он плохой хозяин, или любят за то именно, что он занимается хозяйством? А вам спасибо за это слово: *Ведь надо же кому-нибудь быть orfevre** ⁷! Надо, надо, и вы сами остались *orfevre* — в гостинной, заваленной пшеницей.

О Боже! Боже! Что я накликаю на свою бедную голову?.. Соком мне выйдет пшеница, и с ужасом я перечитываю надпись «Свирепый вам...»

С. Энгельгардт.

Только не называйте меня Дмитрия Петровна... Да, скажите пожалуйста, чем немецкий дождик лучше русского? — Кроме дождя, дождя и опять дождя я ничего не видала в Дрездене, и не осенью, а во все времена года. Но разумеется я виновата в том, что в Дрездене отвратительный климат. Вы просто Соломон 19-го столетия.

Сестра собирается к вам писать⁸ и просила передать поклон; обе мы целуем Марию Петровну.

На обороте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету. В город Орел.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 30 октября 1861,

2) Орел, 2 ноября 1861.

Письмо датируется по почтовым штемпелям.

¹ В письме от 24 сентября (6 октября) 1861 г. С. Э. рассказала Фету, что Е. С. Протопопова (см. письмо 1, примеч. 6) выступала с концертами в Гейдельберге, затем проигралась в рулетку (см.: А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 185—186).

² Обсуждая переводы из Беранже, Фет, очевидно, высказал свое отношение к его творчеству. «Почему же это вы не поклонник Беранже, — писала ему С. Э. 24 сентября (6 октября) 1861 г. — Неужели его стихотворения «Jeanne la Rousse», «Vous vieillerez. ô ma maîtresse», «Le pauvre Jacques» («Рыжая Жанна»,

* ювелиром (франц.).

«Вы состаритесь, о моя подруга», «Бедный Жак» — Н. Г.) не исполнены очаровательной простоты и прелести? И какая личность!» (Там же. С. 185).

³ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России» (1831).

⁴ Латур (Ла Тур) Жорж де (1538—1652) — французский живописец.

⁵ Новосильцева Екатерина Владимировна — см. письмо 1, примеч. 7.

⁶ См. письмо 5, примеч. 10.

⁷ Эта фраза из письма Фета, очевидно, относилась к И. С. Тургеневу.

⁸ В РО ИРЛИ сохранилось несколько писем Е. В. Новосильцевой к Фету.

9

27 ноября (9 декабря) 1861

Москва, ноября 27.

Милый мой Фет, в ответ на ваше стихотворение посылаю вам одно, премилое, из журнала Аксакова¹. Вы может быть не получаете «Дня»? А если получаете, то читаете прелестную повесть Кохановской². Какой талант! Но ни Кохановская, ни Аксаков не понимают, что славянской женщины еще нет, что она должна выработаться. О многом мы с вами переговорим, и скоро, я надеюсь: теперь я буду вас ждать со дня на день³. Я вполне вам сочувствую, когда вы сердитесь за то, что людская глупость испортила нам жизнь, и вполне ненавижу долбление мозга, а все толкуют об общем благе! Где счастье? Кто счастлив? — Куда ни заглянешь, везде нищета, болезнь, скука, истощение. Отчего же это так? Отчего у каждого из нас словно гора на плечах? В Германии я иногда гуляла в Публичном саду, куда собирались старушки, старые, старые до бесконечности, со своими дочерьми и внучатами, и с какой завистью я глядела на их спокойные и довольные физиономии. Не много они требовали от жизни, хорошо им жилось и хорошо им будет умирать.

Где же вы остановитесь в Москве? Как-то странно будет вас видеть на другой квартире. Что касается нас — мы перепробовали все дома Волоцкого — да и тот, который занимаем теперь, будет, кажется, очень холоден. Он стоит рядом с домом г(р). Сальяс и выходит на Садовую. Я вас заранее предупреждаю, чтоб избавить вас от скуки меня отыскивать. На меня было навязались новые знакомства, — но Бог помог от них освободиться, и я думаю с наслаждением о вечерах, которые буду проводить с вами и с вашей женой. Поцелуйте ее за меня и приезжайте скорей. Сестры вам кланяются.

С. Энгельгардт.

На обороте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету. В город Орел.
Почтовые штемпели: 1) Москва, 29 ноября 1861,
2) Орел, 2 декабря 1861.

Год написания устанавливается по почтовым штемпелям.

¹ Возможно, С. Э. послала Фету стихотворение Ф. И. Тютчева «При посылке Нового Завета» (День, 1861, № 3). Газета «День» выходила в Москве с 15 октября 1861 г. по 1865 г. (редактор-издатель И. С. Аксаков).

² Кохановская — псевдоним писательницы Надежды Степановны Соханской (1825—1884). Очевидно, С. Э. имеет в виду повесть Кохановской «Кирилла Петров и Настасья Дмитриевна» («День», 1861, № 1—9). Фет не разделял увлечения многих литераторов творчеством Соханской. В письме к С. Э. от 14 октября 1862 г. он писал: «Слава вышних Богу, Вы не Кохановская. По ее писаниям уж я составил себе понятие о ней, как о кувыркале, которая любит все не по-людски. На подобное кувыркание имеет право Шекспировская сила, а не наш брат бумагомаратель. Пусть там она или Цацира Попюре (?) откалывают па в мазурке или контредансе не такие, как все, но если это станет делать Миритриса Кирбитьевна (точнее, Милитриса Кирбитовна, персонаж переводной рыцарской повести „Бова-королевич“ — Н. Г.) — ух! куда это выйдет тошно» (Фет, СПП. С. 376).

³ В декабре 1861 г. Феты приехали в Москву и остановились у Н. П. Боткина, где пробыли до февраля 1862 г.

10 6 (18) марта 1862

Москва, марта 6.

Милый мой Фет, повесть Тургенева прелесть¹. Его художественная природа не вытерпела и разразилась громом на людей, которые провозгласили торжество *разума*, как они выражаются, т. е. самой грубой материальности, преследующей и искусство и всякое нежное и благородное помышление. Герой, героиня и все остальные лица необыкновенно свежи и верны, за исключением эмансипированной женщины. Она является только в одной сцене как посредственная картинка, записанная случаем в галерею мастерских типов. Это лицо не естественное, должно быть, портрет; — я так думаю, впрочем, может быть, я ошибаюсь². Мне понравился в особенности Павел Петрович Кирсанов, один Тургенев умеет нарисовать тип такими тонкими штрихами. К сожалению, вы еще не скоро прочтете повесть, она вышла только третьего дня и долго будет добираться до Орловской губернии; но мне хотелось поделиться с вами наслаждением, которое осталось у меня на душе, и которое

(увы!) так бы осмелял сам Иван Сергеевич. Благовоспитанные женщины не восхищаются, в мои лета и подавно. Он, Бог с ним, такой чопорный! Я знаю, что вы на меня посердитесь за чопорность Ивана Сергеевича, но с вами мы сочтемся³. Ведь вы простили же мне рулетку Катерины Сергеевны. Кстати, я получила письма от К. С., она больна, бедняжка, и скрывает это от матери. До осени ей нечего и думать о России.

Читая повесть Тургенева, я вспоминала критические статьи «Современника» последних двух лет. В одной из этих курьезных статей говорилось, что Пушкин тоже любил заниматься цветочками, а речь шла преимущественно о вас⁴. В повести «Отцы и дети» рассказывают, что у одной женщины был *загадочный* взгляд. Базаров (герой нигилист) отвечает: «проштудируй-ка анатомию глаза и скажи мне, где ты тут найдешь загадочный взгляд»⁵. Вот вы им и толкуйте, что поэзия не сама вещь, а запах вещи⁶. Нет! у них носы устроены для оценки зеленого табаку.

У нас так мало говорят о Панаеве, что кажется иногда, что он еще жив. Надо, однако, отдать ему справедливость, он принес известного рода пользу литературе, хоть бы афоризмами Кузьмы Пруткова и довольно удачными пародиями⁷.

Наш общий знакомый Берг женится⁸. Он привез из Бейрута арабку с расписанными руками и чисто восточной красотой. Ей 15 лет, и ей уже 40 раз пускали кровь, а она еще, кажется, так и клокочет у ней в жилах. Премилое существо, все в ней естественно, и неожиданные детские выходки, и движения, и способность хозяйничать в чужой гостиной, как в своей собственной. Она уже все понимает по-русски, а с Бергом говорит на своем звонком, мягком, музыкальном родном языке. К сожалению, его приданое состоит в красной феске. Как будет перебиваться Берг, не знаю; а он такой славный и так влюблен в свою будущую жену. Теперь она только занимается, что куклами и картами, теперь все хорошо...

Слышали вы, что петербургские каналы и водопроводы не были чищены со времен Анны Иоановны⁹? Собрали совет и решили, что если примутся их чистить, то не минуют заразы. А ваше хозяйство как идет? У нас стоит чудная погода

И возрожденья весть живая
Уж есть в пролетных журавлях¹⁰.

Как бы мне хотелось попасть к вам летом.

Жму вам руку и целую милую мою Марью Петровну. Сошло ли ей с рук путешествие по ухабам? Она его очень боялась¹.

С. Энгельгардт.

Читали ли вы в «Р(усском) Вестнике» подражания Шенье — Алмазова? Как они вам нравятся? Мне кажется, очень хороши¹².

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету. В город Орел.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 7 марта 1862,

2) Орел, 10 марта 1862.

Год написания письма определяется по почтовым штемпелям.

¹ Роман И. С. Тургенев «Отцы и дети» был напечатан во втором номере журнала «Русский Вестник» за 1862 г.

² С. Э. не ошиблась: в подготовительных материалах к роману Тургенев против фамилии Кукшиной записал: «Рабски скопировать г-жу Киттары — и пустить ее в ход» (*Тургенев И. С. Собр. соч.: В 30-ти т. Соч., Т. 12. М., 1886. С. 570*).

³ Катерина Сергеевна Протопопова — см. письмо 1, примеч. 6 и письмо 8, примеч. 1.

⁴ С. Э. вспоминает фельетон И. И. Панаева «Петербургская жизнь», опубликованный в № 8 журнала «Современник» за 1860 г. (Отд. III, С. 320—325). Об этой статье она писала Фету 22 сентября (4 октября) 1860 г.: «В ней отделаны все русские поэты, начиная с Пушкина, который, по мнению критика, тоже занимался *засохшими цветочками*. Неизвестный критик ненавидит цветы. Я того и ждала, что он прикрикнет на Господа бога за то, что он занялся таким ничтожным произведением, как цветочки, после постройства (sic!) земного шара. А вы как низко стоите в его мнении! Сначала я сердилась, — потом рассмеялась над этим догматическим тоном, над этими жалкими пошлостями, над которыми будто написано *infaillible* (непогрешимо — *Н. Г.*) — но после чтения мне стало невыносимо грустно. Неужели молодое поколение поверит на слово этому господину и его последователям; неужели тому из нас, кто доживет до старости, придется слышать одни ругательства и насмешки над тем, что доставляло нам такое чистое наслаждение?» (см.: А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 182). Откликаясь на это письмо, Фет писал: «Вы пишете, что меня бранят в „Современнике“. Я его не получаю и не вижу. Но мне решительно теперь все равно, что они будут обо мне писать и говорить. Жаль, что новое поколение ищет поэзию в действительности, когда поэзия есть только запах вещей, а не самые вещи. Но и об этом жалеть не следует. Можно жалеть о засухе известного года, но тужить, что засуха будет вечная, не основательно (...) И опять окончится гонение на поэзию и опять люди прильнут к ней жално» (Фет. СПП. С. 375).

⁵ Не вполне точное изложение слов Базарова к Аркадию («Отцы и дети», гл. VII).

⁶ Эти слова принадлежали Фету (см. наст. письмо, примеч. 4).

⁷ И. И. Панаеву (1812—1862) действительно принадлежало большое количество стихотворных пародий (совместно с Н. А. Некрасовым он писал под

именем Нового поэта) и журнальных обзоров в «Современнике». Деятельное участие принял Панаев и в создании «Свистка», однако его авторство части «произведений» Козьмы Пруткова является спорным, во всяком случае В. М. Жемчужников, отвечая А. Н. Пыпину на вопросы, касающиеся истории создания сочинений Козьмы Пруткова, писал 6 (18 февраля) 1883 г.: «Кроме этого эпиграфа, напечатанного, без подписи, впереди соч. Пруткова, решительно ничего нет ни Панаевского, ни Некрасовского в соч-ях К. Пруткова» (см.: Берков П. Н. Козьма Прутков, директор пробирной палатки и поэт. К истории русской пародии. Л., 1933. С. 195—196).

⁸ Берг Николай Васильевич (1823—1884) — поэт, писатель, переводчик. Этот эпизод С. Э. подробно изложила в своих мемуарах (см.: Русское обозрение, 1890. № 11. С. 109—110).

⁹ Анна Иоанновна (1693—1740) — с 1730 г. российская императрица.

¹⁰ Строки из стихотворения Фета «Еще весны душистой нега...» (1854).

¹¹ Имеется в виду возвращение Фетов в Степановку в начале февраля 1862 г.

¹² Алмазов Борис Николаевич (1827—1876) в начале 60-х гг. печатал свои «подражания» Андре Шенье в журнале «Русский вестник» (1862, т. 37, 40, 41). Фет отрицательно оценил попытку Алмазова переводить Шенье: «Только в тишине безмятежности может звучать свободное искусство. А теперь все всколыхано; может быть, и буря прошла, но море ходит и проходит долго, и напрасно Алмазов берется за Шенье. Так нельзя на лету переводить ни классиков древности, ни новейших. Цельное кипрское вино превращается в русский квас с червями на подонках» (письмо к С. Э. от 14 октября 1862 г. // Фет. ССП. С. 376).

11

19 (31) марта 1862

Москва, марта 19.

Как же мне дожидаться лета, чтоб поспорить с вами? Вы в восхищении от повести, а бросились на Тургенева за *тенденцию*¹. Вы так далеко зашли в теории, что не позволяете художнику быть человеком; он вещь, средство, инструмент, это невозможно, да и никогда не бывало, как хотите. — Шекспир? Да неужели «Тимон Афинский», например, был писан без *канвы*, без *point de vue**? — Представьте себе, что Тургенева долго преследовало направление нигилистов. Оно возбуждало в нем желчь и негодование, и бессознательно в его воображении создался тип Базарова. — Куда же ему было девать этот тип? Он вылился из-под пера на бумагу². Что вы называете *тенденцией*? Конечно, не ненавистную дидактику, не обличительные произведения, об них мы и говорить не будем; но

* точки зрения (франц.).

ведь, пожалуй, во всем на свете мы найдем цель, все объяснимо *тенденцией*. Вы назвали Гамлета? Он живое доказательство, что люди бесхарактерные и любящие фразу — не полезны ни себе, ни другим. О Дон-Кихоте я не говорю, он не что иное как сатира на рыцарство³, пожалуй, и Мадонна Гольбеина была написана с целью. Гольбейн встретил немку с васильками и колбасой и принялся за кисть, я, мол, докажу, что немка немке рознь...⁴

Не сердитесь на меня за эту пошлость. Но кто мне докажет, что живые Гамлеты не раздражали нервы Шекспира и не внушили ему бессмертного типа? — Вы сами не ушли от *point de vue**. В стихотворении

Уж верба вся пушистая...⁵

любовь к весне дышит в каждом слове, и она внушила вам это прекрасное стихотворение; почему же ненависть к Базарову не заставила бы Тургенева написать целую повесть? Последние восхитительные строки разгоняют невыносимое впечатление, которое оставляет на читателя смерть Базарова⁶. А как вы находите сцену между двумя стариками после его отъезда? — А любовь Базарова? Впрочем, всего не перечтешь. Я верю, что у Тургенева доброе и мягкое сердце, так хочется этому верить⁷, но разве моя вина, что его *барыни* избаловали? Соседка моя его избаловала⁸, а он со мной капризничает⁹, а вы из этого заключили, что я чересчур самонадеянна?... Этого только не доставало! «Простудите-ка анатомию глаза...»¹⁰ и нельзя будет доказывать, что $2 \times 2 = 5$.

Я не читала «Valvèdre»¹¹, мне говорили, что книга плоха, и я, признаюсь, поверила, потому что последние романы Ж. Занда из рук вон плохи; но другой роман, «Le Marquis de Villemer»¹², я прочла и умоляю вас, если вы намерены заступаться за этого тоску нагоняющего господина и за накрахмальные добродетели его возлюбленной, — не говорите мне об этом. Вы знаете, как я уважаю вашим мнением, я занемогу с досады. Он даже замерзнуть не сумел, оттерли его и еще вылечили от аневризма. «Valvèdre» я прочту, если в нем можно узнать прежнего Ж. Занда.

Читали ли вы «Минин» Островского¹³? Вот, я вам скажу, плохо-то без апелляции. Сам он, говорят, от своего Минина в восторге, и многие ему поверили на слово; я не одолела драмы до половины; если Островский об этом узнает, он меня уничтожит. На днях была

* точки зрения, предвзятого мнения (*франц.*).

у меня Катерина Алексеевна Протопопова и рассказывала, что старик Григорьев продал свой дом за 5 т(ысяч) целковых, расплатился с должниками, и от всей суммы очистилось 800 ру(блей), которые он пошлет сыну, — а сам куда денется — это еще не решено, но, во всяком случае, он объявил, что ни за что на свете не останется с своей невесткой¹⁴. Она опять в больнице. С месяц тому назад она воротилась домой за полночь и в таком виде, что до спальни не дошла, а упала у ворот и отморозила руки и ногу. Катерина А(лексеевна), добрая душа, полагая, что она при смерти, навестила ее — ничего, — руки заживают, и больная не упала духом. Она уловчилась украсть у племянницы Катерины А. золотой браслет, — но будет об этом, — отвратительно! Не хочется мыслей марать. Я нездорова и пишу лежа, но зато устала. Марью Петровну целую и прошу заступаться за меня, когда вы будете нападать на меня за К(атерину) С(ергеевну) и за рулетку¹⁵. Сестры мои ей посылают поклон. А вам что же я скажу? Поворчите на меня поскорей, то есть напишите поскорей.

С. Э.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету. В город Орел.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 20 марта 1862,

2) Орел, 24 марта 1862.

Впервые полностью опубликовано: А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 186—188.

¹ Письма Фета, содержащие непосредственный отклик на роман «Отцы и дети», до нас не дошли. По ответному письму Тургенева, с нетерпением ожидавшего отзыва Фета, можно заключить, что поэт высказал сходные суждения обоим корреспондентам: «Вы приписываете всю беду *тенденции, рефлексии*, уму одним словом. (...) Тенденция! а какая тенденция в „О(тцах) и д(етях)“ — позвольте спросить? Хотел ли я обругать Базарова или его превознести? Я *этого сам не знаю*, ибо я не знаю, люблю ли я его или ненавижу! (...) Скажу Вам одно, что я все эти лица рисовал, как бы я рисовал грибы, листья, деревья; намозолили мне глаза — я и принялся чертить. А освободиться от собственных впечатлений потому только, что они похожи на тенденцию — было бы странно и смешно» (Письмо от 6 (18) апреля 1862 г.)

² Аргументы С. Э. в полемике с Фетом по поводу «Отцов и детей» похожи на те, что приводил сам Тургенев.

³ Первоначально роман Сервантеса «Дон Кихот» был задуман как пародия на рыцарские романы.

⁴ См. письма 2 и 3, примеч. 3.

⁵ Первая строка стихотворения Фета «Весна» (1844).

⁶ Речь идет о заключительных строках романа: «Неужели любовь, святая, преданная любовь не всемогуща? О нет! Какое бы страстное, грешное, бунту-

ющее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии „равнодушной природы“; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной». Характерно, что Герцен в своем письме к Тургеневу от 9 (21) апреля 1862 г. тоже выделил финальные строки: «Requiem на конце — с дальним апрошем к бессмертию души — хорош, но опасен, ты эдак не дай стрелка в мистицизм» (*Герцен А. И.* Собр. соч. в 30-ти т. Т. 27, кн. 1. М., 1963. С. 217).

⁷ Очевидно, слова из не дошедшего письма Фета.

⁸ Соседка — графиня Е. В. Салиас де Турнемир (см. письмо 6, примеч. 7).

⁹ Чем вызвана такая характеристика отношения к ней Тургенева, не ясно. В письме к Фету от 15 (27) февраля 1860 г. Тургенев писал: «Меня грызет мысль, что она могла меня счесть за невежу» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Письма. Т. 4. М., 1987. С. 160).

¹⁰ См. письмо № 10, примеч. 5.

¹¹ В романе «Вальведр» (1861) Ж. Санд выступила в не привычной для себя роли защитницы брака, осудив героев, играющих любовью и приносящих несчастье окружающим. Это, очевидно, привлекло внимание Фета, рекомендовавшего роман С. Э.

¹² Роман Ж. Санд «Маркиз де Вильмер» (1861) сразу был переведен и печатался с апрельской книжки «Библиотеки для чтения».

¹³ Драматическая хроника А. Н. Островского «Козьма Захарыч Минин-Сухорук» была напечатана в № 1 «Современника» за 1862 г. Судя по ответному письму Тургенева к Фету, пьеса Островского Фету не понравилась (см.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Письма. Т. 5. М., 1988. С. 29—30).

¹⁴ Речь идет о семье Ап. Григорьева, в доме которого на Малой Полянке Фет жил в период учебы в Московском университете. В конце 50-х гг. Фет снял квартиру в доме Сердобинской на Малой Полянке, о чем вспоминал в своих мемуарах: «...все три года нашего зимнего пребывания в доме Сердобинской я продолжал по временам посещать находившийся в ближайшем с нами соседстве дом старика Алекс. Иван. Григорьева, отца Аполлона Григорьева. Я любил добродушного старика, умевшего, невзирая на небольшие средства, дать прекрасное образование своему талантливому сыну, с которым вместе я прожил на антресолях четыре года университетской жизни (...) Все три года, в которые я по старине посещал Алекс. Иван., Аполлона Алекс. не было дома, и бедный старик, добывавший скудные копейки ходатайством по делам, жаловался на то, что сын прикинул ему жену с двумя детьми и выпросил у отца позволения заложить последний дом» (МВ. т. 1. С. 357). Л. Ф. Григорьева (см. письмо 1, примеч. 5 к нему) жила в доме свекра, А. И. Григорьева (1787—1863). Ап. Григорьев испытывал большие денежные затруднения: в январе 1861 г. он был посажен в долговую тюрьму в Петербурге, в марте назначен учителем в Оренбургский кадетский корпус, куда он уехал в мае со своей гражданской женой М. Ф. Дубровской.

¹⁵ Протопонова Екатерина Сергеевна — см. письмо 1, примеч. 6 и письмо 8, примеч. 1.

Москва, апреля 26.

Я не могла понять, почему вы так долго молчите и уже собралась писать к вам, когда получила ваше письмо с ужасным рассказом о путешествии на Святой. Это целая Одиссея! Марья Петровна боится кареты в городе, как же она решилась путешествовать по русской грязи? По грязи можно ехать только в царство небесное, и остается благодарить Бога, что карета, а не кто-нибудь из вас, осталась на месте. Что касается моей поездки к вам, ей с каждым днем учреждается новое препятствие: ваш брат женится¹ — а мой² приедет в Москву будущим летом, но еще сам не знает, в какое время. Между тем доктор мне запрещает ездить даже по мостовой и на днях соберет для меня консилиум. Не правда ли, как это утешительно? Но я так привыкла идти налево, когда мне хочется идти направо — что уже потеряла способность возмущаться на препятствия.

Хотите вы литературных новостей? Журналисты и герои нашего времени бросились на Тургенева, как стая бешеных собак; толкуют без устали об его повести, что доказывает, как она сильна. Базаровы первой руки взялись на него за то, что он относится без симпатии к великой фигуре своего героя, а мелкоплавающие Базаровы петушатся иначе, спрашивают: где он встречал таких людей? Не за свое взялся и т. п. Третий разряд крикунов освирепел на Павла Петровича Кирсанова как на аристократишку. Мнение светских людей проще. «On ne se permet pas de mettre en scène un homme aussi mal élevé que Базаров»*. Помните мнение буфетчика о Базарове³? Совершенно то же.

Все это очень грустно и страшно расстраивает нервы. Неужели художнику и порядочному человеку нет житья в нашем обществе? Если бы вы знали, как оно мне противно! Иногда целый день слушаешь, слушаешь, а вечером ложишься спать с таким безотрадным чувством на душе. Теория на теории, а какая сухость и какой депотизм в наших доктринах, вечно проповедующих о свободе! Не дай Бог отведать их свободы! Вот Тургенев осмелился сказать то, что думал, они и готовы его изжарить⁴.

Я тоже могу вас потешить новыми проделками нашей знакомой г-жи Григорьевой. Она подала просьбу на мужа оренбургскому

* Нельзя изображать человека столь дурно воспитанного, как (франц.).

губернатору, что муж не дает денег, пьяница и нехорошего поведения, словом, все как следует. Губернатор переговорил с Григорьевым, а Григорьев написал своей жене, что он ее всегда любил и уважал и просит ее переехать к нему в Оренбург, чтоб жить вместе душа в душу. Она собирается в путь. Этот рассказ я слышала от одного из прежних приятелей Григорьева и не поверила, но Катерина Алексеевна⁵ была у меня и рассказала то же из слова в слово. Все это называется простотой⁶. М-me Roland сказала: «O Liberté! que de crimes on commet en ton nom!»* ⁷ Можно сказать: «O vérité! que de crimes on commet en ton nom!»**

Но я замечаю, что «я сего»дня⁸ просто зла, мне пора кончить. Напишите поскорей, я знаю, что у вас дела по горло, но все-таки прошу, чтобы вы и обо мне не забывали. Если б я была здорова, я бы уже теперь к вам отправилась и жила бы у вас до возвращения брата. Что Марья Петровна? Оправилась ли от тарантаса?

С. Э.

На обороте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету. В город Орел.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 27 апреля 1862,

2) Орел, 29 апреля 1862.

¹ О ком идет речь, неясно.

² Брат С. Э. — Новосильцев Александр Владимирович (1822—1884) был товарищем Фета по Московскому университету и входил в кружок Ап. Григорьева. Позднее Фет вспоминал: «Появлялся товарищ и соревнователь Григорьева по юридическому факультету, зять помощника попечителя Голохвастова, Ал. Вл. Новосильцев, всегда милый, остроумный и оригинальный» (*Фет А. А. Ранние годы моей жизни*. М., 1893. С. 154). Летом 1864 г. с ним случился удар, от которого он не оправился до конца жизни.

³ Имеется в виду характеристика отношения к Базарову старого слуги Прокофьяча, «который не любил его, с угрюмым видом подавал ему за столом кушанья, называл его „живодером“ и „прошелыгой“ и уверял, что он с своими бакенбардами — настоящая свинья в кусте. Прокофьич, по-своему, был аристократ не хуже Павла Петровича» (гл. X). Об откликах современной критики на роман «Отцы и дети» см.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Письма. Т. 6. М., 1981. С. 436—456.

⁴ В письме С. Э. Фету от 26 мая (7 июня) 1862 г. содержится свидетельство о ее участии в устных обсуждениях романа Тургенева: «Я действительно заступилась слишком горячо за Тургенева, но я была так рада, что он обличил Базарова и так мастерски обличил, — а теперь я за него заступаюсь и не соглашаюсь с другими в недостатках повести, потому что его все бранят. А каков „Современник“? Охота же была Тургеневу связываться с этой шайкой, кото-

* «О свобода! Сколько преступлений совершается во имя твое!» (*франц.*).

** «О простота! Сколько преступлений совершается во имя твое!» (*франц.*).

рая не признает в нем даровитости?» (В кн.: А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 189).

⁵ Протопопова Екатерина Алексеевна — мать Е. С. Протопоповой (см. письмо I, примеч. 6).

⁶ Очевидно, Фет в неизвестном письме высказал свое отношение к «истории» Ап. Григорьева, так как в письме от 26 мая (7 июня) 1862 г. С. Э. отвечала ему: «Скажите, Фет, почему же вы решили, что литератор человек несостоятельный, а свобода их сомнительной честности. Не всякий пойдет по стопам Г(ригорьева). Я вам скажу, что я не встречала человека, на него похожего. Он разрушал в себе систематически благородные чувства, начиная с главного — с чувства негодования. Островский его убедил, что люди, которые способны негодовать, не понимают простоты. Вы знаете, вероятно, что Г(ригорьев), человек замечательного и оригинального ума, никогда не жил своим умом, он его вечно приносил в жертву какому-нибудь отвратительному влиянию; это нравственный самоубийца. Когда я его знавала, он был идеалист, поэт в душе, а теперь, после последней выходки, какая порядочная женщина протянет ему руку? Ведь его рука написала к Л(идии) Ф(едоровне), что он ее всегда любил и уважал» (Там же. С. 189).

⁷ M-me Roland (Ролан, рожд. Манон Флипон; 1754—1793) — жена известного политического деятеля Французской революции 1789—1793 гг., близкого к жирондистам, хозяйка знаменитого салона, автор мемуаров. В 1793 г. была приговорена к смерти и казнена. Приведенная фраза была произнесена ею на эшафоте, выстроенном напротив статуи Свободы, которая была воздвигнута на пьедестале, ранее служившем подножием памятника Людовику XV.

⁸ Здесь в рукописи имеется дефект в том месте, где вырезана марка. Утраченные слова восстанавливаются в ломаных скобках.

13¹

7 (19) мая 1862

⟨...⟩ *против своих убеждений*. ⟨...⟩ и поступила по убеждению,

Я пишу à bâtons rompus*, такой выпал день, что меня отрывали 20 раз от письма. Жму вашу руку и целую Марью Петровну. Исполните мою просьбу; я знаю, что Миллеру² должны со всех сторон, и буду очень рада, если мне удастся помимо его оказать ⟨эту⟩ услугу. Я знаю по опыту, как непри(ятно, ког)да не платят, мы и теперь ⟨...⟩. Сестры поручают мне ⟨вам⟩ передать поклон.

С. Э.

На обороте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету. В город Орел.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 7 мая 1862,

2) Орел, 9 мая 1862.

* урывками (франц.).

¹ Сохранился только конец этого письма, который тоже содержит дефекты текста из-за вырезанной марки. Восстановленные слова и пропуски отмечены многоточиями в ломаных скобках.

² Возможно, Миллер Федор Богданович (1818—1881) — поэт и переводчик (см. о нем воспоминания Н. В. Берга // Русские мемуары. М., 1990. С. 367). С Миллером С. Э. могла познакомиться в салоне Ф. Н. Глинки.

14

27 сентября (9 октября) 1862

Москва, сентября 27.

Если бы вы были здесь, мой милый Фет, вы бы видели Ольриджа¹ и отдохнули бы немножко от той отвратительной сферы, в которой задыхаются порядочные русские люди. Боже мой! Куда ни обернись, везде ложь и воровство, воровство и ложь и торжество лгунов и воров над их жертвами! Стыдно и больно в этом сознаваться, так больно, что иногда хотелось бы себя обманывать, но не обманешь. Свободники наши так же противны, как все остальное. Слышали вы, что в Петербурге схватили одну госпожу Александровскую, приятельницу и сотрудницу «Молодой России»²? Она рассказывает в своем дневнике, что она была на пожарах и восхищалась и великолепным зрелищем, и высокими убеждениями поджигателей;³ вот она, героиня социалистов. Когда ее схватили, она была беременна, (она не замужем), кто-то спросил, кто отец ее ребенка? Госпожа Александровская отвечала: «Вся Россия», и как, должно быть, осталась довольна такой грандиозной мыслью. Но Ольридж гораздо интересней госпожи Александровской; я бредила несколько дней и им и Шекспиром. Критики и переводчики нам поясняют «Гамлета», «Короля Лира», «Ричарда», а «Отелло» поймет ребенок без пояснений; роль Отелло, кажется, была создана для Ольриджа. Вы знаете, что он африканец; он умеет придавать своей физиономии детскую наивность, плакать как дитя, но зато в припадке бешенства это разъяренный тигр. У этого человека не кровь в жилах, а порох. Я должна признаться, что в сцене с сенаторами, когда он рассказывает, какими чарами он соблазнил Дездемону — его жест и игра вообще не соответствуют очаровательной простоте рассказа, но в остальных сценах он неподражаем. Говорят, Полтавцев и Самарин⁴ им не довольны; Садовский⁵ в восторге — и это меня обрадовало; авось Ольридж утешится как-нибудь от приговора наших знаменитых драматических актеров. Что каса-

ется «Дон Жуана» графа Т(олстого), мне понравилась больше всей драмы сцена, которую он переправил и поместил в последнем № «Р(усского) вестника»⁶. Миллер мне рассказывал, что он видел в Москве одну вывеску портного: «Иванов ученик Федотова». Переправленная сцена «Дон Жуана» мне напомнила об этой вывеске. Чем Иванов лучше Федотова, Бог их знает! Кохановская⁷ здесь, все бросились на нее смотреть, но увы! все разочаровались. В Петербурге литераторы ее приняли с большими почестями, и государыня пожелала ее видеть. Она обезумела и, говорят, не смотрит на нас, грешных. Только и толкует, что о своем таланте и о чести, которую ей сделала императрица, даже Аксаков от нее отступился и избегает о ней говорить⁸.

Брат уже давно уехал за границу и поручил мне позвать вам руку за него⁹. У него лихорадка, когда он говорит о том, что у нас делается, и много горечи накопилось в сердце. Я целую Марию Петровну за себя и за сестер и жду вас с большим нетерпением. Вы очень милы, что напомнили Бржесскому о Миллере¹⁰, сам он ни за что о себе не напомнит. Вышло, наконец, новое издание перевода «Илиады»¹¹, и я ее читаю с большим наслаждением. Не забывайте меня, пожалуйста, мой милый, и в свободную минуту

быстро ко мне обратитесь с крылатою речью...¹²

С. Э.

На обороте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету. В город Орел.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 27 сентября 1862,

2) Орел, 29 сентября 1862.

¹ Ольридж (Олдридж) Эйра (Айра) (1805—1867) — известный негритянский трагик, прославился исполнением ролей шекспировского репертуара. В 1850 — начале 60-х гг. совершил гастрольные поездки по странам Европы, в том числе и по России.

² В мае 1862 г. П. Г. Заичневским была написана прокламация «Молодая Россия», в которой содержались призывы к свержению самодержавия; за распространение этой прокламации в Петербурге и Москве был арестован ряд лиц, причастных к этому, в том числе и В. В. Александровская, которая была приговорена к ссылке.

³ Сведений о дневнике В. В. Александровской обнаружить не удалось. С 28 по 30 мая в Петербурге бушевали пожары, в результате которых сгорели Апраксин и Шукин рынки. Поджигателями были объявлены студенты-нигилисты и начались массовые аресты. Герцен в «Колоколе» сделал намек, что пожары были устроены самой полицией (см.: *Герцен А. И. Собр. соч.*: В 30 т. Т. XVI. М., 1959. С. 262). Передавая Фету слухи, циркулировавшие в обществе в связи с этими событиями, С. Э. писала 14 (26) августа 1862 г.: «Что вы скажете о петербургских пожарах? Ничего подобного не видали со времен

Тамерлана. Сегодня я получила письмо из Петербурга. В Павловском повесили одну женщину, а другую зарезали и вынули из нее все внутренности. Суворов поставил на ноги всю полицию, и поймали 14 разбойников, в том числе двух французов. Недавно в Лондоне на митинге Огарев объявил, что он стоит за систему пожаров, что они должны пробудить общество. Уж лучше бы он писал плохие стихи, но и в стихах и в прозе он одинаково бездарен и ограничен, а в дантоновском плаще он просто жалок» (см.: А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 190).

⁴ Полтавцев К. Н. (1823—1865) и Самарин И. В. (1817—1885) — актеры московского Малого театра.

⁵ Садовский Пров Михайлович (1818—1872) — актер московского Малого театра.

⁶ Это высказывание — ответ на отклик Фета по поводу «Дон Жуана» А. К. Толстого, напечатанного в 4-м номере «Русского вестника» за 1862 г. (в № 7 за тот же год появилась «Переделанная сцена из „Дон Жуана“, сцена на кладбище из второй части): «„Дон Жуан“ хуже поэм Растопчиной, т. е. последняя степень не скажу бездарности, не скажу ограниченности, невежества, но что хуже всего — дурного тону. Говорят, Толстой сам милый образованный человек. (...) Но я готов ему в глаза сказать, что его мирозерцание достойно вольноотпущенного лакея-самоучки» (см.: Фет. СПП. С. 376). Столь резкий отзыв объясняется, видимо, тем, что сам Толстой причислял себя к лагерю сторонников «чистого искусства». В том же письме Фет писал: «Если бы его вещи были только плохи, — не стоило бы говорить об этом, но он, как сам заявляет, претендует на чистое искусство, и затем дает вещи буквально худшие, чем гуляние в Марьиной роще и вся лакейская литература» (Там же.).

⁷ Кохановская — псевдоним Н. С. Соханской (см. письмо 9, примеч. 2).

⁸ И. С. Аксаков поддерживал Н. С. Соханскую, близкую к славянофильским кругам. В редактируемой им газете «День» печатались ее произведения.

⁹ Новосильцев Александр Владимирович (см. письмо 12, примеч. 2).

¹⁰ С поэтом Алексеем Федоровичем Бржеским (1818—1868) Фет познакомился, как и с его женой Александрой Львовной, в 1845 г. во время своей службы в Херсонской губернии. Им посвящено немало стихотворений Фета. После смерти Бржеского поэт поддерживал дружеские отношения с его вдовой. Миллер — очевидно, Ф. Б. Миллер (см. письмо 13, примеч. 2).

¹¹ Речь идет об «Илиаде» Гомера в переводе Н. И. Гнедича, завершеном в 1826 г.

¹² Перепев из «Илиады» в переводе Гнедича.

14

23 октября (4 ноября) 1862

Москва, октября 23.

Милый мой Фет, когда я читаю ваши письма, мне кажется, что я вас слышу и смеюсь вместе с Марьей Петровной; недавно я читала и смеялась наедине. Мне не следует говорить о Кохановской¹,

скажут *jalousie de métier**, хотя я никогда не имела смешной претензии соперничать с ней и никогда не доживу до такой пошлости; но между нами я могу сознаться, что действительно она любит фразу и оглушительные слова. Иногда сразу не поймешь, что она хотела сказать. Как, кажется, с ее дарованием не понимать, что одна простота бессмертна? Я читаю «Илиаду» и от нее с ума схожу. Писатели и поэты должны читать эту книгу, как Евангелие, и не приниматься за работу, не проникнувшись гомеровской простотой, дове(денной) иногда до той крайности, которую мы называем грубостью. Боже мой! Какая бездна поэзии! И с чего взяли, что стих Гнедича тяжел и не звучен. Мне кажется, что можно иногда его предпочесть сладкому стиху Жуковского².

Вы мне часто напоминаете

cet homme aux rubans verts
qui se fâchait jadis pour quelques mauvais vers...**³

Мольеровских Альсестов мало, а плохих писателей много⁴. Прошлой весной Алмазов перевел очень удачно одно стихотворение Шенье, но зато последний перевод ни на что не похож⁵. Алмазовская Европа кувыркается на быке⁶, как ваша Миритриса Кирбитьевна⁶. Некоторые стихи просто смешны. Видите, в чем дело: нельзя переводить Шенье, когда возвращаешься каждый день пьяным от Булгакова⁷; водка и Шенье не уживаются вместе. Алмазов не развил своих способностей, а они у него были, он никогда не сделает ничего порядочного. Водка многих погубила. Островский⁸ раз сказал: я пропил свой талант. Это печальное явление часто повторялось у нас на Руси. Что касается Толстого — он человек трезвый, и целых десять лет трудился над своим романом⁹. Оно, коли хотите, немного, другому и в 20 не удастся написать такого шедевра. Я желаю от души, чтоб Толстой остался таким же, как он теперь; если он начнет писать хоть немного лучше, он потеряет свою оригинальность. Князь Серебряный, и Борис Годунов, и Иван Васильевич с своей нянькой, и тетка Подкурятинна забавны до крайности. Ваше замечание чрезвычайно верно, в нашей эпохе поэту не родиться¹⁰. Искусство невозможно отделить от жизни, и вы перестали писать потому, что не ушли от гнета современных волнений. Наш полубог Пушкин сказал:

* профессиональная зависть (*франц.*).

** того человека в зеленых бантах, который некогда сердился на некие плохие стихи... (*франц.*).

Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновений
Для звуков сладких и молитв¹¹.

Я было принялась читать «Ясную Поляну»¹², но уже давно к ней охладела. Толстой намерен возводить в идеал русского мужика! Этот *genre** уже выдохся, да теперь просто нечестно идеализировать людей, которые только и думают о том, как бы ограбить, обмануть, погубить помещика, как бы он хорош ни был¹³. Вы, может быть, знаете, что Юрий Самарин (славянофил) был идеальный помещик: мужики так его поблагодарили за его любовь, что он, говорят, занемог и чуть не помешался с горя¹⁴. Точно то же повторилось с моим братом, и эта грустная история повторяется ежедневно, только и слышишь со всех концов России. Пора нам показать народ в настоящем виде, вы было за это принялись, и ваши статьи всем понравились¹⁵. Я надеюсь, что вы будете продолжать, когда *притащитесь* в Москву¹⁶. Я жду вас и Марью Петровну, а наши московские дамы ждут императорскую фамилию и по этому поводу совершенно помешались. Главные толки возбуждены шлейфами; шлейф стоит 500 целковых. Но спасибо Государыне: она просит, чтоб туалеты были как можно проще. До свидания, мой милый Фет. Я к вам приеду без шлейфа и на Ваньке¹⁷.

С. Э.

Год письма определяется по содержанию и по сопоставлению с письмом Фета от 14 октября ст. ст. 1862 г.

¹ Кохановская — псевдоним Н. С. Соханской (см. письмо 9, примеч. 2).

² С. Э. читала «Илиаду» в переводе Н. И. Гнедича. Сравнивая этот перевод с переводами В. А. Жуковского, она имела в виду либо перевод «Одиссеи» Гомера (1842—1849) либо переведенные им «Отрывки из „Илиады“» (1828).

³ Первая строка по-французски — цитата из комедии Ж.-Б. Мольера «Мизантроп» (действ. V, сцена IV, 1666). Эти слова относятся к герою комедии Альцесту. Вторая — написана самой С. Э., хотя верна по смыслу мольеровской комедии: Альцест действительно бранил плохие стихи.

⁴ Уподобление Фета мольеровскому Альцесту из комедии «Мизантроп» вызвано целым рядом резко негативных высказываний о современной литературе, в особенности о поэзии, в письме Фета к С. Э. от 14 (26) октября 1862 г., на которое она отвечает (см.: Фет. СПП. С. 376—377).

⁵ Имеется в виду стихотворение Б. Н. Алмазова (см. письмо 10, примеч. 12) «Перед барельефом (Подражание А. Шенье)», опубликованное в «Русском вестнике» за 1862 г., т. 40.

* жанр (*франц.*).

⁶ Миритриса Кирбитьевна, точнее Милитриса Кирбитовна — персонаж лубочной рыцарской повести «Бова-королевич». С нею сравнивал Фет Кохановскую в письме от 14 октября ст. ст. 1862 г.

⁷ Возможно, речь идет о К. А. Булгакове (1812—1862).

⁸ Драматург А. Н. Островский.

⁹ Об опубликованном в «Русском вестнике» романе А. К. Толстого «Князь Серебряный» (№ 8—10) Фет писал С. Э. 14 (26) октября 1862 г.: «Читали ли Вы „Князя Серебряного“, с бранью, которую, верно, ни один русский не слыхивал и не признает за свою: „тетка его подкурятиня“. Что это за языко- книжный наших дней, через две строки в тех же устах выдуманно мужицкий, потом лоскутья из летописей — словом, окрошка отвратительная». (Фет. СПП. С. 376).

¹⁰ В том же письме Фет говорил: «Долго еще придется нам ждать Пушкина, Лермонтова, Полонского и т. д. деятелей какой ни на есть, но установившейся среды» (Там же).

¹¹ Не вполне точная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт и толпа» (1828).

¹² «Ясная Поляна» — журнал для народного чтения (1862), редактором которого был Л. Н. Толстой.

¹³ Творчество Л. Н. Толстого и его духовно-нравственные поиски не раз становились объектом полемики между Фетом и его корреспонденткой. Так, по поводу повести Толстого «Казачи» С. Э. писала 14 (26) марта 1863 г. Фету: «Какой мастерский рассказ! Какой художник Толстой! Но скажите, пожалуйста, ошибаюсь ли я или действительно эта повесть написана с целью доказать, что мы должны жить, как буйволы и буйволицы? Почему она не настраивает душу так высоко, как повести Тургенева? — Почему в этом пошлом герое, который просто не удался Толстому, есть что-то не досказанное или что-то такое, что автор не решился досказать? Толстой сам не убедился, к какому именно разряду людей принадлежит Оленин. Идеалист он не идеалист, глуп он — не глуп, если он просто „О“, почему же это не сказать прямо? и не объяснить, почему ничтожный человек увлекся так искренно первобытными природами и красотою гор? Все остальное великолепно, и, если б не любовь к грязи, которая прорывается невольно у Толстого и неприятно действует на читателя, можно бы эту повесть причислить к замечательным произведениям века. Какая свежесть и какие описания природы» (см.: А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 191). Фет писал Толстому 4 (16) апреля 1863 г.: «Одна барыня из Москвы пишет мне, что это прелестно, но не возвышает дух, и видно, как будто автор хочет нас сделать буйволами. Матушка! Тем-то и хорошо, что автор ничего не хочет. Разумеется, так же мало подобные барыни понимают Оленина. Да это и не их дело» (В кн.: *Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями*: В 2-х т. Т. 1. М., 1978. С. 361).

¹⁴ Самарин Юрий Федорович (1819—1876) — публицист, критик славянофильского направления.

¹⁵ В выпусках 3 и 5 «Русского вестника» за 1862 г. печатались «Заметки о вольнонаемном труде», вызвавшие разноречивые отклики, особенно в демократических журналах.

¹⁶ Выражение из письма Фета от 14 октября ст. ст. 1862.

¹⁷ Ваньками называли извозчиков.

Москва, февраля 22.

Милый мой Фет, душевно благодарю вас за память и за доброе письмо. Все это время мне было так грустно, меня так страшно беспокоило здоровье сестры¹, что я не могла собраться с силами, чтоб писать даже к вам. Но слава Богу, все, кажется, пошло к лучшему. Главное найдено: причина болезни. Сестра едет за границу с Варенькой Мироновой (Марья Петровна вам объяснит, что это за лицо, хоть вы его видали раз двадцать) и сама ожила с тех пор, как это решилось, сама чувствует, что для нас необходимы перемена места и изменение в обыденной жизни. Переезд за границу устроен, наши войска окружают железную дорогу и все возможные меры приняты для безопасности путешественников².

Политические новости до нас доходят, как до вас; «Journal des Débats» весь изрезан, надо верить на слово русским газетам. Вы, вероятно, знаете, что Писемский продал свой роман Каткову, говорят, за 10 тысяч³. Как хорошо должно быть человеку, у которого 10 тысяч в кармане! Хорошо ли будет читателям? — Это другой вопрос. Вероятно, в романе частей 5—6, а стоит об этом подумать, уже волосы дыбом становятся на голове. Цель романа убить нигилистов?! Нигилистов куда ни шло, лишь бы не было других жертв. Не заключайте из того, что я говорю, что я не умею оценить талант Писемского. Я его очень ценю, несмотря на грубость и на недостатки вкуса, — но романы в 5 частях — в особенности русские — производят на меня действие кошмара. В первой книжке «Отечественных з(аписок)» напечатано стихотворение Майкова, должно быть, одно из 30 штук, о которых он говорил у вас; непременно одно из тридцати. С первых строк мне казалось, что вот сейчас явится мне Мери, прислоненная к колонне, и необходимое облако дыма, и рифма *чтож* и *тож*. Я убеждена, что мисс Мери предпочитает «Очерки Рима» и «Сон девушки в летнюю ночь» тем нравоучениям, которыми ее отчитывал Майков, когда она прислонялась к колонне. На месте мисс Мери я бы непременно ему сказала: «Очень вам благодарна за ваши наставления, Аполлон Александрович, но я уже давно вышла из-под надзора гувернантки и знаю, что когда пишут плохие стихи, их вслух не говорят»⁴. А Майков долго слыл *авторитетом*. Ежели мне ска-

жут: «Comment oses-tu te moquer du fils de Jupiter?»*, я отвечаю: «Et comment le fils de Jupiter ose-t-il faire quelque faute?»** То же самое можно сказать важному Льву Николаевичу Толстому, который, по врожденной деликатности, говорит, что женщин писательниц надо утопить, — а сам написал «Люцерн» и «Семейное счастье»⁵. Хорошо, что «Семейное счастье» и «Люцерн» прямо отправились в Лету и избавили порядочных людей от обязанности их зашить в мешок, чтоб погрузить в волны.

Я очень рада, что Тургенев вас обрадовал письмом⁶, а мы ждем, чтоб он нас обрадовал повестью⁷, и знаем заранее, что проведем несколько невыразимо сладких часов за чтением. Мне кажется, что от повестей Тургенева пахнет резедой... Не смейтесь, пожалуйста, над этой глупостью, которую я могу объяснить только моей любовью к запаху резеды; он производит какое-то особенное действие на мои нервы.

Какое стихотворение вы послали в «Русский вестник»? Не то ли, что вы написали для цыган⁸? Как бы я этому была рада, мне так хочется перечитать это стихотворение; я даже не пожалею, что мисс Мери не играет в нем роли.

Ваш поклон я непременно передам Мосоловым; они действительно хорошие люди⁹, и тем более жаль, что они без ума от Григоровича¹⁰, и что даже в разговоре он их третье слово. Прощайте, мой милый Фет; поцелуйте за меня Марью Петровну. Сестры мои благодарят вас за память. Я вас потешу остротой «Искры». Она объявляет напечатание новых стихотворений, между прочим «Тетка твоя Подкурютина», подражание темы Б. Алмазова»¹¹.

С. Э.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету. В город Орел.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 23 февраля 1863,

2) Орел, 25 февраля 1863.

¹ Очевидно, речь идет о Екатерине Владимировне Новосильцевой (см. письмо 1, примеч. 7).

² В ночь на 23 января 1863 г. в Польше началось восстание, подавленное русскими войсками. В. П. Боткин писал Фету 16 марта 1863 г.: «Совершенно сочувствую твоему стремлению вступить снова в полк, при известии о польском восстании (...)... само восстание так задумано, организовано и проникнуто таким фанатизмом, что мне кажется невозможно скоро подавить его. В Европе общественное мнение решительно на стороне поляков, не разбирая того, что

* «Как ты смеешь насмехаться над сыном Юпитера?» (франц.).

** «А как сын Юпитера смеет ошибаться?» (франц.).

претензии и требования поляков очевидно имеют целью не только ослабление России, но удаление ее из Европы в Азию» (см.: Фет. МВ. Т. 1. С. 414—415). Л. Н. Толстой писал Фету: «Ведь дело-то плохо! Не придется ли нам с вами и с Борисовым снимать опять меч с заржавленного гвоздя?» (Там же. С. 418—419). Опасения Фета, высказанные в письме к С. Э., вызваны были, очевидно, тем, что ее сестре для путешествия за границу необходимо было ехать через Польшу.

³ Речь идет о романе А. Ф. Писемского «Взбаламученное море», опубликованном в «Русском вестнике» (1863, № 3—8).

⁴ Речь идет о стихотворении Аполлона Николаевича Майкова, которого С. Э. ошибочно называет Аполлоном Александровичем, «К мисс Мери» («Ах, меж тем, как вы стояли...»), вошедшем впоследствии в цикл «Неаполитанский альбом», опубликованный полностью в «Отечественных записках» (1862, № 12). «Очерки Рима» — стихотворный цикл, опубликованный в «Отечественных записках» в 1847 г. (№ 1); «Сон девушки в летнюю ночь» (точное название «Сон в летнюю ночь») — стихотворение, посвященное Ап. Григорьеву и связанное с переводом Григорьевым комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь». Опубликовано впервые — «Русский вестник». 1857. Т. 12.

⁵ Рассказ «Лючерн» (1857) и роман «Семейное счастье» (1859).

⁶ Фет имел в виду письмо Тургенева от 26 января (7 февраля) 1863 г., в котором сообщалось о том, что Полина Виардо положила на музыку еще одно стихотворение Фета. Тургенев приветствовал появление в «Русском вестнике» «милейших деревенских записок» и писал: «В них правда — а нам правда больше всего нужна — везде и во всем». Он называл «отличной» мысль об издании всех сочинений и переводов Фета (см.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Письма. Т. 5. М., 1988. С. 147—149).

⁷ С. Э. имеет в виду повесть Тургенева «Призраки», сведения о которой проникли в печать, однако после появления повести в журнале «Эпоха» (1864, № 1—2) она была сильно разочарована: «Наконец-то появились „Призраки“, — писала она Фету 11 (23) апреля 1864 г., — Какой тяжелый бред! Я ждала, что этот рассказ, как и другие тургеневские рассказы, оставит на мне прелестное, не то грустное, не то светлое впечатление, но, напротив, меня преследовал целый день и даже ночью какой-то кошмар. (...) Тургенев, однако, не может не быть художником. Описания природы, встреча с журавлями прелестны. Какая сила в картине Рейна и как метки описания Парижа и Петербурга. Мне кажется, что если б Тургенев пожил в России с своими русскими друзьями, он бы выздоровел. Почему он живет в Париже, где лоретка ему расстраивает нервы, или в Петербурге, где задыхаются порядочные люди? Его бы здесь так любили, баловали, если бы он сам умел любить. Как мне не нравится его привидение, окрещенное английским именем (...) В итоге, несмотря на недостатки рассказа, за него можно отдать все повести, которые напечатали и за прошлый и за нынешний год. Говорят, что Тургенев кончит „Призраками“ свою литературную деятельность; я не хочу верить такому несчастью. Когда вы и Тургенев перестанете писать, я надену траур и покрою голову пеплом. Не на чем будет душу отвести, вздохнуть свободно, не улыбнешься и не заплачешь отрадно!» (см.: А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 194—195). Тем не менее, может быть по совету Фета, С. Э. предложила Тургеневу перевести «Призраки» на французский язык, о чем свидетельствует письмо Тургенева к Фету

от 10 (22) октября 1865 г.: «„Призраки“ уже переведены Проспером Мериме — и даже между нами! были читаны им — кому бы Вы думали? — императору и императрице французов. Спешу прибавить, для успокоения людей, могущих мне завидовать, что „Revue des Deux Mondes“ отказала в помещении тех же самых „Призраков“ — как гили несуразной. Передайте сии факты m-me Engelhardt с моим усердным поклоном» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Письма. Т. 6. М., 1989. С. 164).

⁸ Очевидно, стихотворение Фета «С какою негою желанья...» (см. письмо 18, примеч. 5).

⁹ О семье Н. С. Мосолова, соседа Энгельгардт во время летнего пребывания в деревне близ Серпухова, С. Э. с большой теплотой писала в своих мемуарах (*Русский вестник*, 1887. Т. 193. С. 160—166).

¹⁰ С писателем Дмитрием Васильевичем Григоровичем (1822—1899) С. Э. была хорошо знакома.

¹¹ В объявлении пародируются одновременно роман А. К. Толстого «Князь Серебряный» (см. письмо 14, примеч. 9) и переводы-подражания А. Шенье, печатавшиеся в это время Б. Алмазовым (см. письмо 10, примеч. 12).

16

2 (14) апреля 1863

Москва, апреля 2.

Милый мой Фет, что с вами делается? Я к вам писала два раза, а вы не отвечаете? Здоровы ли вы, здорова ли Марья Петровна? Где вы встретили праздник? Надеюсь, что не на большой дороге, как в прошлом году. У нас с половины марта погода стояла чудесная, на улицах была пыль, но сегодня выпал снег, нагоняющий тоску; хорошо, что я пристрастилась к растениям и что у меня теперь сад в комнатах.

У нас литературных новостей много. Роман Чернышевского¹, огромное стихотворение Майкова, вторая часть выбора смерти², — наконец, повесть новой писательницы Елены Сальяновой в «Отечественных записках», история передовой женщины³. Я прочла несколько страниц романа Чернышевского и не могла одолеть остального. Какое нахальство при отчаянной бездарности. Стихотворение Майкова я слышала на публичном чтении в Обществе Л(юбителей) Р(оссийской) С(ловесности)⁴. Чтение продолжалось полтора часа, публика была в восторге и так аплодировала, что Майков должен был останавливаться минут на десять; а я искала глазами пару не аплодирующих рук, такой пары не нашлось, и я подумала о вас, как бы вы злились, как бы вас корчило на этом чтении, и у меня стало легче на душе. Вы правы совершенно,

гроша нельзя дать за общее мнение. Говорят, стихотворение уже напечатано в «Р(усском) В(естнике)», которого я еще не получала; прочтите его, Фет, и скажите мне ваше мнение, оно для меня дороже тысячи других мнений. Кроме бесконечного набора слов, есть ли что-нибудь порядочное в этих стихах? И циник так бледен, и девушка, обращенная в христианскую веру, произвела на меня действие болтливой протопопицы. Чему же восхищались?

Мне бы до смерти хотелось вам прочесть повесть г-жи Сальяновой. Передовая женщина, изволите видеть, влюблена в молодого человека и он в нее влюблен; как человек не передовой он с ней объясняется в любви; угадывайте, как отвечает передовая женщина: она его отталкивает, объявляя, что она его *ненавидит*, потому что он в ней любит свой идеал, а не равню себе; она хочет быть любима, как мужчина, товарищ, а он, вместо того чтоб *обращаться к ее уму*, только *стучится в дверцы ее сердца*. Однако после этого объяснения они опять сходятся, но не надолго, их разлучает драматическое обстоятельство. Он ее застает за каким-то переводом, и по этому поводу начинается спор; влюбленный молодой человек бросает тетрадь в огонь, чтоб уничтожить причину ссоры: невеста вскрикивает, вытаскивает тетрадь из огня, но в эту минуту у передовой женщины загораются ноги, жених успевает их спасти от разрушения, но она ему отказывает наотрез, и повесть кончается.

Дудышкин и Громека от нее в восторге⁵. Как не вспомнить о вашем мочальном хвосте⁶? Какое гениальное выражение!

Напишите же словечко.

С. Э.

На обороте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету. В город Орел. *Почтовый штемпель:* Москва, 3 апреля 1863.

¹ Роман Николая Гавриловича Чернышевского «Что делать?» опубликовался в 3, 4 и 5 номерах «Современника» за 1863 г. Позднее Фет напишет совместно с В. П. Боткиным критический разбор романа, однако он не будет напечатан в «Русском вестнике». Впервые опубликован: Литературное наследство. Т. 24—25. С. 485—533.

² В предисловии к публикации в 1882 г. в «Русском вестнике» (№ 2) лирической драмы «Два мира» поэт Аполлон Николаевич Майков (1821—1897) объяснил основные вехи создания этого «главного» труда его жизни. Первым этапом была поэма «Олинф и Эсфирь» (1842), затем поэма «Три смерти» (1851) и «Смерть Люция» (1863). Именно эту поэму и слышала С. Э. на вечере. В дальнейшем замысел претерпел некоторые изменения и окончательно воплотился в трагедии «Два мира». В приложении к «Русскому вестнику» за 1864 г.

была опубликована первая часть лирической драмы «Люций», в № 2 за 1863 г. вторая — «Смерть Люция».

³ Имеется в виду повесть «Елена» Е. С. Старынкевич, писавшей под псевдонимом Елена Сальянова (Отечественные записки. 1863. № 1).

⁴ Общество Любителей российской словесности, основанное в 1811 г., возобновило свою деятельность в 1857 г. Здесь выступали И. С. Тургенев, А. К. Толстой, А. А. Фет, Л. Н. Толстой и др.

⁵ Громека Степан Степанович (1823—1877), Дудышкин Степан Семенович (1820—1866) — критики журнала «Отечественные записки».

⁶ Выражением «мочальный хвост» Фет обозначал тенденциозность художественного произведения.

17

29 апреля (11 мая) 1863

Москва, апреля 29.

Мой милый Фет, я уже давно получила ваше письмо с политипажами, но не писала к вам потому, что все это время я была очень тупа и не могла видеть ни пера ни чернил. Я вас даже не благодарила за прекрасное стихотворение, которое вы мне посвятили в «Р<усском> в<естнике>»¹. Скажите, что такое «по вешним заводам»²? Это местное выражение, и никто не мог мне его объяснить. Вы говорите, что вы сочувствуете стиху Майкова³? Да разве в «Смерти Люция» вы нашли хоть два хороших стиха? — Может быть, два, но не больше. Могут ли быть хороши стихи, совершенно лишенные содержания? Кажется, вы не получаете «Revue des Deux Mondes»? В последнем номере напечатаны переводы с китайских стихотворений. Нет сомнения, что французы их изуродовали по-своему, однако я выписываю одно из этих стихотворений. Посмотрите, как оно мило, и сколько в оригинале красот, которые до нас не дошли.

La chanson du chagrin

Le maître de caves a du vin, mais ne le versez pas encore. Attendez que je vous aie chanté la chanson du chagrin. — Quand le chagrin vient si je cessais de chanter ou de rire, personne ne connaîtrait dans ce monde les sentiments de mon coeur. Bien que le ciel ne périclisse pas, bien que la terre soit de longue durée, combien pourra durer pour nous la possession de l'or et du jade? — Cent ans ou plus. Voilà le terme de la plus longue espérance. Vivre et mourir une fois — voilà ce dont tout homme est assuré. Ecoutez là bas, sous les rayons de la lune, écoutez le singe accroupi qui

pleure tout seul sur les tombeaux. — Et maintenant remplissez ma tasse, il est temps de la vider d'un seul trait*.

Не правда ли, что обезьяна тут необыкновенно живописна? можно поручиться, что она китаянка. Француз нашел бы, что обезьяна — животное слишком прозаическое для лирического стихотворения.

Недавно я получила новое доказательство варварства французов. Беранже говорит в своих мемуарах, что Жозеф Шенье жаловался на то, что стихотворения его брата не годятся в печать; ни одно из них не доделано, говорил он в присутствии Беранже. Французы поручили де ла Тушу их *доделать*. Последнее, написанное за час до смерти, почти все сочинено де ла Тушем⁴.

У нас часто бывает один очень милый француз. Чтоб вам дать понятие о его вкусе — он спит над трагедиями Расина, но зато он поклонник Мольера и читает его превосходно. Слушать его чтение — это настоящее наслаждение.

Я не знаю до сих пор, где мы проведем лето. Бог знает, что бы я дала, чтоб подышать деревенским воздухом, но расходов так много, что, кажется, мы не двинемся из Москвы. Лечение сестры стоит очень дорого⁵.

Что ваши глаза⁶? Меня так беспокоило ваше молчание, что я было собралась написать Дмитрию Петровичу Боткину⁷, чтоб узнать, не сделалось ли что с вами или с Марьей Петровной. Я ее целую от души и передаю ей поклон моих сестер.

Меня радует мысль, что я никогда не любила «Рыбаков» Григоровича⁸. За исключением сцены шерстобитов на Оке, во время разлива, нет ни одного живого и русского характера. Глеб Савиных напоминает Maurice de Saxon⁹ скорей, нежели русского мужика. О Ване и Дуне говорить нечего. Прочитайте «Плотничью артель» Писемского¹⁰; вот русские типы и превосходный рассказ.

Напишите, Фет, если ваши глаза здоровы. Крепко жму вам руку.

С. Э.

* Скорбная песнь

У владельца погребов вина хватает, но погодите наливать мне его. Погодите, пока я не спою вам скорбную песнь. Когда печаль приходит, если бы я перестал петь или смеяться, никто в мире не узнал бы волнений моего сердца. И хотя небо не исчезнет, хоть земля будет стоять долго, сколько времени можно обладать золотом или нефритом? Сто лет или больше. Вот предел самой долгой надежды. Жить и умереть лишь один раз — вот что положено каждому. Послушайте, там, в лунном свете, послушайте скорчившуюся обезьянку, которая одиноко плачет на могилах. — А теперь наполните мою чашу, настало время опорожнить ее одним глотком (*франц.*).

Год письма определяется по содержанию.

¹ Стихотворение Фета «Тихонько движется мой конь...» (1862) впервые опубликовано в «Русском вестнике» с посвящением С. В. Энгельгардт. В сборнике 1863 г. посвящение было снято.

² Строка из стихотворения, о котором идет речь выше:

Тихонько движется мой конь
По вешним заводям лугов,
И в этих заводах огонь
Весенних светит облаков...

³ См. письмо 16, примеч. 2. Письмо Фета с отзывом на поэму «Смерть Люция» до нас не дошло.

⁴ С. Э. довольно точно пересказывает пассаж из мемуаров Беранже, который, возможно, слишком поверил на слово Де Латушу, оказавшему самому Беранже немалую помощь. Беранже называет Латуша (1785—1851) «настоящим поэтом» и «изобретателем Андре Шенье» и пишет: «Сегодня, однако, всем известно, что эти стихи (последние ямбы — *Н. Г.*) принадлежат Де Ла Тушу (*Oeuvres postumes de Béranger. Ma biographie. Paris, 1860. P. 207*). В действительности, издателю первого сборника стихотворений Андре Шенье Латушу последние ямбы не принадлежали, он лишь сократил это стихотворение с 88 строк до первых 15 (см.: Шенье Андре. Сочинения 1819 / Изд. подг. Е. П. Гречаная. М.: Литературные памятники, 1995, с. 185 и 266—268). Впервые полный текст последнего стихотворения А. Шенье, написанного незадолго до казни, был опубликован по рукописи лишь в 1874 г. его племянником Г. Шенье (*Oeuvres poétiques de André de Chénier / Avec une introduction et des notes par G. de Chénier. P., 1874. T. 1—3*).

⁵ Новосильцева Екатерина Владимировна (см. письмо 1, примеч. 7).

⁶ С начала 60-х годов у Фета резко ухудшилось зрение, впоследствии он был вынужден взять секретаря.

⁷ Боткин Дмитрий Петрович (1820—1889) — брат М. П. Фет, любитель искусства, владелец коллекции картин.

⁸ Повесть Д. В. Григоровича «Рыбаки» была опубликована в «Современнике» в 1853 г. (№ № 3, 5, 6, 9).

⁹ Морис Саксонский (Маршал Саксонский; 1696—1750) — крупный военачальник, сын короля Польского Августа II.

¹⁰ Рассказ из народного быта «Плотничья артель» А. Ф. Писемского (СПб., 1861).

18

24 июня (6 июля) 1863

Июня 24.

Мой милый Фет, я была убеждена, что как скоро вы вернетесь в деревню, с вами случится какая-нибудь неприятность или у вас заведется новое горе или забота, так и случилось. Читая ваши записки из деревни¹, я часто думаю, что на вашем месте я бы обозли-

лась, у меня была бы пена у рта, я бы кусалась! Одни машины и мужики привели бы меня в это состояние. Я очень знаю, что господь Бог на то создал порядочных людей, чтоб им ничто не удавалось — даже молотилки², — но уж он слишком рассчитывал на их долготерпение. Нет ли где-нибудь обетованного уголка, где бы можно жить спокойно и трудиться для наслаждения, а не для того, чтоб иметь право дышать?

Я задыхаюсь в Москве. Желание подышать деревенским воздухом может, как жажда, довести до тоски, — вдобавок мы ищем новую квартиру. Хозяева сами хотят жить в доме, который мы занимаем теперь, и надо перетаскиваться Бог знает куда. Моя мечта была бы поселиться за Москвой рекой, потому что там сады, но сестры и знакомые завыли, когда я это предложила. Во всяком случае мы не переедем прежде 20-х чисел июля. Я пью железные воды, но до сих пор они только меня расстраивают, и мне очень хочется их бросить; если б меня не обрадовал приезд брата³ — я не знаю, куда бы я девалась от духоты и скуки. Он мне поручает вам позжать руку и передать от него поклон Марье Петровне. А за меня вы ее поцелуйте. Что она делает? и здорова ли?

Вы прочли, вероятно, роман Писемского, т. е. первые части «Взбаламученного моря»⁴. В художественном отношении этот роман ниже всего, что написал Писемский, но он затронул столько сторон русской жизни, что все-таки его читаешь с удовольствием. А грубо! Я так думаю, что Иону Мокеича Писемский списал с самого себя. Вы наверное забыли, кто такой Иона Мокеич, ваша справочная контора Марья Петровна вам в этом поможет. Я отдохнула от грубости Писемского на вашей звездочке⁵. Легче становится дышать, когда прочтешь такое стихотворение в хаосе наших журнальных статей и повестей, и думаешь с наслаждением, что где-то живет человек, который так думает и пишет.

Я вас потешу анекдотом. Недавно барышню нигилистку повезли в третье отделение; ей заметили, что она беременна, она отвечала: «Да, женщина — общее достояние». *Мочальный хвост*¹⁶ припутался и к любви! Сегодня у меня был один господин, который перевозносил до небес роман Чернышевского. Часто приходится вспоминать бессмертный стих Буало:

Un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire* ⁷.

Прощайте, до первого письма.

* Глупец всегда найдет кого-нибудь еще глупее, кто восхитится им (*франц.*).

На обороте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету. В город Орел.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 25 июня 1863,

2) Орел, 27 июня 1863.

¹ Записки Фета «Из деревни» печатались в 1 и 3 номерах «Русского вестника» за 1863 г.

² В очерке «Из деревни» (Русский вестник. 1863. № 3) Фет юмористически описывал, как деревенские мастера чинили веретено от молотильной машины.

³ Новосильцев Александр Владимирович — см. письмо 12, примеч. 2.

⁴ В мартовском выпуске журнала «Русский вестник» за 1863 г. была опубликована 1-я часть романа А. Ф. Писемского «Взбаламученное море».

⁵ Имеется в виду стихотворение Фета «С какою негою желанья...», опубликованное в № 4 «Русского вестника» за 1863 г.

⁶ См. письмо 16, примеч. 6.

⁷ Заключительная строка Песни первой «Поэтического искусства» Н. Буало: «Глупец глупцу всегда внушает восхищение» (1674; пер. Э. Линецкой).

19

11 (23) сентября 1863

Москва, сентября 11.

Милый мой Фет, я уже не знала, что о вас думать с тех пор, как вы уехали из Москвы¹, я от вас получила только одно письмо, написанное до вашего отъезда из деревни, но к счастью, г(-жа). — Нилус² была у меня и сказала, что вы и Марья Петровна, слава Богу, живы и здоровы. Правда ли, что Марья Петровна собирается за границу с вашей сестрой³? Где вы будете в это время? Страхните с себя лень и напишите два слова. Я ведь знаю, как вы заняты, хоть бы Марья Петровна меня на этот раз побаловала и уведомила о том, что у вас делается. У нас в Москве все та же пустота и скука, а когда проглянет солнечный день, так жалеешь о деревне, что тоска овладеет вами. Я окружилась деревьями и растениями, чтоб не видеть улицы в окно. Знаете ли вы, как можно пристраститься к растениям? Я их всегда любила, а теперь люблю еще больше, с тех пор как не вижу полей и живу без цели со дня на день. Пишете ли вы ?.. Слышали ли вы, что потревожили кости Лермонтова, издали его плохие стихотворения и воображают, что оказали ему большую услугу⁴. Бедный Лермонтов! И он, должно быть, любил славу, мог ли он ожидать, что услужливое попомство напечатает, в честь его памяти, стихотворения, о которых каждый из нас скажет: как плохо!

На днях меня посетила одна дама. Она говорила, что она занимается не только современной, но и древней русской литературой. «Я, говорит, даже читала „Слово о полку Игореве“, а что, вы знакомы с Игоревым? Он московский литератор?» Есть, однако, писатели, для которых мнение таких людей имеет значение, льстит их самолюбию. Многие дамы нашего общества принимают Игоря за современного литератора.

Скажите мне, пожалуйста, Фет, что за женщина г-жа Нилус? Я ее видела всего два раза, она мне показалась умна и довольно начитанна; о ней ходят разные слухи, которые мне не нравятся, я не верю слухам вообще, я готова продолжать с ней знакомство тем более, что она очень этого желает, не знаю почему. Хорошо, если дело пойдет на лад — но в противном случае раззнакомиться будет весьма неприятно. Мне бы хотелось, чтоб вы ее похвалили, я люблю женское общество и однако вижу мало женщин. Обстоятельства так сложились, что мои лучшие приятельницы не живут в Москве.

Поцелуйте за меня Марию Петровну.

С. Э.

Брат мне поручает пожать вам руку.

На обороте: У г-на Майделя.

Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету. В г. Орел.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 11 сентября 1863,

2) Орел, 14 сентября 1863.

¹ Фет приезжал в Москву, возможно, в связи с болезнью сестры, Н. А. Борисовой.

² Нилус Наталья Дмитриевна (рожд. Карпова; 1828—1892), — сестра Е. Д. Шеншиной. Семья Карповых состояла в родстве с И. С. Тургеневым.

³ 10 (22) июля 1863 г. И. П. Борисов писал Тургеневу: «Снова несчастная болезнь одолела жену — надо было нам ехать в Москву к докторам. На этот раз болезненные припадки приходят так внезапно вслед за полнейшим здравым умом и сменяются так же быстро полным затмением, и снова одолевает разум, и память сохраняет все с мельчайшими подробностями. Так все это страшно и беспомощно, что многие минуты, часы проходили, что я делал над собою испытания — жив ли мой-то смысл. (...) Но Саблер подает надежду на ее выздоровление — и выздоровление прочное, только для этого нужно продолжительное лечение на руках опытного медика, и поэтому ведет переписку с доктором Риле в Копштадте в Виртенберге, куда и надеемся перевезти ее в сентябре» (В кн.: Тургеневский сборник, Вып. IV. Л., 1968. С. 378). Вероятно, М. П. Фет должна была сопровождать Надежду Афанасьевну в Германию, однако поездка эта не состоялась, так как состояние больной резко ухудшилось. Летом 1864 г. она была перевезена в больницу для душевнобольных в Петербурге.

⁴ Очевидно, С. Э. имеет в виду 2-е издание сочинений Лермонтова, подготовленное С. С. Дудышкиным в 1863 г. (1-е вышло в 2-х т. в 1860 г.). Издание Дудышкина, куда вошли не известные до того ранние стихотворения, фрагменты, редакции, было первой и не вполне удачной попыткой критического издания полного собрания сочинений Лермонтова.

20

17 (29) февраля 1864

Февраля 17.

Мой милый Фет, мне очень жаль, что я с вами не видалась перед вашим отъездом¹, но не я, конечно, в этом виновата. Во-первых, я вам скажу по секрету, что мы страдаем таким безденежьем, что в буквальном смысле слова не на что было взять извозчика; во-вторых, я занемогла очень серьезно и прошла через разного рода истязаний, и как шпанская муха и т. п., а все-таки не поеду за границу для поправления здоровья. Здоровье мое расстроилось именно за границей, и мне легче будет умереть здесь от воспаления, нежели там от тоски. Я поняла, насколько я люблю Россию тогда только, когда рассталась с нею. А за что мне ее любить? Что в ней любить? Ей-Богу, я не умею сказать. Я помню только, что когда я выехала из Ковно в дилижансе и на рассвете почувствовала запах берез и услышала соловья, сердце мое забилося так радостно, что я не стала разбирать, чему я радуюсь, и приезд мой в Москву останется одним из моих лучших воспоминаний².

Так уж лучше перебиваться здесь. Вот что нехорошо: части процентов нам не заплатили ни за прошлый год, ни за нынешний. Если мы выпутаемся из этой пропасти, вы будете вправе нас звать *премудрыми мира сего*.

Помните наш спор о «Фаусте» Пушкина³? Вы ручались, что брат разделяет ваше мнение. Я ему об этом написала, а он мне отвечал: «Фет свято прав. Пожми ему руку за меня». Настоящего «Фауста» я не читала, к несчастью. В переводах⁴ он действительно не средневековый мечтатель, а что-то такое во французском кафтане или в русском армяке.

Не правда ли, как обманчива январская книжка «Русского вестника»? Я бросилась на рассказ Петра Великого о Никоне, а рассказа-то и нет⁵. Стихотворения Майкова из рук вон плохи⁶: он стал писать некрасовскими виршами.

Бабы суют детям соску,
Чтобы рот заткнуть,
Чтоб самим хоть *краем уха*
Слышать что-нибудь⁷.

А какой выпренный genre*?

«На белой отмели каспийского поморья»⁸.

Две пьески мне очень понравились по содержанию — Легенда об Иоанне Гусе и «Бабушка и внучек»⁹. Но что за форма, что за стихи! Позволительно ли так писать человеку, который говорил:

И сам своих стихов заслушивался я...¹⁰

На днях, перелистывая A. de Musset, я прочла в нем прелестный стих. Он описывает венецианскую ночь:

Les pieds dans la rosée, et son masque à la main,
Une nuit de printemps joue avec le matin... **¹¹

«Двух генералов» Григоровича¹² я не одолела до третьей страницы, а «Марево»¹³ одолела, чтоб посмотреть, до чего дойдет пошлость автора. Верите ли вы, что этот роман возбуждает восторг?

Скажите Марье Петровне, что я не могу себе простить, что я ей навязала двух старух и всю вину слагаю на сестер. Как я ни отнекивалась, они приступали, чтоб я к ней написала, но в другой раз я буду непоколебима и прошу у ней извинения за хлопоты, которые я ей наделала. Поцелуйте ее хорошенько за меня. Начали ли вы постройки? Что ваше здоровье? Пишете ли вы?

Жму вам руку за себя и за брата¹⁴.

На обороте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету. В город Орел. Почтовый штемпель: Москва, 19 февраля 1864.

¹ Зимние месяцы Феты провели в Москве в доме Боткиных, в начале февраля они вернулись в Степановку.

² С мая 1860 г. по июнь 1861 С. Э. жила в Дрездене, где была на лечении.

³ Имеется в виду «Сцена из Фауста» А. С. Пушкина, напечатанная впервые в № 8 «Московского вестника» за 1828 г.

⁴ К этому времени были известны переводы «Фауста» Гете (в основном, первой части) Э. И. Губера (1838), М. Вронченко (1844), А. Струговишкова (1856), А. Овчинникова (1851). Позднее Фет перевел обе части «Фауста».

⁵ В № 1 «Русского вестника» за 1864 г. была опубликована рецензия Н. С-на на «Анекдот о святейшем Никоне Московском и вся Руси патриархе, изуст-

* здесь: стиль (*франц.*).

** Ночь внешняя, омыв стопы свои росой,

И с мыскою в руке, спешит играть с зарей. (*франц.*).

ным преданием чрез действительного тайного советника сенатора и кавалера Ивана Ивановича Козлова дошедший до Московского Архангельского собора протоиерея Петра Алексеева», напечатанный в №№ 8—9 «Русского Архива» за 1864 г. Рецензия называлась «Рассказ Петра Великого о Никоне Патриархе» (с. 520—533), в ней действительно не воспроизводился сам рассказ.

⁶ В приложении к «Русскому вестнику» за 1864 г. (т. 49) была напечатана большая подборка новых стихотворений А. Н. Майкова (160 стр.).

⁷ 4-я строфа стихотворения А. Н. Майкова «Картинка (После манифеста 19-го февраля 1861 г.)». Подчеркнуто С. Э.

⁸ Первая строка стихотворения А. Н. Майкова, опубликованного в «Русском вестнике» (1864, т. 49, с. 73) с датой 1860 г.

⁹ Речь идет о стихотворениях «Приговор (Легенда об Иоанне Гусе)» (1860) и «Бабушка и внучек» (1862).

¹⁰ Источник цитаты не установлен.

¹¹ Строки из поэмы А. де Мюссе «Порция» в переводе А. И. Курошевой.

¹² В №№ 1 и 2 «Русского вестника» за 1864 г. был напечатан роман Д. Григоровича «Два генерала».

¹³ Роман В. П. Ключникова «Марево» появился в №№ 1 и 2 «Русского вестника» за 1864 г.

¹⁴ Новосильцев Александр Владимирович (См. письмо 12, примеч. 2).

21

11 (23) мая 1864

Москва, мая 11.

Вы давно не писали ко мне, мой милый Фет. Вероятно, вы не успеваете обедать, не только писать. Готовы ли ваши постройки? Как вы счастливы, что вы в деревне, как бы я дорого дала, чтобы свить себе гнездышко где-нибудь подальше от Москвы, откуда я бы бежала на летние и весенние месяцы. Правда, что не так живи, как хочется, а так, как Бог велит¹. Но зачем он всегда велит то именно, что нам не по душе? И я к вам давно не писала — некогда было. Сколотила кое-как повесть и послала ес Каткову²; вы знаете, что у меня нет литературного самолюбия, но очень больно отдавать в печать плохую вещь, понимая, что она плоха, а делать нечего, деньги нужны! Я надеюсь, что наши обстоятельства поправятся, когда сестра вернется из-за границы, но до этого еще далеко³. Кажется, доктор ее не отпустит прежде июля или августа, зато брат приедет на днях. Его кредитор обманул и не заплатил ему ни гроша за целый год. Я и не знаю, как он сделает теперь. Он перевез свое семейство в Германию и очень этому рад, но жена его не может утешиться, что оставила Францию.

Как же вам не стыдно сердиться на меня за литературные новости? Когда у меня спрашивают: легче ли тебе становится, что ты жалуешься? я всегда отвечаю, что легче. А вы отнимаете у меня удовольствие вам жаловаться на литературу и лишаете меня облегчения⁴. Я, например, не смею вам сказать, что некоторые девушки списали в свои альбомы «Мороз Красный нос»⁵. Но рядом с этим утешительным явлением я вам скажу истинно утешительную новость, говорят, что «Современник» кончает свой век⁶. Бог с ним, давно пора.

Я прочла в «Эпохе» стихотворение Майкова, читанное на юбилее⁷. Начало мне показалось слабо, но это, по крайней мере, стихи, а не водяная проза. Вот вам одна строфа:

Счастлив, счастлив народ, которого ты сын,
Чья мощь, чей смелый дух твой воспитали гений.
Как горд он в этот день, под гул земных хвалений,
Несущихся к тебе, искусства исполин!
Но в дни, когда ты цвел, и смело и свободно
Британский флаг вступал уж в дальние моря,
Ты смутно лишь слышал о *Руссии* холодной,
Великолепии московского царя,
Боярах в золотой одежде, светозарных
Палатах, где стоит слоновой кости трон
И восседает сам, владыка стран полярных,
Безмолвием и славой окружен...
Три века минули — и с русским уж народом
Европа гордая считалась не раз,
Он с бою взял свое; шел в встречу всем невзгодам,
Без усталости сражаясь и участь⁸...

И этому обрадуешься. Кохановская написала повесть, в которой, как и во всем, что она пишет, огромное дарование, но трудно сказать, на каком языке она написана⁹. Кто говорит на малороссийском, кто на славянском, и фраза ее погубила. Какая жалость! К несчастью, Кохановская так самолюбива, что никто не решается ей подать совет. Это не понятно.

У нас все дожди, сегодня с утра было ясно, а к вечеру опять небо нахмурилось; несмотря на дурную погоду, все-таки душно в городе. Розенблат мне велит лечиться холодной водой, не знаю, удастся ли, это лечение дорого стоит. Целую Марью Петровну. Что ваша сестра и где она¹⁰? Катерина Сергеевна в Москве на несколько дней, но я ее еще не видала¹¹. Напишите словечко, когда время позволит. У нас две новые нигилистки, княжны Трубецкие¹², они

называют свою мать «казна» и не иначе. Понимаете ли вы шик этого слова? А брат их говорит, что Челищева¹³, любовница Козлова¹⁴, положила первый камень бессмертного здания.

На обороте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету. В Орел.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 13 мая 1864,

2) Орел, 15 мая 1864.

¹ См. письмо I, примеч. 4.

² Возможно, речь идет о рассказе С. Э. «Лица», опубликованном в журнале «Эпоха» (1864, № 8).

³ Речь идет о Екатерине Владимировне Новосильцевой (см. письмо I, примеч. 7).

⁴ В письме к Фету от 11 апреля 1864 г. С. Э. рассказывала о своих впечатлениях от романа Д. В. Григоровича «Два генерала» и подробно говорила о повести Тургенева «Призраки» (см. письмо № 15, примеч. 7), а в письме от 25 марта того же года — о поэме Н. А. Некрасова «Мороз Красный нос» (см. далее). Оба письма опубликованы в кн.: А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 192—195.

⁵ Поэма «Мороз Красный нос» была впервые опубликована в «Современнике» в 1864 г. (№ 1). Об этом событии С. Э. писала Фету: «Это последнее безобразие выше всего остального. Не то грустно, что какой-то Некрасов пишет отвратительные стихи; грустно, что молодое поколение их читает с восторгом, и не только молодое поколение, а отцы семейств объясняют детям, что Пушкин — школьник в сравнении с Некрасовым» (письмо от 25 марта 1864 г. // А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 193).

⁶ По-видимому, до С. Э. дошли слухи о разногласиях между Некрасовым и несколькими его сотрудниками — М. А. Антоновичем, Г. З. Елисеевым и др. Положение журнала в связи с польским восстанием было неустойчивым, к этому примешивались и денежные затруднения, и то, что главные его сотрудники Н. А. Добролюбов, И. И. Панаев умерли, а Н. Г. Чернышевский был арестован. Журнал прекратил свое существование в мае 1866 г.

⁷ В Москве был организован вечер в связи с 300-летним юбилеем Шекспира, где А. Н. Майков прочитал свое стихотворение «Шекспир».

⁸ Впервые стихотворение «Шекспир» было опубликовано в № 3 журнала «Эпоха» за 1864 г. С. Э. приводит отрывок из стихотворения, которое впоследствии дорабатывалось Майковым, из него были исключены несколько строк, в частности последняя часть приводимого отрывка, начиная со слов «Три века минули...» Окончательное заглавие: «Юбилей Шекспира». Подчеркнуто А. Майковым.

⁹ Очевидно, речь идет о повести Кохановской (Н. Соханской) «Рой — Федосий Саввич на спокое», опубликованной в газете И. Аксакова «День» (1864, № 5—13). Впоследствии Тургенев отозвался иронически на эту повесть в гл. XIV романа «Дым» (1867).

¹⁰ Речь идет о Н. А. Борисовой (см. письмо 19, примеч. 3).

¹¹ Екатерина Сергеевна Протопопова, в замужестве Бородина (см. письмо I, примеч. 6).

¹² Возможно, дочери кн. Е. Э. Трубецкой, хозяйки политического салона, фрейлины императрицы Марии Александровны.

¹³ Возможно, М. А. Челишева, привлекавшаяся в 1864 г. по делу о «лондонских пропагандистах».

¹⁴ Козлов Павел Алексеевич (1841—1891) — поэт, переводчик, автор популярных романсов, был знаком с Фетом.

22

20 июля (1 августа) 1864

Москва, июля 20.

Мой милый Фет, уже целых сто лет, как я не знаю, что с вами делается. Здоровы ли вы и Марья Петровна? Что ваш процесс¹? Я надеюсь, что вы блаженствуете в деревне, между тем как мы глотаем пыль и печемся на московском солнцепеке. Уф, как душно! Брат мой приехал весной, кажется, через неделю после вас и очень жалел, что вас не застал. Теперь он поехал к себе в Тульское имение².

Вчера я провела вечер у Катерины Сергеевны³. Она в Москве с мужем на все лето и живет у своей матери. Она так счастлива, что сердце радуется на нее смотреть; и в ней и в Бородине⁴ я не видала ничего похожего на нигилизм; я не могу понять, почему они за него заступались. Катерина Сер(геевна) у меня опять спросила, не упала ли она в вашем мнении? Разумеется, я сказала, что нисколько.

Мне не было скучно это время, несмотря на духоту. Я часто видалась с хорошими людьми и перечитывала старые книги, между прочим письма Боткина об Испании⁵, и читала их с наслаждением. Так как у меня нет их отдельного издания, я их отыскала в «Современнике» 40-х годов, и грустно мне стало, когда я сравнила тогдашний «Современник» с теперешним. Между ними лежит целая бездна. «Мороз Красный нос»⁶ и какие-то дикие имена неизвестных кропателей статей и повестей заменили письма Боткина, очерки Тургенева⁷, ваши стихотворения⁸ и очерки Рима Майкова⁹. Одно утешительно, реакция уже началась. Разве спиритизм не начало реакции¹⁰? Из одной крайности впали в другую, но это и доказывает, что скоро придет пора, когда будут говорить с отвращением о том, что теперь называется истиной, мыслью, убеждениями.

Мы переезжаем на другую квартиру, потому что та, которую мы занимаем, теперь слишком тесна.

Сестра возвращается из-за границы¹¹ совершенно здоровая, и ей нужна особенная и покойная комната. Адресуйте ваше письмо: на Малую Никитскую, у Старого Вознесенья, дом Тучкова, на дворе.

Поцелуйте за меня Марью Петровну. Сестры поручают мне ей передать поклон, а вам я от души жму руку.

С. Э.

На обороте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету. В Орел.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 20 июля 1864,

2) Курск, 23 июля 1864.

¹ В апреле 1863 г. Фет стал владельцем мельницы на р. Тим, принадлежавшей прежде его брату П. А. Шеншину и проданной в счет долга. Дело о мельнице продолжалось довольно долго из-за претензий со стороны крестьян на эту землю. См. об этом процессе: Фет. МВ, Т. 2, С. 22, 35—40; т. 1, С. 419—422.

² Новосильцев Александр Владимирович (см. письмо 12, примеч. 2).

³ Протопопова Екатерина Сергеевна, в замужестве Бородин (см. письмо 1, примеч. 6).

⁴ А. П. Бородин (1833—1887) — русский композитор и ученый-химик, в 1863 г. женился на Е. С. Протопоповой.

⁵ «Письма об Испании» В. П. Боткина появились впервые в «Современнике» в 1847—1851 гг., отдельным изданием вышли в Петербурге в 1857 г.

⁶ См. письмо 21, примеч. 5.

⁷ Имеются в виду «Записки охотника», которые печатались в «Современнике» в 1847—1851 гг.

⁸ Стихотворения Фета начали появляться в «Современнике» с 1850 г., в 1854 (№№ 1—2) была напечатана подборка из 13 стихотворений.

⁹ Очевидно, имеется в виду стихотворение А. Н. Майкова «Прогулка по Риму с моими знакомыми», опубликованное в № 11 «Современника» за 1848 г. Цикл «Очерки Рима» впервые был напечатан в журнале «Отечественные записки» (1847, № 1). С журналом «Современник» С. Э. была связана через Д. В. Григоровича, А. В. Дружинина и В. П. Боткина. В 1854 г. там была опубликована ее повесть «Не так живи, как хочется, а так, как Бог велит».

¹⁰ Возможно, в не дошедшем до нас письме Фет описывал С. Э. сеанс спиритизма, в котором он принял участие летом 1864 г. во время своего пребывания в доме А. К. Толстого в имении Пустынька под Петербургом. В мемуарах он писал: «Столоверчение было уже давно в ходу, и, конечно, мне шутя приходилось принимать в нем участие. Но никогда еще серьезные люди в моем присутствии не относились так серьезно к этому делу» (Фет. МВ. Т. 2, с. 27).

¹¹ Новосильцева Екатерина Владимировна (см. письмо 1, примеч. 7).

23

20 сентября (2 октября) 1864

Москва, сентября 20.

Мой милый Фет, я давно к вам не писала, потому что чуть с ума не сошла от горя с тех пор, как вас не видала — у брата¹ был удар, в деревне, за триста верст от Москвы, он был один, и доктора добились только через несколько часов. Нам сказали об этом

несчастье уже когда собрались его перевезти сюда. Теперь ему лучше, слава Богу; есть движение в ноге и голова совершенно свежа. Но возвратиться за границу ему невозможно. Он проведет всю зиму в Москве.

Я давно ожидала чего-то в этом роде и не была покойна ни на минуту на его счет. Вся жизнь его так сложилась, что другого исхода нельзя было ожидать; хлопоты о делах его окончательно уходили. Каково было прожить несколько дней вдали от него, зная, что он в таком состоянии! Ежедневные депеши не успокаивают в таких случаях. Я вздохнула свободнее тогда только, когда его увидала. Он еще говорит с трудом, но как скоро мог выговорить два слова, спросил свои эстампы и все ими любит. Его сокрушает мысль, что он долго не увидится с своими детьми. Жена его приезжала сюда на несколько дней с старшей дочерью. Когда он расстанется с детьми, он никогда с ними не прощается, но теперь он хотел проститься с девочкой и плакал навзрыд. Я никогда не видала его слез, видела их в первый раз и, если проживу сто лет, не забуду этой сцены. Вы можете себе представить, как она его расстроила. Девочка так мила, так непохожа на русскую барышню, что мне бы очень хотелось вам ее показать. И она, бедняжка, очень плакала, расставаясь с отцом.

Напишите, что вы делаете, что ваш процесс², когда вы приедете в Москву. Поцелуйте за меня Марью Петровну. От души жму вашу руку.

С. Энгельгардт.

На обороте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету. В Орел.

Почтовый штемпель: 1) Москва, 22 сентября 1864,

2) Орел, 24 сентября 1864.

¹Новосильцев Александр Владимирович (см. письмо 12, примеч. 2).

² См. письмо 22, примеч. 1.

24

28 февраля (12 марта) 1865

Воскресенье.

Мой милый Фет, я себе не верю, что я не видала до сих пор вашей жены, а вас видела всего два раза¹. Скажите, в Москве ли вы или уже, может быть, в Степановке. — Кажется, я серьезно больна, да без этого и нельзя было, после удара прошедшей осенью².

Напишите два слова.

С. Энгельгардт.

На обороте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету.
На Покровке, дом Боткина.

Почтовые штемпели: Москва, 1 марта 1865

¹ Зимние месяцы 1864—1865 гг. Феты провели в Москве, в доме Д. П. Боткина.

² Имеется в виду удар, постигший А. В. Новосильцева (см. письмо 23).

25

27 мая (8 июня) 1865

Москва, 27 мая.

Милый мой Фет, я принималась несколько раз писать к вам и не писала потому, что очень одурела. У нас в семействе все идет вверх дном, и Бог знает, чем и как это все закончится. Одно утешительно: брат доехал прекрасно до Германии и после первой ванны он стал разгибать пальцы и начал ходить. Но ходить он мог бы и в Москве. Немецкие доктора смелее наших, они велели ему встать и сделать несколько шагов, — он встал и пошел. За несколько дней до его отъезда из Москвы был консилиум, на котором здешняя знаменитость Захарьин¹ объявил, что брат мой неизлечим и никогда не будет владеть ни рукой, ни ногой, а что ванны его убьют. И такие господа пользуются у нас большой славой на одном только основании, что они берут 15 руб. за визит. Если бы они назначили 30, я уверена, что их репутации очень бы возвысились. Сестра моя поехала с братом, и ей путешествие уже сделало большую пользу², все это было бы прекрасно, но...

Я чрезвычайно рада, что вы вытребовали свои статьи из редакции «Р(усского) вестника». Катков ими очень дорожит, это я знаю наверно³, но, должно быть, они не обратили на себя внимание г-на Любимова⁴ и залежались в редакции, которая, надо ей отдать справедливость, не отличается тактом. Она поймет, по крайней мере, что хорошие писатели не согласятся ждать в передней, как вы говорите⁵. Видите ли в чем дело. Шаликова собралась за границу и всю зиму печатала, под разными псевдонимами, свои повести в «Вестнике»⁶, чтобы накопить денег для путешествия. Катков потерял из виду, что семейные отношения мало трогают публику. Впрочем он, т. е. Катков, ничего, должно быть, об этом не знает. Когда я

имела дело с ним собственно, я могла убедиться, что он самый деликатный и милый человек, но его адъютанты и помощники на него не похожи, к сожалению⁷. Два года тому назад он просил у меня позволения вымарать *несколько слов* в повести, которую я отдала в его журнал; а теперь Любимов вымарывает целые страницы и иногда заменяет их собственным вдохновением.

За что же вы старались придаться к какому-нибудь выражению моего последнего письма, чтоб на меня наброситься? Я добрее вас, отыскиваю в письмах моих друзей ласковые слова, но в ваших нахожу иногда самые справедливые нападки за то, например, что Катерина Сергеевна играла в рулетку⁸ и т. п. Однако, несмотря на ваше жестокосердие, жму вам руку и прошу поцеловать за меня Марью Петровну. У нас такой холод, что гуляют в шубах; сестра пишет, что и у них топят.

С. Э.

Датируется по содержанию и по сопоставлению с другими письмами.

¹ Захарьин Г. А. (1829—1897), профессор Московского университета по кафедре диагностики, занимался лечебной практикой.

² По-видимому, Новосильцева Екатерина Владимировна, которая ранеслчилась в Германии, и Новосильцев Александр Владимирович.

³ Очерки Фета «Из деревни» время от времени появлялись на страницах «Русского вестника», однако печатание их нередко задерживалось. Статья Фета, написанная совместно с Боткиным, о романе Чернышевского «Что делать?» напечатана не была. Постепенно, несмотря на попытки С. Э. сгладить разногласия между Фетом и Катковым, отношения обострялись и закончились разрывом. С. Э. продолжала общаться с «Русским вестником» и далее. В год смерти М. Н. Каткова она писала Фету: «Не стало Каткова, и никто его не заменит, как никто не заменит Аксакова и Скобелева. Горячий патриотизм Каткова развил его талант, и нет сомнения, что он был необходим России (...) Никакой публицист не играл такой роли, как Михаил Никифорович» (письмо от 26 июля (13 августа) 1887 г. // А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 224).

⁴ Любимов Н. А. (1830—1897), ближайший сотрудник Каткова, впоследствии автор книги «М. Н. Катков и его историческая заслуга» (СПб., 1889). С. Э. связывала с ним все неприятности от общения с редакцией «Русского вестника» и приписывала ему дурное влияние на Каткова. 27 ноября (9 декабря) 1865 г. она писала Фету: «Позволительно ли было такому шуту поручить литературный отдел? Дело в том, что его протепирует София Петровна (жена Каткова — Н. Г.), которую покойный Дружинин называл скорпионом» (А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 198).

⁵ Письмо Фета с такими словами до нас не дошло.

⁶ В 1865 г. в «Русском вестнике» (№ 12) появилась одна повесть Н. П. Шаликовой (псевд. Е. Нарская), которая была сестрой С. П. Катковой. Какие еще произведения и под какими псевдонимами были напечатаны в журнале, установить не удалось.

⁷ Речь идет о сотрудниках Каткова Н. А. Любимове, П. М. Леонтьеве и др.

⁸ Протопопова Екатерина Сергеевна (см. письмо 1, примеч. 7 и письмо 8, примеч. 1).

26

11 (23) сентября 1865

Москва, сентября 11.

Мой милый Фет, я не имела понятия о ваших грустных неудачах. Я называю несчастьем все то, что стесняет свободу, — и это несчастье. Вы купили Степановку в недобрый час. Сколько уже она вам стоила хлопот, денег, здоровья, и все даром! Вы говорите, что надо избрать новый род жизни? Но какой же? Что вы имеете в виду? Есть ли у вас какой-нибудь план на будущее? Когда попадешь в яму, только и думаешь о том, как бы из нее выкарабкаться. Но возможно ли выкарабкаться? Вот главный вопрос. Меня очень огорчает ваш разрыв с Катковым. Невозможно же вам отказаться от литературы, и мне кажется, что если вы переговорите с Катковым, он будет чрезвычайно рад вашему сотрудничеству. Я знаю, что он вами очень дорожит, но он сам не знает, что творят его адъютанты в «Р(усском) в(естнике)». С ним несколько раз случалось прочесть повесть в Р. В. и прийти в ужас. Политика ему вскружила голову, но все-таки он способен отличить даровитого человека от Дрианского¹. Ему бы просто надо сказать, что все порядочные люди от него отступятся, если их произведениями будет заведовать г-н Любимов и ему подобные. Но из Каткова сделали какого-то олимпийца, с которым никто не решается поговорить как следует простым смертным.

Что касается Боткина, — он был бы жалок, если б не был гадок. Да! жалко видеть человека, который делается с годами хуже и хуже, все идет вниз, ничего не выработал из жизни кроме капризов и скряжничества! Этот истощенный грешник недоволен другими потому, что он не доволен собой. Страшно сказать, что человек дожил почти до старости, не нажив себе ни одного друга, ни одного преданного существа. Помните, он мне предлагал ехать с ним в Степановку? Я отказалась, зная заранее, что он бы мне не один молебен отслужил по дороге².

Я вам скажу новость. Авдотья Яковлевна Панаева вышла замуж за молодого человека, которого я очень хорошо знаю, очень умного, милого, Головачева³. Видно, он влюблен не на шутку, потому

что у него состояния нет *никакого*, и чем они будут жить — не понимаю. Ему не более тридцати лет, но его никак нельзя назвать деятельным человеком.

Подумайте, Фет, что вам невозможно отказаться от литературы. Нельзя ли как-нибудь поладить с Катковым? Вы писали ваши «Записки»¹, неужели вы их не напечатаете²? Я об этом и слышать не хочу. Душевно благодарю вас за стихотворение³; оно мне доставило истинное наслаждение, как и все ваши стихи. Не многие способны их оценить вполне, и я рада, что я из числа этих немногих. Знаете, что это мне дает хорошее понятие обо мне? — Со мной часто случалось составить себе понятие о человеке, когда он понял ваши стихотворения. Чтоб их понять, не достаточно литературного чутья, надо иметь душу и *что-то* в душе, что я не умею назвать. Кто не получил от природы этого *чего-то*, не поймет ваших стихов и многого не поймет, и тем лучше! Зато ничего не лишится.

На днях я перелистывала Мея⁴. Стихи, кажется, хороши, а ни одного не запомнишь. Отчего это?

Охота вам пускать к себе людей, которые отыскивают в повестях Тургенева *un enfant de bonne maison**. Я не могу видеть таких господ. Душа не принимает, как говорит русский человек.

Прощайте, передайте мое приветствие Марье Петровне.

С. Энгельгардт.

Год устанавливается по содержанию (упоминание о замужестве А. Я. Панаевой) и по сопоставлению с письмом Фета от 26 сентября ст. ст. 1865 к С. Э. (см.: Фет. СПП. С. 177—179).

¹ Дрианский (Дрянский) Егор Эдуардович (1812—1872), — прозаик и драматург, близкий к кругу А. Н. Островского и «Москвитянина», автор известных «Записок мелкотравчатого» (1859). В 1865 г. «Русский вестник» начал печатать роман Д. «Антон Антонович» (№ 4—6), однако печатание романа было приостановлено из-за протеста автора, возмущившегося редакторским вмешательством в текст романа. Позднее роман был опубликован под заглавием «Туз».

² О какой поездке В. П. Боткина в Степановку идет речь, не ясно.

³ Женильба Ап. Ф. Головачева (1831—1877) на А. Я. Панаевой (1820—1893) произошла в 1865 г.

⁴ Очевидно, имеются в виду записки Фета «Из деревни», которые печатались до 1865 г. в «Русском вестнике».

⁵ Продолжение деревенских очерков А. А. Фета печаталось в «Литературной библиотеке» (1868, № 2) и в журнале «Заря» (1871, № 6).

* благородных манер (*франц.*).

⁷ Мей Лев Александрович (1822—1862) — поэт, переводчик, драматург, близкий к «молодой редакции» «Москвитянина». С. Э., возможно, была знакома с Меем.

27

6 (18) декабря 1865 (?)

Декабря 6.

Мой милый Фет, меня очень тронуло, что вы нашли возможность побывать у меня вчера. Я знаю, что вы посидели бы не более четверти часа, но это мне и приятно, что вы желали меня видеть хоть на четверть часа. Я измучилась с больными; все мои знакомые, т. е. близкие люди, были больны, и в ту минуту, как вы ко мне заехали, я была у больной. Я заслужила трехдневный отпуск и с девятого числа до одиннадцатого буду сидеть дома и ждать вас.

До свиданья.

С. Э.

Год письма определяется условно, по местоположению письма в пачке рукописей.

28

20 февраля (4 марта) 1866

Москва, февраля 20.

Мой милый Фет, очень мне было жаль, что не удалось повидаться с вами еще раз в Москве¹. Меня задержал дома присзд Солового², который видел брата в Берлине³. Соловой провел *несколько часов* здесь только для того, чтоб быть у нас и сообщить нам подробности о своем свидании с братом. Вот что мне помешало приехать к вам.

Вы знаете, что я никогда не говорю о своих произведениях, однако сегодня изменяю этому правилу. Я начала писать повесть и описываю вас в первой главе⁴. Вы не можете себе представить, с какой любовью я вас описываю, но не знаю, удастся ли портрет⁵. Мне хочется прислать вам эту первую главу до напечатанья. Прибавьте или убавьте, что хотите, распоряжайтесь ей, как своей собственностью: вы меня чрезвычайно обяжете. Я вас называю *en toutes lettres**. Согласны ли вы на это⁶?

* полным именем (франц.).

Ради Бога, напишите мне *немедленно*, где находится Тургенев? Когда он будет в Москву и как ему адресовать письмо? Я не знаю, у кого расспросить о нем в Москве и потому должна обратиться к вам за скорым ответом.

Скажите Марье Петровне, что она дурная женщина. Я ее так полюбила, что никак не думала, что она способна меня забыть; я была уверена, что она найдет возможность повидаться со мной. Что меня касается, я никогда не меняюсь без причины для тех, кого я раз полюбила. Того и гляди она меня не узнает, когда я приеду в Степановку. Лишь бы только устроились железные дороги.

Жму вам руку от всей души и жду с нетерпением вашего ответа.

С. Энгельгардт.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету. В Орел.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 21 февраля 1866,

2) Орел, 24 февраля 1866.

¹ В декабре 1865 — январе-феврале 1866 г. Феты жили в Москве.

² Очевидно, Петрово-Соловово М. Ф. (1813—1885).

³ А. В. Новосильцев, перенесший в 1864 г. удар (см. письмо № 23), в мае 1865 г. уехал в Германию для продолжения лечения.

⁴ Речь идет о повести «Не одного поля ягоды», напечатанной в 8 выпуске «Русского вестника» за 1868 г. Фет был выведен в 1-й главе повести под своим именем: он появился в салоне Анны Павловны Кедровой, чтобы прочитать свои стихотворения, произнести гневную речь против тенденциозного искусства и защитить пушкинское направление.

⁵ Фет появляется в салоне Кедровой «сорокапятилетним полным, плотным, среднего роста человеком». «Черная борода обрамливала его продолговатое лицо, но волосы поредели на лбу. Он казался до крайности рассеян и не узнал бы даже хозяйки дома, если бы она ему не протянула руки. Все в нем было оригинально, самобытно, и склад речи, и физиономия». В речах, которые Фет произносил в повести, отразились не только встречи с ним С. Э., но и письма, откуда писательница заимствовала некоторые типично фетовские выражения и мысли.

⁶ В не дошедшем до нас письме Фет протестовал против того, чтобы имя его звучало в повести. В письме к нему от 28 марта (9 апреля) 1866 г. С. Э. объясняла: «Ведь вы меня уничтожите, если не позволите вас называть en toutes lettres. Я вас не выставила в повести героем романа, но *историческим* лицом. Те, которые вас не знают, должны познакомиться с вами в моем рассказе — вот моя претензия. Вы у меня являетесь только в одной главе. Впрочем, я напишу главу и пришлю вам ее на рассмотрение» (А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 200).

⁷ Адрес Тургеневу понадобился С. Э. для того, чтобы обратиться к нему с просьбой принять участие в организуемом ею литературном утре в пользу бедного семейства. Ее попытка занять у К. Т. Солдатенкова 500 руб. не увенчалась успехом, Островский, Писемский, Ключников тоже ничем не помогли

С. Э. «С отчаяния я решилась написать к Тургеневу, — объясняла С. Э. свою просьбу Фету позднее, 28 марта ст. ст. 1866 г., — зная, что если б он согласился читать, когда он будет проездом в Москве — то вся Москва поехала бы его слушать. Он мне отвечал в тот же день (это письмо Тургенева не известно — Н. Г.), что он не приедет в Россию, но готов устроить чтение в Бадене, когда р(усская) публика соберется на воды, а между тем жертвует сто р(ублей) в пользу тех людей, для которых я хлопочу. Давно я не испытывала такого удовольствия. Я была так благодарна случайности, давшей мне возможность узнать Тургенева; так рада, что его можно любить как человека столько, по крайней мере, сколько художника. А вы знаете, как я люблю художника Тургенева? — Милый Тургенев. Несмотря на то, что иные люди, не любящие Тургенева, говорили мне не в его пользу, я не хотела допустить, что он может быть не хороший человек и была почти уверена, что он исполнит мою просьбу, но он сделал несравненно более того, что я ожидала, просила» (См.: А. А. Фет. Проблемы изучения...С. 198—199). О том, что он получил письмо С. Э. и ответил на него, Тургенев сообщал Фету 25 марта (6 апреля) 1866 г. (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Письма. Т. 7. М., 1990. С. 27)

29

18 (30) мая 1866

Москва, мая 18.

Мой милый Фет, мне кажется, что прошло несколько лет с тех пор, как я к вам отправила свое последнее письмо. Недаром сложилась поговорка: придет беда, отворят ворота. Действительно, как она придет, так со всех сторон и собираются тучи. Главная же беда состоит в том, что судьба оделила меня способностью слишком сильно чувствовать горе — и, кажется, я не угомонюсь до гробовой доски.

Сестра моя вернулась из-за границы по просьбе брата¹, который ей поручил устроить кое-какие дела и переговорить с его женой. Ах! Мой милый, если бы вы знали, как сложилась жизнь этого человека и какие страшные драмы его убили! Мы поговорим об нем когда-нибудь в Степановке с глазу на глаз. Мы все им держались, и невыносимо теперь его видеть полуубитого. Он никогда не будет владеть рукой и ходит с трудом, однако ходит. В августе он вернется в Россию, и мы уже отыскиваем новую квартиру, чтоб жить вместе с ним и его мальчишкой².

Все это время я не бралась за перо, но теперь стала оправляться и надеюсь, что мне скоро можно будет приняться за ту повесть, в которой вы играете роль³. Как скоро я ее кончу, я вам пришлю первую главу и не отдам ее в печать без ваших поправок. Где при-

дется ее напечатать? Может быть, нигде. Катков едет за границу и неизвестно, надолго ли. Любимову поручено хозяйничать в редакции «Р(усского) Вестника»⁴, пожалуй, не добьешься ни толку, ни денег.

Кстати, о деньгах: помните, я вам писала, что Тургенев пожертвовал 100 руб. в пользу одного бедного семейства. Эти сто руб. я должна была получить от И. И. Маслова⁵, который обещал мне их доставить лично в первых числах апреля. Не сомневаясь в исправности г-на Маслова, я заняла на несколько дней 100 руб. и отдала их кому следовало, и что же вышло? До сих пор не только Маслов не сдержал слова, но даже не потрудился ко мне написать, даже не отвечал на мое письмо. Я никому об этом не рассказывала; этот господин не понимает, что он компрометирует Тургенева; вот что меня и заставляет молчать.

Знаете ли вы, что Муравьев выдал желтые паспорта нигилистам⁶? Некоторые дамы восстали против этой меры, но спрашивается, что же с ними делать? Заключение их на время в монастырь? Это было бы только им польстить, сделать из них жертв, страдающих за *убеждения*. Не они ли сами напрашивались на желтые паспорта? Старшие увлекали детей и учили их. Недавно схватили 17-летнюю девочку здесь, в Москве и отправили в часть. У ней нашли письма с безобразиями всякого рода. Бедная девочка исхудала и, говорят, вся дрожит, как только начинают ее допрашивать. Зато другие отличаются храбростью — и, к несчастью, бесстыдством.

На днях целое депо сплетней, болтовни и хвастовства, а именно г-жа Нилус отправляется к вам в соседство. Я у ней в милости, что ей не мешает, однако, распускать обо мне всякого рода глупости, целые романы, в которых я играю незавидную роль. И муж ее хорош. Неужели правда, что Тургенев с ними дружен⁷? Мне кажется, я ему не поверю, если он скажет, что правда.

Прощайте, — не надолго, мой милый Фет. Жму вашу руку. Поцелуйте за меня Марью Петровну.

Сестры вам обоим кланяются.

С. Э.

Я проведу месяц на даче возле Троицы, но не оставлю Москву раньше июня.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету. В Орел.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 19 мая 1866,

2) Орел, 21 мая 1866.

¹ См. письмо 28, примеч. 3.

² Новосильцев Юрий Александрович.

³ См. письмо 28, примеч. 4 и 5.

⁴ См. письмо 25, примеч. 4.

⁵ Маслов И. И. (1817—1891), близкий друг Тургенева, нередко выполнявший его поручения в Москве. Письма Тургенева к Маслову по поводу передачи денег С. Э. и Маслова к С. Э. не известны.

⁶ Речь идет о мерах, предпринятых против лиц, заподозренных в связях с революционерами, М. Н. Муравьевым (1796—1866), одним из усмирителей польского восстания 1863 г., который с апреля 1866 был председателем Верховной следственной комиссии по делу Д. В. Каракозова.

⁷ Нилус Александр Петрович (1816—1887), женился в 1853 г. на Н. Д. Карповой, кузине И. С. Тургенева (см. письмо 19 и примеч. 2 к нему). Тургенев был шафером на их свадьбе (см. письмо от 15(27) июня 1853 г. к П. В. Анненкову). О дружбе Нилусов с Тургеневым сведений нет. В юности Тургенев был увлечен сестрой Н. Д. Карповой Елизаветой Дмитриевной, в замужестве Шеншиной и бывал в доме Шеншиных позднее (см. письмо от 31 августа (12 сентября) 1850 г. к Полине Виардо).

30

24 октября (5 ноября) 1866

Москва, октября 24.

Мой милый Фет, я к вам писала два раза и не получала ответа на мои письма. Вероятно, они пропали, как и другие, писанные мной моим знакомым. Почта ли виновата, или люди пошли неаккуратны, Бог знает, дело в том, что я не знаю, что с вами делается и прошу вас успокоить меня скорее на ваш счет. Посылаю вам вторично свой адрес: на Малой Никитской, у старого Вознесенья, дом Мейсмера. Вам легко будет отыскать нашу квартиру; она рядом с прошлогодней.

Я к вам писала, что брат возвратился в Россию и живет с нами. Мальчик его¹ — прелесть — умен как день и учится отлично. Наука ему дается шутя; но, к великому моему горю, он, кажется, не обладает поэтическим чувством. До сих пор, по крайней мере, нет признаков любви к искусству, а ему уже тринадцать лет. В ваших стихотворениях его поразила только верность перевода с латинского оригинала.

Катков отставил Любимова², и литературный отдел поручен Мельникову³. Он, говорят, порядочный человек и понимающий свое дело. Написали ли вы что-нибудь прозой или стихами? — Я страш-

но спешу и прощаюсь с вами, пожав вам руку от всей души. Марья Петровну целую.

С. Энгельгардт.

Год письма определяется по содержанию.

¹ Сын А. В. Новосильцева Юрий, племянник С. Э.

² Речь идет о Н. А. Любимове. (См. письмо 25, примеч. 4).

³ Мельников Павел Иванович (псевд. Андрей Печерский; 1818—1883) — писатель, состоял с 1855 г. чиновником особых поручений при Министерстве иностранных дел, в 1866 г. вышел в отставку и переехал в Москву, где сотрудничал в органах М. Н. Каткова — журнале «Русский вестник» и газете «Московские ведомости», редактором которой Катков стал в первой половине 1866 г. Об этом назначении С. Э. писала Фету 29 июня (11 июля) 1866 г.: «Мы, москвичи, радуемся, что Катков вступил в права редактора „М(осковских) ведомостей“. Вот как это случилось: он написал к царю, который велел ему приехать в Ильинское и беседовал с ним с глазу на глаз несколько часов. Катков не передал никому слова своего разговора с Государем, но остался им чрезвычайно доволен. К. Долгорукий у него спросил, почему он писал против министров, на что Катков отвечал: „Потому что все зло идет от них: они-то и порождают нигилистов“. Катков получил право обращаться лично к Государю за чем бы то ни было, словом, Катков торжествует» (А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 200).

31

6 (18) мая 1867

Москва, мая 6.

Мой милый Фет, Марья Петровна права, я вас очень люблю и думала, что вы это давно знаете. Моя дружба с вами, говорите вы, дает вам право быть искренним со мной? Без сомнения, дает, однако вы попробовали и не решились. Вы вертитесь около какой-то истины, которой не досказываете. Если вы хотели сказать, что идеализм бедовая способность и мне, например, испортила жизнь, вы сказали горькую истину. Ни пером не опишешь, ни словом не скажешь, чем я поплатилась за свои ошибки. Я вас уверяю, что никто, как я, не понял невыгодную сторону идеализма, т. е. способности верить людям на слово и видеть в них небывалые совершенства. Способность эта смешна, и я всякому даю право надо мной смеяться. Но зачем вы называете идеализмом наслаждение, которое нам дает искусство? Я думаю, что дельный указ против воровства принесет столько же пользы человечеству, сколько «Для берегов отчизны дальней...»¹ Не вы ли сами называете Гете и Пушкина своими *утешителями*? Не они, однако, исправляют в Степановке дол-

жность мирового посредника²? Да если б не они и им подобные гении, что бы случилось с душой измученной, загрязненной от грубых прикосновений? Ну, право, ее участь была бы ни хуже ни лучше тех ревизских душ, которых Чичиков покупал во времена оно у Коробочки и у Плюшкина. Нам нужен засушенный хлеб, кричат реалисты. Кто же в этом сомневается? Но ведь одним хлебом не насытишься. После гастрономического обеда не вздохнешь свободней, не забудешься и не забудешь. Он, пожалуй, как говорится, и в горло не пойдет. Вы знаете, что бывают такие минуты, которые каждого из нас заставят сказать:

Я слез хочу, поэт,
Иль разорвется грудь от муки.

Эти слезы тот же засушенный хлеб³.

Скажите, начал ли Толстой свой роман или только собирается его начинать? Я его жду с нетерпением⁴.

Вчера у меня была Катерина Алексеевна Протопопова. Бедная женщина в самом жалком положении. Два месяца тому назад сделали операцию ее сыну, — вырезали один глаз, а другим он почти ничего не видит. Погода у нас стоит отвратительная, холод, снег и дождь. Мой бедный брат ждет не дожидается солнышка и тепла. Он стал так угрюм и молчалив, что не знаешь, чем его разговорить. На днях он мне сказал: «я потерял способность говорить, но не отвык ни чувствовать, ни думать. Если б я попробовал рассказать, что у меня на душе, я бы в целый год не высказался». Мы наняли дачу в парке. Я ненавижу парк, но по крайней мере подышу воздухом полей. Хочу вас потешить анекдотом. Нигилистка у меня спрашивает, люблю ли я своего племянника⁵? Я отвечаю, что этот мальчик единственная цель и утешение в жизни. Не верю, — говорит, — не верю, чтоб порядочная женщина (*une femme comme il faut*) puisse aimer un être aussi sot et aussi égoïste qu'un enfant*. Я ей напонила, что у ней дети есть. *Je ne puis pas souffrir mes enfants. C'est si sale des enfants**!* Каково?

Прощайте до будущего письма.

Поцелуйте за меня Марью Петровну и скажите ей, что я рада, что она меня любит хоть за то, что я вас люблю.

С. Э.

* (порядочная женщина) могла любить столь глупое и эгоистическое существо, как ребенок (*франц.*).

** Я не выношу своих детей. Это такая *грязь*, дети! (*франц.*).

¹ Первая строка стихотворения А. С. Пушкина (1830).

² Летом 1867 г. Фет был избран мировым судьей Мценского уезда.

³ Спор с Фетом об идеализме возник в переписке С. Э. в связи с обсуждением романа Тургенева «Дым» («Русский вестник», 1867, № 3). В письме от 6 (18) апреля 1867 г. С. Э. делилась первым своим впечатлением от романа: «Литерические места прелестны, а сатирические достигли свою цель, и дай Бог здоровья Тургеневу за то, что он нас осмеял беспощадно; осмеял наше тупоумие, хвастовство, неумение жить, говорить и думать, и доказал, что русский человек не имеет никакого права называться образованным человеком». (А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 201—202). Судя по ответному письму С. Э. от 2 (14) июня 1867 г., Фет обвинил в «идеализме» не только героя «Дыма» Литвинова, но и самого Тургенева, намекая на его отношения с П. Виардо, и свою корреспондентку. С. Э. писала: «Сказать ли вам мое мнение об союзе Тургенева и М-те В(иардо) (...) идеализма там нет никакого, а есть привычка. М-те В. — умная, ловкая женщина; она изучила Тургенева вдоль и поперек; она с ним нянчится, когда он болен и капризничает; всегда что-нибудь придумает кстати, чтоб его развлечь, когда он скучает, и таким образом он незаметно покорился ее влиянию, — и должно быть ее побаивается. Он человек бесхарактерный? А у ней характер на двоих. — Он самолюбив? Она знает, как и когда надо покадить (...) Нельзя потерять из виду, что оба они выходят из разряда обыкновенных смертных и что художественная сторона облагораживает их привязанность (...) Вы слишком строго судите о „Дыме“. Я совершенно согласна с тем, что Литвинов не характер, не живой человек, но страсть его к Ирине я понимаю. Он любил покойно, почти братским чувством свою невесту; а Ирина ему внушает (...) вполне чувственную страсть, единственную страсть, которая заставит мужчину пойти в огонь и в воду; которой он не изменит, пока она не изменит ему. Я не понимаю, по крайней мере, не объясняя, почему Литвинов не поехал в Петербург за Ириной. Я уверена, что он за ней поехал, и что Тургенев в этом не признается. Его Литвинов вовсе не идеалист, а так себе, кажется добрый малый, звезд с неба не хватает, и в чужой кошелек руки не запустит; почему бы не поехать за Ириной? — Но как Тургенев отделал аристократическое общество! Вот за это можно его целовать, обожать. Как мастерски он описал тупость, пустоту, материализм, пошлость этого общества! Они все на него взъелись, вот вам доказательство, что удар был верен. Ирина — тип» (А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 203—204). Это письмо вызвало гневную реакцию Фета, который в ответном письме от 15 (27) июня, поставив вышедший в № 4 «Русского вестника» за 1867 г. рассказ С. Э. «Не сошлись» выше, в «1000 раз лучше» «Дыма», о котором писал: «В „Дыме“ (...) чахоточный сюжет. И этот сюжет или, лучше, герой его поставлен на пьедестал. Но такие жалкие люди, как герой, — не моего романа. Вы отлично сказали, что он чувственно повлекся к Ирине и что это единственный случай, когда мужчина готов на все. — Это очень верно. — Но не должно смешивать вещей. Можно и на эту тему написать хорошую вещь, как на всякую другую верную тему, можно написать, что будет еще вернее и безошибочнее, что каждый раз, когда перережут живому горло — польется кровь — но другое дело рекомендовать резание горла. Вы говорите: *страсть*. Страсть не одна, их тысячи и все они законны, потому что в природе вещей. Против этого спорить напрасно (...). Но давать и возбуждать страсти дело природы и жизни, а дело

людей образованных проповедовать борьбу с ними.» (В кн.: Фет. СПП. С. 379—380). Аналогичную оценку дал Фет роману «Дым» и в письме того же дня к Л. Н. Толстому (см.: *Толстой Л. Н.* Переписка с русскими писателями: В 2-х т. Т. 1. М., 1978. С. 384—386). С. Э., однако, не приняла аргументации Фета. 27 июня (9 июля) 1867 г. она спорит с ним: «Вы говорите, что не можете *признавать культа страстей?* Каких? Вы тут же говорите, что страсть не одна, их тысяча. Страсть благородная, любовь, например, может унизить на время самую возвышенную природу. Таково свойство страстей: они возвышают и унижают; а отымите их у человечества, что же оно будет? Что с ним станется? Если б большие морские рыбы не поглощали маленьких, то море обратилось бы в твердь. Что была бы земля без моря, без его бурь и произвольных, слепых сил?.. Пусть человек борется с страстями и они с ним, это жизнь. Другое состояние — прозябание, — или отдых для тех, кто уже отжили» (А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 206).

⁴ Речь идет о продолжении романа Л. Н. Толстого «Война и мир», первые главы которого были напечатаны в «Русском вестнике» за 1865 г. 2(14) апреля 1865 г. С. Э. писала Фету: «Как вы находите роман Толстого? Скажите, пожалуйста, почему он так возится с своей беременной княжной? — Читатель уже так коротко знает срок ее родов, что не нужно о нем напоминать на каждом шагу. Уж не пойдет ли он в акушерки? Не сердитесь на меня, а в романе вашего приятеля много болтовни, зато характеров мало: лица большей частью не доделанные, бледные; он часто теряет из виду эпоху, la couleur locale (местный колорит — *Н. Г.*). Дети, например, принадлежат нашей эпохе гораздо более, нежели той, о которой он пишет. Князь Андрей, хоть и не дитя, а тоже не герой 1805 года. Одна часть хороша — *Петербург*; остальным надо пообрезать руки, ноги и язык. — Замечательно, что Тургенев никогда не впадает в болтовню» (см.: А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 196).

⁵ Племянник — сын А. В. Новосильцева Юрий.

32

13 (25) мая 1868

Мая 13

Мой милый Фет, что с вами делается? Я вам писала месяц или недели три тому назад и вложила в письмо 3 руб. для ваших орловских бедных. Человек, которому я поручила отдать письмо на почту, продержал его в кармане несколько дней; однако он его отнес на почту, и с тех пор я бы могла получить ответ.

Я надеялась провести несколько времени в Тульской губ(ернии) и, разумеется, побывать у вас; но этот план навряд ли состоится. Знакомая, с которой я должна была ехать, занемогла, и вдобавок у ней в семействе устраивается свадьба. Я так и предчувствовала, что будет помеха, но не теряю надежды быть в ваших сторонах в

течение лета. Мы наняли дачу возле Хатькова, на Троицкой дороге; дом просторный, на горе, река, роши, и все это за триста рублей.

Мне очень хочется в деревню, — хоть и знаю, что в деревне будет так же грустно, как в городе. Ждала я с нетерпением весну, — но весна не разгоняет душевной грусти, той грусти, которая сжилась с вами. Одно ее разгоняет на время, — любимая книга и теплый разговор. Кстати о книгах, — говорят, что Толстой написал пятую часть своего романа¹. Недостатки этого романа я поняла только после чтения, и не скоро после. Мне кажется, что в нем нет стройности, нет связи между историей и романом. Исторические события сами по себе, а роман сам по себе. Наполеон у Толстого вышел ни то ни се; не знаешь, как он смотрит на Наполеона, как на гениальную личность или обыкновенную? А возможно ли смотреть на него, как на обыкновенного человека? Я перечитываю теперь «Mémorial de Sainte-Hélène»^{*} и умиляюсь перед этой колоссальной личностью². Как он глубоко понимал людей, как он любил поэзию! В ссылке его любимое занятие были книги; по вечерам он сам вслух читал «Илиаду», Корнеля, Расина и говорил, что выше «Илиады» он ничего не знает.

Я начала утром это письмо и принимаюсь за него, чтоб проститься с вами. Помните, я написала повесть, в которой вы на сцене³? Г-н Любимов ее не напечатал до сих пор⁴. Я хотела ее взять назад, но он не отдал и прислал мне 100 р. задатка. Он один хозяйничает теперь в «Вестнике», а Катков в буквальном смысле слова никогда не заглядывает в журнал. Зато и хорош журнал!

Не забывайте меня и напишите. Московская квартира остается за нами.

С. Э.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету.

В город Орел. На станцию Алисова.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 14 мая 1868.

2) Орел, 17 мая 1868.

¹ 5-я часть романа «Война и мир» была к тому времени набрана в типографии.

² Имеется в виду книга «Mémorial de St.-Hélène» (Р., 1824), написанная Э. - О. Ласказом (1766—1842), камергером Наполеона, под его диктовку.

³ Речь идет о повести С. Э. «Не одного поля ягоды». (См. письмо 28, примеч. 4 и 5).

⁴ Н. А. Любимов — сотрудник «Русского вестника». (См. письмо 25, примеч. 4).

^{*} «Мемуары со св. Елены» (франц.).

Москва, июня 29.

Мой милый Фет, я получила из Житомиры перевод, который я послала вам в Орел¹. Послан он был в марте и дошел только в июне — зато ко мне. Авось судьба занесет его в Степановку; — на почту я уже не рассчитываю!

Как вы покончили с вашими московскими тревожностями²? Я не успела вам рассказать, что одна из моих сестер встретила у знакомых внуку Алек. Сер. Пушкина и привезла ее ко мне — напоказ. Ей одиннадцать лет — худенькая девочка и пока не хороша собой³. Она была изумлена, когда увидела у нас портреты и бюст Пушкина и повторяла: везде дедушка! — Она знает наизусть «Полтаву» и все те стихотворения, которые попали ей в руки. — Вот вам факт, не анекдот. — Одна знакомая сына Пушкина заметила, что его дети, видимо, любят поэзию, на что он отвечал: Любят? Я их за это так отдеру, что отобью охоту ей заниматься. Но дети родились, слава Богу, не в этого осла, и, как он их ни дерит, будут заниматься поэзией, если только ее любят.

Здорова ли Марья Петровна? У нас идет *неутешный* (дождь?), а у вас что? Страшно подумать, весь хлеб погибнет.

С. Энгельгардт.

Год письма устанавливается по упоминанию денежного перевода, который С. Э. посылала Фету в марте 1868 г.

¹ О высылке Фету денег для помощи бедным С. Э. сообщала в письме 32.

² В феврале Фет ездил в Москву для лечения.

³ Наталья Александровна Пушкина (в замуж. Воронцова-Вельяминова; 1859—1912), старшая дочь сына поэта Александра Александровича и С. А. - Ланской. Н. А. Пушкина была в родстве с Сухово-Кобылиными и до замужества жила в Москве. Возможно, здесь и встретила одна из сестер С. Э. внуку Пушкина.

Июля 16.

Мой милый Фет, с вами еще никогда не случалось не отвечать на мои письма. Что же с вами сделалось? Сердиты ли вы на меня, — так скажите, про что, за что¹. Я знаю, что если б я была чиста перед Богом, как перед вами, я бы прямо попала в рай.

Я к вам писала еще из Москвы, что совсем было собралась к вам, но так хорошо устроили, что надо было от Тулы до Орла нанять тарантас, а я, к несчастью, никак не могу проехать в тарантасе более 5—6 верст, да и то мне даром с рук не сходит. В начале июня мы перебрались на дачу, по железной дороге, в десяти верстах от Троицы. Эта дача настоящая деревня; дом огромный, не старый и не старинный; грязен и мебели мало; зато местоположение прекрасное и воздух такой, что не надышишься. Здесь недостает одного, — главного, — симпатичных людей, с которыми можно было бы поговорить по душе.

У меня до вас просьба, мой милый, но если она вас хоть на сколько-нибудь затруднит — ради Бога, не стесняйтесь сию, а то я никогда ничего не попрошу у вас. Вот в чем дело. В Петербурге затевают новый журнал «Заря». Я слышала, что Майков будет один из редакторов; не можете ли вы у него спросить, примет ли он мою повесть²? Если примет — пришлите мне сейчас его ответ, а если откажет ее принять — скажите без церемонии. До сих пор во всех журналах, за исключением «Русского слова»³, мои повести печатали, и потому я решаюсь предложить свое сотрудничество новому журналу, в котором, говорят, не будет разного сорта грязи. За лист я получаю 65 руб. — Недавно редактор «Всемирного труда», некто г-н Хан⁴, просил у меня повесть; я обещала, но когда заглянула в его журнал, пришла в ужас и не знаю теперь, как взять назад свое слово. Вот вам адрес Майкова: С. -Петербург. На углу Садовой и Екатерингофского проспекта, дом Шеффера.

А ваш ответ на это письмо адресуйте в Москву. Поверите ли вы, что ваши письма получают в Москве на 5 или 6 день, как придется, мы их посылаем на Хотьковскую станцию. Иногда их *находят* у Троицы, и какая-нибудь хотьковская монашенка их принесет на дачу. Очень вероятно, что мое письмо к вам пропало.

Видали ли вы Тургенева⁵? Я убедилась, что он боится, как огня, M-me Viardot. Помните, я вам говорила, что я перевела на французский язык его «Довольно» и послала ему перевод⁶. Он мне писал *три* раза, что (2 слова нрзб.) самые важные причины мешают ему напечатать «Довольно» в французском журнале, между тем как я и не думала о возможности его напечатать⁷.

Передайте мой поклон вашей жене.

С. Энгельгардт.

Р. С. Сейчас я прочла в «Московских ведомостях» объявление о «Заре». Оказывается, что мне сказали вздор; имена редакторов не известны; известно только имя *Стебницкого* (Лескова), человек опозоренный⁸. Я распечатала свое письмо, чтоб сказать вам — не пишите к Майкову. Не знаешь, что делать и к кому обратиться, чтоб напечатать повесть.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету. Через Орел, на станцию Алисово.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 21 июля 1868.

2) Орел, 23 июля 1868.

¹ Фет в это время был чрезвычайно обременен обязанностями мирового судьи, на эту должность был избран летом 1867 г. Кроме того, 18 мая 1868 г. скончался в Содене друг его юности А. Ф. Бржеский, он принимает решение предложить его вдове А. Л. Бржеской поселиться в Степановке.

² Очевидно, речь идет о повести «Не одного поля ягоды» (См. письмо 28, примеч. 4 и 5).

³ С начала 60-х годов журнал «Русское слово» стал органом леворадикального крыла революционно-демократического движения, благодаря участию в нем Д. И. Писарева, В. А. Зайцева, Д. Д. Минаева и др. В трактовке литературного процесса и эстетических установках проявилась тенденция, категорически неприемлемая для С. Э. и Фета. В 1866 г. журнал был закрыт.

⁴ Хан М. А. (1826—1892) — врач, автор популярных книг, редактор-издатель журнала «Всемирный труд» (1867—1872), занимавшего в отношении литературы демократические позиции.

⁵ В июне 1868 г. Фет виделся с Тургеневым в имении своего друга и родственника И. П. Борисова Новоселках.

⁶ В письме от 2 июля 1867 г. к Тургеневу С. Э., посылая ему перевод «Довольно», не объясняла, почему она взялась переводить именно это произведение. Очевидно, какая-то договоренность между нею и писателем была, поскольку еще 10 (22 октября) 1865 г. Тургенев, откликаясь на предложение С. Э. перевести повесть «Призраки», переданное через Фета, просил сообщить ей, что повесть уже переведена Мериме (см. примеч. 7 к письму 15). Что касается «Довольно», то С. Э. писала: «Если перевод вам понравится — я буду очень рада, если же не понравится — я утешусь мыслью, что никакой в мире переводчик не мог бы достигнуть и приблизительно до неподражаемой прелести оригинала. Знаете, что в этом произведении вы играете роль Библейского Бога — вводите читателя в рай и вдруг бросаете его в хаос. Поневоле читаешь вторую половину на расстоянии нескольких дней от первой. Хочется остаться в раю» (Bibl. Nat. Slave, 81, f. 45).

⁷ Очевидно, в не дошедших до нас письмах к С. Э. Тургенев не мог объяснить, почему он не хочет, чтобы «Довольно» появилось на французском языке, но его корреспондентка верно догадалась, что тому причиной были личные мотивы: в рассказе было немало автобиографических моментов, в частности, связанных с П. Виардо. 3 мая 1868 г. С. Э. писала Тургеневу: «Что касается „Довольно“, я была убеждена, что оно уже появилось в переводе; мне хотелось только попробовать, способна ли я перевести ваши произведе-

ния... я вам послала тетрадку не для того, чтобы вы ее напечатали, а просто pour vous en faire hommage...» (высказать вам тем самым признательность — франц. — Н. Г.) (Bibl. Nat. Slave, 81, f. 43). В том же письме С. Э. предлагала Тургеневу перевести его повесть «Переписка» или какое-нибудь другое произведение, «Первую любовь», «Фауст» или еще что-нибудь, а также указать на встречающиеся в ее переводе руссизмы. Сведений о том, было ли осуществлено это намерение, нет.

⁸ См. письмо 35. Этот эпизод из жизни Лескова С. Э. передавала Фету в письме от 24 сентября (6 октября) 1861 г. (см.: А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 185). Журнал «Заря» издавался В. В. Кашпиревым (1835—1875) с 1869 по 1872 г. в Петербурге. У истоков его действительно стояли А. Н. Майков и Н. С. Лесков. Основное направление журнала было близко позднему славянофильству (начиная с первого номера в нем публиковался трактат Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», здесь принимали участие Достоевский, К. Н. Леонтьев, Н. Н. Страхов, Ф. И. Тютчев и др. представители умеренно-консервативного направления).

35

14 (26) августа 1868

Августа 14.

Мой милый Фет, почему это написано на роду порядочным людям бедствовать и бедствовать? Везде неудача — за что ни возмись. На эту мысль меня навело ваше последнее письмо. Мы встречаем на каждом шагу богатых кретинчиков или богатых скучных, — а тем людям, которые бы умели дельно и благородно пользоваться деньгами — не дается даже и необходимое. А заметили вы, как все дураки здоровы?

То, что вы пишете о распоряжениях «Р(усского) вестника» насчет вашей статьи¹, меня нисколько не удивляет. Я даже уверена, что письмо написал г-н Любимов², генерал-губернатор «Р(усского) вестника», — а Михаил Никифорович³, не прочитав статьи, подписал письмо⁴. В «Вестнике» печатают разом два переводные романа⁵, а оригинальных хороших статей не печатают! Как же это не прелесть? Хоть бы они взяли в расчет, что стоило бы, однако, молвить слово о книге, которую теперь читает вся Россия и о которой невежды говорят всякий гнусный вздор⁶. Вы говорите, что не имеете понятия о Стебницком? Порядочные люди о нем не имеют понятия, и я только случайно познакомилась с ним: несколько лет тому назад графиня Сальяс издавала журнал «Русская речь»⁷. Г-н Лесков (Стебницкий) прислал ей статью об эмансипации женщин. Графиня Сальяс пришла в восторг и предложи-

ла ему участвовать постоянно и за хорошую цену в ее журнале. Этот господин переселился из Петербурга в Москву и, к несчастью, нанял квартиру на одном дворе с нами и с графиней. Что же оказалось? Эмансипатор до такой степени бил свою жену, что несчастная, бывало, вся в синяках и полупомешанная, прибежит к нам и просит позволения провести у нас несколько часов, пока эмансипатор положит гнев на милость. Одна из причин побоев было незнание бедной женщиной французского языка. Ему, говорил он, было стыдно видеть ее с нами. Хорошие отношения, разумеется, скоро охладели между им и графиней С(альяс). Он возвратился в Петербург и написал на нее пасквиль, просто донос⁸. Надо вам сказать, что он тоже был *известный русский либерал*. Эту фразу я слышала не раз. Но он себя заявил таким либералом, что ни в одном журнале не печатали ни его статей, ни повестей. От них отказался и «Всемирный труд»⁹, где, кажется, печатают все на свете.

Тошно об этом вспоминать, тошно думать, что такие господа могут еще озадачить своими фразами. Поверите ли вы, что этот смотрит даже общим местом. Все в нем дюжинное, и ум, и фигура, да и довольно об нем!

Недавно я прочла с наслаждением одну французскую книгу: лекции Эмиля Сувестра о древних писателях и о древнем мире¹⁰. Что за божественная страна была Греция? Целый народ до того проникнут искусством, что смотрит как на отверженца богов на того, кто не понимает искусства! Поневоле подумаешь, что мир идет не вперед, а назад, и что тогда жили не люди, а полубоги. Тогда жил Демосфен, а теперь здравствует генерал Афросимов¹¹. Тогда жила Аспазия, — а у нас шагает по улицам нигилистка в синих очках и зипуне. Перикл заменен знаменитым князем Урусовым...¹² Признаюсь вам, что во всем, что он говорил до сих пор, я не нашла замечательной строки. Наконец, современные писатели, не исключая гениальных, — и начиная с Шекспира, заимствовали и комизм, и драматизм у древних.

Я прочла еще одну книгу, которую бы мне хотелось прочесть и вам: «Les paroles d'un Croquant par l'abbé de la Mennais»^{*13}. Не пугайтесь. Я не люблю проповедей на лампадном масле и никогда не имела терпения прочесть хоть одну от начала до конца. Ламене артист, замечательный талант, отлученный от церкви папой. Я ни-

* «Слова верующего, аббата Ламенне» (франц.).

когда не читала ничего подобного, и если можно будет достать книгу в Москве, пришлю вам ее.

А теперь прощайте, мой милый Фет. Я все-таки не теряю надежды повидаться с вами в Москве. Мы скоро переедем. Погода у нас стояла великолепная в все лето, надо убраться до дождей. Ваш ответ я получу в городе.

Марье Петровне передайте наш поклон.

С. Энгельгардт.

Вмешательство монашек в нашу переписку¹⁴ вас так озадачило, что я смеялась до слез, читая ваше письмо. Объедешь всю Европу, и такой редкости не увидишь. Письма вашего я еще не получила.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету.

Через Орел на станцию Алисово.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 17 августа 1868.

2) Орел, 18 августа 1868.

¹ Речь идет о статье Фета, посвященной роману Толстого «Война и мир». См. письмо 33, примеч. 2.

² Любимов Н. А. — См. письмо 25, примеч. 4.

³ Катков Михаил Никифорович (1817—1887) — публицист, издатель, критик.

⁴ Письмо М. Н. Каткова Фету неизвестно.

⁵ В 1868 г. в «Русском вестнике» печатались два перевода с английского: «Моя невестка» и «Лунный камень» Уилки Коллинза.

⁶ Речь идет о романе Л. Н. Толстого «Война и мир», который печатался в это время в «Русском вестнике». «Третья часть самая лучшая, — писала С. Э. Фету 18 (30) 1868 г., — поэма. Житье в деревне Ростовых, поездка к дяде после охоты, прогулка наряженных — такая прелесть, что не начитаешься. А каков старик Болконский? Впрочем, обо всех можно сказать: каковы! Я читала книгу по ночам, а со мной это давно не случалось» (А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 207).

⁷ Гр. Е. В. Салиас де Турнемир (см. письмо 6, примеч. 7) издавала вместе с Е. М. Феокистовым двухнедельный журнал «Русская речь» в 1861—1862 гг.

⁸ С. Э. имеет в виду главы VI, VII второй части романа Н. С. Лескова «Некуда» (1864), где дано карикатурное изображение салона гр. Салиас, выведенной под именем маркизы де Бараль, а также сестер Новосильцевых (в романе Ярославцевых), именуемых «углекислыми феями Чистых Прудов». Среди них и С. Э. (очевидно, Серафима Романовна, для которой автор делает исключение, находя в ней «что-то даже приятное»). Pamфлетное изображение известных лиц вызвало возмущение в различных слоях общественности — от консервативной до крайне радикальной, да и сам писатель впоследствии раскаивался в своем «проступке» (см.: Лесков А. Жизнь Николая Лескова: В 2-х т. Т. 1. М., 1984. С. 203. Указано В. А. Степаненко). Очевидно, на рассказанные С. Э. подробности интимной жизни Лескова, которые могут быть опублико-

ваны, и намекал А. С. Суворин в «Письме к редактору „С. -Петерб. ведомостей“» (№ от 11 сентября 1864 г.), однако угрозы своей не исполнил. Отметим, что С. Э. два раза пересказывала Фету этот сюжет, и в первый раз задолго до опубликования романа (см. письмо от 24 сентября ст. ст. 1861 г. в кн: А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 185), что свидетельствует о достоверности изложенных ею фактов (ср.: Аннинский Л. Лесковское ожерелье. М., 1982. С. 34—37).

⁹ См. письмо 34, примеч. 4.

¹⁰ По-видимому, имеется в виду книга Э. Сувестера «Les causeries historiques et littéraires», изданная в Женеве в 1854 г.

¹¹ Генерал Афросимов — лицо неустановленное, возможно, кто-то из соседей Фета по Мценскому уезду.

¹² Перикл (490—429) — знаменитый афинский стратег, талантливый военачальник, сторонник рабовладельческой демократии, покровитель искусств. В доме его жены Аспазии, славившейся красотой и умом, собирались художники и поэты. Князь Урусов — очевидно, А. И. Урусов (1843—1900) — известный адвокат, незадолго до того выигравший шумный процесс по делу крестьянки Волоховой, впоследствии выступал на политических процессах, в том числе и «нечаевском», выступал также как рецензент и критик, близкий к либерально-демократическим кругам.

¹³ Известная книга одного из основоположников христианского социализма аббата Ламенне (1782—1854) была впервые опубликована в 1834 г., осуждена в папских энцикликах.

¹⁴ См. письмо 34.

36

24 сентября (6 октября) 1868

Сентября 24. Москва.

Мой милый Фет, я писала к вам месяц тому назад и уверена, что ваш ответ опять пропал. Я могу вам сказать наверное, что он пропал не у нас в доме. Наши люди очень исправны в этом отношении. Если была неисправность, то в ней виновата тульская почта, которая словно помешалась с тех пор, как открыли железную дорогу. Одна моя знакомая живет в Тульской губ. и получает иногда мои письма на 13-й день.

Прочли ли вы мою повесть в «Р(усском) В(естнике)»? Ее успехом я обязана собственно вам. Все читатели в восторге от вас и от вашего стихотворения². Скажите мне, пожалуйста, мнение Марьи Петровны о вашем портрете.

Катерина Сергеевна Бородина здесь; она больна и очень огорчена. Ее брат, тот, которому вырезали глаз, находится, по-видимому, в опасном состоянии. Весь его организм был потрясен варварским лечением, которое лишило его глаза, и нервное раздражение пало на мозг; боятся, чтоб он не сошел с ума. Бедный молодой

человек получал три тысячи сер(ебром) жалованья, женился по любви и в тот же год лишился навсегда возможности продолжать службу. Теперь он работает кое-как и перебивается со дня на день, получая 600 руб., но и этого скоро лишится. Жена его, говорят, ангел, а на Катерину Алексеевну жаль смотреть. Она проводит дни и ночи возле больного сына.

Скажите, где же явится ваша статья о романе Толстого³? Я писала к вам, что Катков, без сомнения, ничего об ней не знает, и, уверяю вас, что это так. Почему бы Толстой не сказал ему, что он желает, чтоб ваш разбор был напечатан в его журнале? Верите ли вы, мне нравственно тошно, когда я думаю о нашей журналистике? Во всей Европе нет ничего подобного. Везде умножаются журналы, у нас, наоборот, — убавляются ежегодно, и все становятся хуже и хуже.

Ради Бога, напишите мне, и если я опять не получу вашего письма, я озлоблюсь. Когда вы посылали в Орел ваши письма — я их получала аккуратно.

Есть ли надежда, что вы приедете в Москву хоть на несколько дней?

С. Э.

Письмо датируется по упоминанию повести С. Э. «Не одного поля ягоды», опубликованной в 1868 г.

¹ Повесть С. Э. «Не одного поля ягоды» была напечатана в августовском выпуске «Русского вестника».

² В 1-й главе повести Фет читал на вечере у А. П. Кедровой (в которой угадываются черты гр. Е. В. Салиас де Турнемир) стихотворение, «переведенное им накануне с французского из альбома одной из его приятельниц». Весьма вероятно, что французский оригинал стихотворения принадлежал самой С. Э., которая писала стихи по-французски. В этой публикации стихотворение «Толпа теснилася, рука твоя дрожала...» имеет подзаголовок: «После была».

³ См. письмо 33, примеч. 2. Статья Фета не была напечатана ни в одном журнале. «Русский вестник» не принял ее, вероятно, потому, что предпочел ей разбор П. К. Щербальским первых трех томов романа Толстого, опубликованный в январском выпуске за 1868 г.

37

24 октября (5 ноября) 1868

Москва, октября 24.

Мой милый Фет, нечего вам и говорить, как мне было жаль, что я вас не видала. Я всегда освежусь, обновлюсь, когда побеседую с вами. Вы мне пишете, что в ваши года не меняются, надо

смириться. Зачем же нам меняться? Изменение вас бы только испортило. Моя повесть взбесила петербургских представителей *новых идей* или принципов, как они выражаются. Они накинулись и на меня, и на вас. Один находит, что я вас описала в привлекательном виде, другой, наоборот, уверен, что я вас описала, не посоветовавшись с вами. «Я, — говорит, — сугубо ненавижу госпожу Ольгу Н. потому, что она не выводит на сцену нигилистов, ибо они похожи на мужиков»¹. Этот господин не ошибся. Когда мужики говорят неприлично на улице — городской их штрафует, а что с ними сделаешь в гостиной? И все это так грубо. Какая бездарность в этих крикунах!

Прочли ли вы в последнем № «Вестника» маленькую повесть «Проезжие»? Как это мило! Она написана под влиянием Толстого и Тургенева, но есть и самобытность; тут много жизни, свежести. Я обрадовалась, как кладу, этому рассказу и узнала, что автор молодой человек, купеческий сын². «Он пишет *стишки*, — сказали мне, — и его повести не приняли в больших редакциях, потому что в ней нет *содержания*». Большие редакции, это «От(ечественные) Записки» и «Всемирный труд»! До чего мы дожили, Господи! Я послала повесть Стасюлевичу, ред(актору) «Вестника Европы»; он ее принял и еще написал мне самое любезное письмо³. Его журнал единственный честный и серьезный петерб(ургский) журнал. Что вы не пошлете ему статьи? Теперь в «В(естнике) Европы» идет роман Ауэрбаха, переведенный на русский язык до напечатания в Германии⁴. Такое было условие редакции. Тургенев написал предисловие⁵. Признаюсь вам, я не способна оценить достоинства этого чисто немецкого произведения и думаю, что никому, кроме немцев, оно не может нравиться. Это не спокойствие зрелого пера, а ребяческий лепет, это не «Герман и Доротея»⁶. Я прочла только начало. Увидим, что будет дальше.

Мне очень хочется, чтоб вы видели комедию сестры «Демократический подвиг»⁷. Ее дают здесь с большим успехом. Однако у многих пена у рта. Прощайте. Крепко жму вам руку. Скажите Марье Петровне, что я очень рада, что ваш портрет ей понравился⁸.

С. Э.

Год написания письма определяется по содержанию.

¹ О каких отзывах на повесть С. Э. идет речь, неясно.

² В сентябрьской книжке «Русского вестника» за 1868 г. была опубликована повесть «Проезжие» за подписью Н. Боев. Это был псевдоним писателя, поэта, переводчика и журналиста Ф. Н. Берга (1839—1909).

³ Письмо Михаила Матвеевича Стасюлевича (1826—1911) к С. Э. находится в РГАЛИ.

⁴ Переведенный с немецкого роман Б. Ауэрбаха (1812—1882) начал печататься в «Вестнике Европы» в сентябре 1868 г. Это была действительно первая публикация романа во вновь созданном журнале.

⁵ На самом деле предисловие к роману «Дача на Рейне» было написано другом Тургенева Л. Пичем, Тургенев вольно перевел с немецкого, но держал это в тайне от Ауэрбаха и Стасюлевича. См. об этом эпизоде: *Левин Ю. Д.* О предисловии к русскому изданию романа Б. Ауэрбаха «Дача на Рейне» // Тургеневский сборник. Вып. 4, Л., 1968. С. 167—177.

⁶ «Герман и Доротея» (1797) — поэма И.-В. Гете, была переведена Фетом (Современник, 1856. № 7).

⁷ Названная комедия была написана, очевидно, сестрой С. Э. Е. В. Новосильцевой (псевд. Т. Толычева).

⁸ Имеется в виду изображение Фета, данное С. Э. в повести «Не одного поля ягоды» (1868).

38

6 (18) ноября 1868

Москва, ноября 6.

Мне очень понравилось ваше растрепанное письмо, мой милый Фет. Я прочла его и перечла и вспомнила стихи Тютчева:

Понятно мне твоё волненье,
Твои тревожные мечты,
Твое упрямое служенье
Пред идеалом красоты¹.

Но надо сказать, что некоторые вещи вас волнуют потому, что вы на них смотрите не с настоящей точки зрения. Буслаев², пишете вы, например, человек умный и ученый? Такое мнение вам, разумеется, дает право требовать от него дельной статьи. Я знаю Буслаева, он человек честный и добрый и, пожалуй, дилетант, но вся природа его ограничена, и когда он заговорит об искусстве, у него выходят общие места или просто ничто не выходит. Его статью можно пробежать и положить в сторону — вот она вас и не встревожит.

Далее вы говорите, что моя повесть не спасет никакой девушки от неудачного выбора³? Кто же в этом сомневается? Разве я написала эту повесть с поучительной целью? Поучение действует на коротеньких людей, на скупые природы, в которых развит поучительный элемент, и они готовы его принимать и извнсе. Природу иначе созданную не переспоришь, не закупишь поучением. Не толь-

ко поучение, но собственная опытность ее не предостережет от новой ошибки. В конце повести я и говорю, что моя героиня ошибется непременно еще раз⁴. Идеалисты в этом отношении отчаянные люди; *им в жизни нет уроков*. То, что вы приводите в пример, к ним не приложимо. Страсть, которая идет на побои, похожа действительно на страсть к пьянству, от которой мучительные последствия не спасают человека. Это страсть чисто материальная, грубая, но все-таки сильная. Ее могут испытывать самые отвратительные личности, личности, предпочитающие *соленый огурец* Дрезденской мадонне⁵. — Вы говорите, что такие люди правы по-своему? Но все-таки они не достойны названия человека и они одни имеют право сказать: а там мучительная старость, а там мучительный конец и точка...

Нет! Время скептицизма прошло, стало быть, вера не пустое слово. Посмотрите на потребность века: все опять жаждут веры. Вы ошибаетесь, думая, что вы не верите; вы верите бессознательно. Вы суеверны? Ведь и это своего рода вера.

Но об этом мы поговорим при свидании, а теперь от возвышенных вопросов о человеческих страстях и о бессмертии, — перейдемте к земным и даже хозяйственным интересам. Продана ли ваша мельница и довольны ли вы продажей⁶? Желаю от души, чтоб ваши дела устроились наконец и чтоб в этом отношении вы были покойны.

Я слышала от к(нязя) Урусова⁷, что Тургенева ждут в Москву⁸. Урусов знает вас: вы с ним встретились у Толстого в прошлом году. — Катерина Серг(еевна) Бородина уехала на днях в Питер. Ее мучит положение брата⁹. Он, бедный, очень плох, да и Катерина С(ергеевна) очень слаба. У ней страшные нервные припадки.

Напишите мне, пожалуйста, хоть еще одно растрепанное письмо до вашего приезда в Москву.

С. Э.

Год написания письма определяется по содержанию.

¹ С. Э. приводит по памяти стихотворение Ф. И. Тютчева «Н. Ф. Щербине» («Вполне понятно мне значенье...», 1857).

² В «Русском вестнике» (№ 9, т. 77, 1868) была напечатана статья Ф. И. Буслаева «Задачи современной эстетической критики» (С. 273—376). Посвященная истории западно-европейской и русской живописи, статья содержала ряд положений, неприемлемых для Фета. Так, Буслаев писал: «Художник (...) должен не забавляться красивыми формами, но поучать и руководить. Он должен не слепо идти по тому или иному направлению, но сознательно становиться во главе его» (с. 328).

³ Фет обсуждал в не дошедшем до нас письме повесть С. Э. «Не одного поля ягоды».

⁴ В финале повести «Не одного поля ягоды» о ее героине говорится: «Женя принадлежит к числу страстных и увлекающихся натур, осужденных на бесконечные ошибки. Стоит только вспыхнуть ее воображению, и она отдается чувству всей душой». В своем письме Фет, очевидно, снова возвращался к теме страстей, которая была поднята им в письмах к Э. по поводу романа Тургенева «Дым». 15 (27) июня 1867 г. он писал С. Э.: «Пройдя сам по лестнице страстей, я не кидаю камнем ни в какую, но не могу принять культа страстей. Это похоже на теперешний суд — с неумолимостью проступка по случаю пьянства. По-моему: сжег — виноват, а сжег пьяный — вдвое виноват, и за поджог и за пьянство» (см.: Фет. СПП. С. 381).

⁵ Речь идет о знаменитой Сикстинской мадонне Рафаэля, находящейся в Дрезденской галерее.

⁶ Окончательная продажа Тимской мельницы состоялась лишь в январе 1869 г. (см.: письмо 22, примеч. 1).

⁷ Речь идет о тульском вице-губернаторе кн. Л. Д. Урусове (ум. в 1885) или о кн. С. С. Урусове (1827—1897).

⁸ В конце 1868 г. И. С. Тургенев Москву не приезжал.

⁹ См. письмо 36.

39

22 ноября (4 декабря) 1868

Ноября 22.

Выпала, наконец, на мою долю свободная минута, мой милый Фет, и я ей воспользовалась, чтоб побеседовать с вами. Все это время я навещала больных и одного из них вчера проводила на кладбище. Добрый, честный, кроткий был человек, жил с женой душа в душу, любил детей и умер горловой чахоткой в 40 лет¹. Его смерть мне напомнила вопросы, которых мы с вами недавно коснулись. Почему умер он — а не негодай, мешающий жить другим? И я сказала, как вы: Не знаю. — Я убеждена, что мыслящий человек всегда дойдет до этого заключения: я ничего не знаю. Мне кажется, что одинаково бессмысленно всему верить — и не верить ничему. Никакие мудрецы, никакие философы не разгадали ни тайны рождения, ни тайны смерти, и все они кончат тем же: Не знаю.

Вы меня просите не называть серьезные вопросы *растрепанными*. Я так назвала не вопросы, а ваше письмо. Вы говорите, например, «Главное, в жизни любить» — видите, как это начало хорошо, — но помните ли вы конец? «Ну, хоть яичницу или сапоги». И как это, Бог с вами, вмешались в эту мысль сапоги и яичница? Последнее письмо зато не растрепано; или, лучше сказать, оно искреннее. Яичница и сапоги заменены стихом Пушкина:

И сердце любит оттого...²

В том-то и беда, что с ним не сладишь. Ему велено думать о яичнице и о сапогах, — и вдруг, — и так неожиданно, — звук, какой-нибудь запах, одно слово пробудят в нем червяка, которого не заморили ни года, ни серенькое житье. Я угадала, что за яичницей скрывалось что-нибудь вроде стиха Пушкина, как за безобразной маской скрывается милое лицо. До свиданья, мой милый Фет. Пишите ко мне, пожалуйста.

С. Э.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету.

Через Орел, на станцию Алисово.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 23 ноября 1868,

2) Орел, 24 ноября 1868.

¹ О ком идет речь, установить не удалось.

² Усеченная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» (1829).

40

5 (17) февраля 1869

Москва, февраля 5.

Мой милый Фет, что это вы не пишете? И в Москву не приехали. Марья Петровна должно быть с вами теперь, скажите ей, что я не попала к ней, несмотря на мое желание повидаться с ней еще раз. Дело в том, что я простудилась, разнемоглась и кашляю до сих пор. К нам переселился петербургский климат, и куда ни посмотришь — все больны.

Вы уже получили и прочли «Несчастную»¹. Нравится ли она вам? Я вам скажу по секрету, что она мне вовсе не нравится. Я читала всю ночь, надеясь добраться до страницы, достойной Тургенева, и закрыла книжку с горем, не добившись того душевного наслаждения, с которым нас ознакомил автор. Мне кажется, что героиня неестественна. Она принимает с отвращением деньги своего отца; — понятно; но непонятно то, что она ими не воспользовалась, чтоб бежать от немца. Пенсия, назначенная ей, достается немцу, — а Сусанна молчит и живет у него. Она так глупа и недогодлива, что ее даже не жаль. Я бы на ее месте пошла бы в портнихи скорей, чем остаться в чужой и ненавистой семье. Родись она в

другой сфере и при других условиях, — тогда дело другое, мы бы ее поняли.

А «Обрыв» Гончарова² читали? И «Обрыв» мне не нравится, Фет. Каковы разговоры героя с Софьей? Я не понимаю, как она не велела его выгнать из дому. Ведь он играет с ней роль квартального надзирателя — а не Пигмалиона. Мне понравился ее маленький рассказ о своем детстве. Это верно и естественно. Девочки тоже и бабушка хороши; увидим, что будет дальше.

Скоро ли выйдет пятая часть «Войны и мира»³? Ее ждут не дождутся. А вы, Фет, пишете ли что-нибудь? Кто вас занимает, кроме службы и хозяйства?

Что вам грустно иль смешно,
Иль совершенно все равно?

Нет! До равнодушия не доживешь, к несчастью, не доживешь. Прощайте, жду весточки от вас.

С. Э.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету.

На Московско-Курско-железную дорогу; на станцию Змеевку.

Почтовый штампель: Москва, 6 февраля 1869.

¹ Повесть И. С. Тургенева «Несчастливая» появилась в январском выпуске «Русского вестника» за 1869 г.

² Роман И. А. Гончарова «Обрыв» начал публиковаться с первого номера «Вестника Европы» за 1869 г. 3 (15) марта 1869 г. С. Э. писала Фету: «Я все надеялась на вторую часть, она еще более натянута и мертва, нежели первая, если, впрочем, это возможно. Автор не создал действующих лиц; а черты их характеров набирал, как камешки для мозаики, — они и вышли каменные. Как вам нравится *наивная* Марфинька? Об ней, более нежели о других, хлопотал Гончаров, и от нее не дождешься живого слова» (см.: А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 208).

³ 5-й том печатавшегося в Москве отдельного издания романа «Война и мир» поступил в продажу в конце февраля 1869 г.

41 февраль 1869 (?)

Не судьба мне быть у вас; погода скверная, а я еще так кашляю, что боюсь выехать в такую погоду, доктор не пускает. Но первый мой выезд будет к вам. Несносно быть больной, но какова и зима?

Во всяком случае, до свиданья, благодарю вас за известие об Островском¹.

С. Э.

Эта небольшая записка сохранилась без даты на измятом клочке бумаги. Датируется по сопоставлению с предыдущим письмом.

¹ Возможно, Фет сообщал С. Э. о женитьбе А. Н. Островского, с которым она была знакома и состояла в переписке, на М. В. Васильевой (Бахметьевой).

42

4 (16) октября 1869

Москва, октября 4.

Мой милый Фет, вот и сентябрь прошел, а вас нет как нет! Почему же вы не приехали¹? Я боюсь, не задержала ли вас в деревне какая-нибудь новая неприятность? Здоровы ли вы, здорова ли Марья Петровна? — А у нас все идет по-прежнему — неприятного много — приятного мало. Должно быть, и у вас то же.

Слышали вы, что дочь Урусова умерла²? Я получила от него несколько строк и думаю, что он с ума сойдет, если проведет зиму в деревне с глазу на глаз с женой. Они созданы друг для друга, как огонь для воды, и их съединяло одно чувство, страстная привязанность к дочери. Почему их соединила судьба и чем они оба кончат? Бог знает. Хоть бы Толстой его вызвал к себе на несколько дней³.

Я не могу не сообщить вам очень оригинальной вещи. Дача, которую мы нанимали прошедшим летом, называется Федькино. Хозяин велел нам сказать, что надо писать *Феткино*, потому что дачу так называли в честь вам. Хоть бы он ее назвал как-нибудь иначе, а то никак не угадаешь, что ваше имя играет какую-нибудь роль в этом названии.

Напишите словечко о себе. Что поделявают ваши соседи? У гжи Афросимовой не отнялся ли язык? Если нет, любопытно было бы счесть, сколько печатных листов она наговорила с тех пор, как мы виделись.

Поцелуйте за меня Марью Петровну.

С. Э.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету.

На Московско-курско-железной дороге, станция Змеевка.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 5 октября 1869,

2) Московское центральное отделение, 5 октября 1869.

¹ 1869 год был тяжелым в жизни Фета. «А у вас в семействе смерть за смертью», — писал ему Толстой 21 октября ст. ст. 1869 (см.: Фет. МВ, т. 2, с. 203). В начале года умерла в больнице «Всех скорбящих» в Петербурге сестра Фета Н. А. Борисова, вскоре, в результате несчастного случая, умер в Пеште брат

Марии Петровны Николай Петрович Боткин, в июле умер от тифа Владимир Петрович, а 4 октября ст. ст. в Петербурге скончался после тяжелой болезни Василий Петрович Боткин.

² Имеется в виду Лидия Сергеевна Урусова, дочь близкого друга Л. Н. Толстого С. С. Урусова (1827—1897).

³ 21 октября 1869 г. Толстой писал: «Я ездил к моему бедному другу Урусову. Вы знаете — он потерял единственную дочь» (Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями: В 2-х т. Т. 1. С. 392).

43

1 (13) ноября 1869

Москва, ноября 1.

Мой милый Фет, я прочла только вчера статью Стороженко о Шекспире в октябрьской книжке «Вестника» Европы¹, и советую вам ее прочесть. Мне понравилось в особенности мнение Гете о немецких комментаторах Шекспира. Один разбирал его с философической точки зрения, другой с католической и т. д. По этому поводу Гете сказал Рётшеру², который, впрочем, искал тоже в произведениях Шекспира мочальный хвост³: «в серебряные вазы своих произведений Шекспир вложил золотые яблоки своих идей; мы завладели вазами, а яблоки заменили своим немецким картофелем».

Но вот я остановилась на вопросе, который прошу вас разрешить. Автор статьи говорит между прочим: органическая форма неотделима от предмета, прирождена ему, и потому неразумно требовать, чтоб драма нового времени укладывалась в античную форму⁴.

Кажется, совершенно верно, и я у вас спрашиваю: не сделал ли Гете ошибку против органической формы в «Германе и Доротее»? Ваш превосходный перевод дает нам возможность оценить вполне подлинник, и чем более он пропитан духом Гомера, тем резче античная форма отделяется от современности. Признаюсь вам, что меня всегда поражала эта аномалия между формой и сюжетом, и вместе с тем форма так хороша, что читаешь с наслаждением поэму Гете⁵.

Мне бы хотелось знать, что вы об этом скажете.

Скажите мне тоже: существуют ли у нас переводы с греческих трагиков⁶? Я не решаюсь прочесть французских переводов, должно быть, ужасно, если судить об них по «Илиаде», например⁷. Накануне моего отъезда из Степановки вы мне обещали прочесть сцену из

античного мира. Она происходит в храме; там Елена и старик Пелей и дочь его⁸. Я надеюсь, что зимой вы приедете в Москву и сдержите слово — прочтете эту сцену, мой милый Фет; побалуйте меня, пожалуйста.

Я очень рада, что повидалась с Марьей Петровной. Вероятно, она теперь с вами. Успокоилась ли она? Поздоровела ли немножко? Я ее целую, а вам жму руку от всей души.

С. Энгельгардт.

Год написания письма определяется по содержанию.

¹ Статья Н. Стороженко «Шекспировская критика в Германии» (Вестник Европы. 1869. Кн. 10. С. 823—869). Здесь автор приводит слова Гете, сказанные Эккерману, которые С. Э. относит к Рётшеру.

² Ретшер Г.-Т. (1803—1871) — немецкий теоретик искусства.

³ Так называл Фет тенденциозность художественного произведения.

⁴ Поэма Гете «Герман и Доротея» (1797) была написана античным размером гекзаметром. Фет перевел эту поэму в 1857 г.

⁵ Письмо Фета с ответом на этот вопрос С. Э. не известно.

⁶ В России греческие трагики Эсхил, Софокл, Еврипид неоднократно переводились, причем нередко с европейских языков — французского, немецкого С. Аксаковым, И. И. Мартыновым, А. Ф. Мерзляковым, С. Шестаковым и др.

⁷ Очевидно, С. Э. имеет в виду переводы на французский язык «Илиады» Гомера, выполненные известным переводчиком П. -Ж. Битобе (1732—1808).

⁸ Возможно, речь идет о переводе Фетом отрывков из II-й части «Фауста» Гете, связанных с античными эпизодами трагедии. Позднее Фет сделает полный перевод обеих частей «Фауста».

44

5 (17) декабря 1870

Москва, декабря 5.

Я узнала совершенно случайно, что Марья Петровна была очень больна, мой милый Фет, и прошу вас сказать мне, как она себя чувствует теперь. Доктор, который был у вас, говорит, что он ее оставил вне опасности, однако, мне бы хотелось убедиться, что она совершенно здорова.

Я уже давно отвечала на ваше милое и утешительное письмо, но вы получили, вероятно, мой ответ в то время, когда вам было не до меня. Ужасы войны продолжают, но кажется французам повезло¹. Молодцы они, право! Победить без армии миллион пруссаков — это будет такой подвиг, который их восстановит в глазах целого мира. Мне кажется, что эта ужасная война принесет большую

пользу Франции, переродит ее, что их настоящее положение послужит примером и нам. Дай Бог! Героиню французских романов — лоретку — заменит, вероятно, другой тип, так называемые *crevés* (*dandys*) помяли свои белые галстуки, замарали палевые перчатки и не многие переживут страшному разгрому. Мне говорили, что М-ме Виардо разорена. Ее капиталы были помещены во Франции, и вряд ли она их соберет. Тургенев, говорят, в отчаянии².

Жду известия от вас. Марью Петровну целую от всей души.

С. Энгельгардт.

Год написания письма определяется по содержанию — упоминанию о франко-прусской войне.

¹ Речь идет о событиях франко-прусской войны (июль 1870 — май 1871). Переправившись в августе через Рейн, прусская армия нанесла ряд значительных поражений французам. Окружение армии маршала Базена под Мецем и разгром армии Мак-Магона под Седаном решили исход франко-прусской войны и предопределили падение империи Наполеона III. В период написания письма была надежда, что Париж не будет сдан немцам, однако это произошло 28 января 1871 г.

² Семья Виардо разорилась в связи с событиями франко-прусской войны, поскольку оказалась в Германии с 1863 г. Тургенев последовал за ними. В Баден-Бадене им была выстроена вилла вблизи вилы Виардо, но в ноябре 1870 г. все были вынуждены бежать в Лондон, откуда впоследствии переехали в Париж.

45

24 декабря 1870 (5 января) 1871

Москва, декабря 24.

Благодарю вас за вашу прозу и за стихи, мой милый Фет. Проза так же хороша, как стихи¹. Она навела меня на грустные мысли; долго мерещилась мне *дверь с таинственной занавеской*².

Ваше письмо, напечатанное в «М(осковских) в(еedomостях)», произвело большой эффект³. Оно так горячо написано, и обстоятельство, которое его внушило, так ужасно, что все его прочли и все о нем говорили. Дай Бог, чтоб и общество, и правительство обратили внимание на несчастных жертв этой заразы.

На днях я прочла стихотворения Виневитинова⁴. Как много он обещал! Некоторые стихи так хороши, что от них не оказался бы Пушкин. Он любил страстно искусство. Последнее стихотворение он написал умирающей рукой; один из его друзей (от которого я

слышала эту подробность) держал аспидную доску, и Виневитинов с большими усилиями написал:

Люби питомца вдохновенья
И гордый ум пред ним склоняй;
Но в чистой жажде наслажденья
Не каждой арфе слух веряй.
Не много истинных пророков
С печатью тайны на челе,
С дарами выпренных уроков,
С глаголом неба на земле⁵.

И он умер на 22 году! Теперь никто и не заглянет в его стихи. Читали ли вы несколько страниц Страхова о Некрасове в «Заре»? Кажется, в сентябрьской книжке⁶. В печати никто еще вернее не определил его направления и мнимого дарования; не только отвратительный Петербург читает с восторгом Некрасова, но и в Москве у него много читателей. Его творения вышли недавно 5-м изданием⁷. Как это утешительно!

Кажется, пруссакам приходится очень плохо во Франции. Я не знаю, что с ней будет, и никто этого не знает. За этот народ никто не поручится. Дай Бог, чтоб не повесили тех людей, которые их спасают теперь⁸.

Все наши вам кланяются. Целую Марью Петровну и от души поздравляю ее с выздоровлением. Неужели она до сих пор так слаба?

С. Энгельгардт.

Год написания письма определяется по содержанию.

¹ О каких произведениях Фета идет речь, неизвестно.

² Откуда взята приводимая С. Э. цитата, установить не удалось.

³ В газете «Московские ведомости» была опубликована статья Фета, посвященная распространению в Мценском уезде сифилиса. Позднее он способствовал постройке больницы для борьбы с этой болезнью.

⁴ Первое собрание стихотворений Дмитрия Владимировича Виневитинова (1805—1827) было опубликовано посмертно, в 1829 г. С. Э. читала, очевидно собрание стихотворений, вышедшее в 1862 г. под редакцией А. П. Пятковского.

⁵ Цитата из «Последних стихов» Виневитинова. Бесцензурный вариант 6-й строки: «С печатью власти на челе».

⁶ В журнале «Заря» (1870, кн. 9) была опубликована развернутая рецензия Н. Н. Страхова на вышедшие в 1869 г. 3 тома сочинений Я. Полонского и пятое издание «Стихотворений Н. Некрасова» в 4-х частях (с. 127—164). Противопоставив творчество обонх поэтов, из которых он отдал предпочтение По-

лонскому, Страхов полемизировал с негативным отзывом о Полонском Щедрина (Отечественные записки 1869, № 9). В поэзии Некрасова критик услышал «фальшивые ноты», увидел «презрительный взгляд на народ», «резкое и узкое направление».

⁷ Пятое издание стихотворений Некрасова вышло в Петербурге в 1868—1869 гг. в издательстве С. В. Звонарева.

⁸ Франко-прусская война закончилась полным поражением Франции. Оценивая события Парижской коммуны, С. Э. писала Фету 14 (26) марта 1871 г.: «Что касается до французов, я потеряла в них веру после последних ужасов красной республики. Вы были правы, говоря, что они не изменятся» (В кн.: А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 209).

46 сентябрь 1871

Москва, сентябрь.

Мой милый Фет, с чего же вы взяли, что я с вами считаюсь письмами? Я *требую* ответа потому только, что желаю знать, живы ли вы, здоровы ли; теперь я убедилась, что вы нездоровы, стало быть, живы, и это хорошо. Если вы провели зиму в Москве, я бы уговорила вас полечиться гомеопатией. Знаете что? Я в нее *не* верю, однако, она совершает чудеса в моих глазах. Представьте себе, например, два случая; у одного больного рак в желудке; он уже умирает голодной смертью и в продолжении 5 минут глотает ложку бульона; доктора приказали умереть много-много через месяц. Он решается лечиться гомеопатией и через месяц приезжает ко мне веселый, ест и пьет. Он лечился во всех столицах Европы. Другой случай: у больной высохли руки и в коленке срослись сочленения; она не владеет ни руками, ни ногами. *При мне* ее умывали, причесывали, потому что она не могла шевелить руками. Вот три месяца, как она лечится, ходит, вяжет и сама умывается. Если б кто-нибудь это мне рассказал, я бы не поверила; лучше того — вижу этих больных и думаю: верить ли? Однако я сама решилась посоветоваться с гомеопатом, принимаю лекарства; не знаю, что будет!

Жить вам без дела *невозможно*; но вы себя обременили делами, душите себя занятиями; зачем же это?.. Ничье здоровье не устоит против этого наплыва занятий. Отдохните, ради Бога! Я надеюсь, что вы проведете несколько дней в Москве, и я буду очень рада, если вы мне привезете вашу племянницу¹. У нас она не полюбит нигилистов. Одно беда, что детей-то у меня нет, и бедной девочке будет скучно с нами.

Два дня тому назад у меня был Юрьев², просил повесть и дает хорошую цену — сто руб. с листа! Не знаю, понравится ли ему повесть, которую я ему дала³. Он очень симпатичный господин, — и мысль, что я разделаюсь с управляющим Каткова⁴ меня душевно радует. Напишу вам, что он мне скажет.

Я совершила преступление, перевела «Египетские ночи» на французский язык⁵. Если вы найдете, что перевод недурен, я им займусь и переправлю его, а если нет — сожгу. Французские стихи невозможны для переводов. Какая бедность языка! Невозможно было сказать *choeurs*, хоры, *soeurs*, сердца. Столкновение было неминуемо.

Сердца неслись к ее престолу⁶.

Прочтите сперва перевод, потом проверьте с подлинником. Если вы сличите сначала — вы плюнете на перевод. Сестра моя⁷ перевела два портрета Флавия и Критона⁸, остальное предоставила мне⁹.

Год написания письма определяется по сопоставлению с письмами 47 и 48.

¹ Племянница Фета — Шеншина (в зам. Галахова) Ольга Васильевна (1858—1942), после смерти в 1858 г. брата Фета Василия и его жены Екатерины Дмитриевны (рожд. Мансуровой), была помещена в пансион. В июне 1871 г. Фет был назначен опекуном Оли Шеншиной и оставшегося тоже круглым сиротой Пети Борисова, сына Надежды Афанасьевны и Ивана Петровича Борисовых. Впоследствии О. В. Галахова стала наследницей Фета, а также тургеневского Спасского. Обстоятельства помещения Оли в Степановке Фет описывал в своих мемуарах (Фет. МВ, Т. 2, С. 258—266).

² В 1871—1872 годах С. А. Юрьев (1821—1888) издавал на деньги А. И. Кочелева журнал «Беседа», сотрудничать в котором он и пригласил С. Э.

³ Возможно, С. Э. передала Юрьеву повесть «Так Бог велел», которая была опубликована в августовском номере «Русского вестника» за 1872 г.

⁴ Управляющий Каткова — Н. А. Любимов (См. письмо 25, примеч. 4).

⁵ Перевод «Египетских ночей» был опубликован в 1875 г. в Париже в томе избранных сочинений А. С. Пушкина, куда вошли также «Борис Годунов», «Моцарт и Сальери», «Скупой рыцарь».

⁶ Цитата из повести А. С. Пушкина «Египетские ночи».

⁷ Е. В. Новосильцева (См. письмо 1, примеч. 7).

⁸ Портреты Флавия и Критона содержатся в последнем стихотворном отрывке из «Египетских ночей» А. С. Пушкина.

⁹ К письму были, очевидно, приложены тексты переводов на французский язык отрывков из «Египетских ночей». Скорее всего они были отосланы Фетом корреспондентке с пометами.

Октябрь 17.

Мой милый Фет, вы свято правы во всем, что говорите о моем переводе¹ и о французах вообще. Я прочла одному знакомому мне французу² перевод в стихах и перевела для него прозой несколько прелестных стихотворений Пушкина. Его мнение такое: «Il n'a pas d'horizon; on n'y voit pas assez l'homme; il est au-dessous de sa réputation. Il est *creux*!!!» Иными словами: он слишком прост и не говорит о себе. — Они не поймут Пушкина, в этом нет сомнения. С тех пор, как Франция существует, в ней родился один человек с поэтическим чувством: Mérimée³. Все остальные, не исключая лучших (1 нрзб.), с наростом в той мозговой клеточке, в которой вкладывается поэзия.

Вы спрашиваете: для кого мой перевод? — Я переводила без цели, потому только, что этот труд мне был приятен, занимал меня. Чтоб передать некоторые стихи как можно ближе к подлиннику, я не спала по ночам, не жалею своего сна и теперь, когда убедилась, что перевод не может понравиться ни русским ни французам. Я, по крайней мере, не жила одной прозой, когда им занималась⁴.

У меня большой спор с сестрой⁵; прошу вас его решить. Она уверяет, что вам с начала до конца не понравился «Поликушка» Толстого, а я говорю, что вы в нем нашли один недостаток, а в прочем похвалили то, что прекрасно. Кто же из нас прав⁶?

Спросите у Марьи Петровны, как она чистит кружево. Вы мне говорили, что у ней какие-то особенные для этого приемы.

А до вас у меня просьба. Сделайте мне *один* только подсвечник. На ночь я всегда надеваю восковую свечку на фарфоровую, которую ставлю в подсвечник, и она горит несколько часов, пока потухнет сама собой. Размер свечи обыкновенный, а может быть чуть-чуть шире. Если вы *вмените себе в обязанность* сделать подсвечник, я вас никогда ни о чем не попрошу. Сделайте, *если* умеете приняться за работу.

Меня не удивит никакой парадокс Тургенева. Он потерял из виду Россию и судит об ней с точки зрения англичанина, француза, немца, но никак не русского. — Он не знает, что если б у наше-

* У него нет горизонта; здесь не видно человека; он ниже своей репутации. Он *не глубок*!!! (франц.).

го дворника был сын, он попал бы непременно в университет, только не для того, чтоб учиться, а для того, чтоб стать барином, не носить зипуна, — а потом, сняв зипун, умирать с голоду и кончить воровством. Школы открыты теперь для всех, и тот ребенок, который пристрастится к занятиям, попросится из школы в гимназию. Врожденной способности ничем не убьешь.

С. Энгельгардт.

Я перевела одну вашу пьеску, из моих любимых: «Неясные звуки», но не довольна переводом⁷. Прочту при свидании. — Француз не остановился бы перевести эту:

Зеркало в зеркало с трепетом нежным...⁸

Это маленький шедевр и не переводится ни на каком языке.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету.

На Московско-Курской железной дороге. Полустанция Еропкино.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 20 ноября 1871.

2) Моск. центр. отд. отделение, 1871, 20 ноября.

¹ Речь идет о переводе «Египетских ночей» А. С. Пушкина на французский язык. См. предыдущее письмо.

² Возможно, речь идет о П. Пелан д'Анжере, жившем в Москве и занимавшемся переводами русских поэтов на французский язык. В 1867 г. С. Э. рекомендовала И. С. Тургеневу его переводы для распространения за границей, на что писатель отвечал ей: «Я уже слышал прежде о переводах г-на Rélan — и с великой радостью готов содействовать распространению их за границей» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Письма. Т. 7. М., 1990. С. 161; а также с. 366).

³ Упоминание о Мериме связано с тем, что он был фактически единственным французским писателем, изучавшим русский язык и понимавшим значение русской литературы. Мериме переводил с русского под наблюдением русских друзей. В частности, он перевел несколько произведений Пушкина, Тургенева, писал статьи о русской литературе.

⁴ В 1875 г. переводы С. Э. на французский язык нескольких произведений Пушкина вышли в Париже. Позже она продолжала заниматься переводами с русского языка, в частности, она посылала Фету свой перевод «Дон Жуана» Пушкина, как она называла пьесу «Каменный гость». 14 (26) августа 1862 г. С. Э. делилась с Фетом своими впечатлениями от перевода на французский язык «Бориса Годунова», выполненного в 1862 г. И. С. Тургеневым и Луи Виардо: «Перевод (между нами) плох, из рук вон плох. Говорят, Тургенев отлично знает французский язык, но в этом переводе он доказал, что говорить и писать — большая разница. Поэзия совершенно пропала (перевод был выполнен прозой — *Н. Г.*), остался один голый текст. Одна только сцена удалась, можно даже сказать, что она мастерски переведена, сцена на границе». (В кн.: А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 190). «Борис Годунов» был также переведен Софьей Энгельгардт.

⁵ Имеется в виду, скорее всего, Е. В. Новосильцева (см. письмо 1, примеч. 7).

⁶ Письмо Фета к С. Э. с ответом на этот вопрос до нас не дошло, однако мнение о «Поликушке» Л. Н. Толстого сохранилось в письме Фета к самому автору рассказа от 11 (23) апреля 1863 г. Сравнивая «Поликушку» с «Казаками», Фет писал: «„Казаки“ — Аполлон Бельведерский (...) Все человечно, понятно, ясно, ярко — сильно. В „Поликушке“ все рыхло, гнило, бледно, больно (...) Я даже не против сюжета. А против отсутствия *идеальной чистоты*. Венера, возбуждающая похоть, — плоха. Она должна только петь красоту в мраморе. Самая вонь должна в создании благоухать, перешедши durch den Labyrinth der Brust (через лабиринт груди, — *нем.*) художника. А от „Поликушки“ несет запахом этой исковерканной среды. Это какие-то вчерашние зады» (Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями: В 2-х т. Т. 1. С. 362—363).

⁷ Переводы стихотворений Фета на французский язык в письмах С. Э. отсутствуют. Какое стихотворение С. Э. называет «Неясные звуки», определенно сказать нельзя. Возможно, это «Нет, не жди ты песни страстной...» (1858) или «Какие-то носятся звуки...» (1853).

⁸ С. Э. цитирует по памяти стихотворение Фета «Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом...» (1842) из цикла «Гадания».

48

5 (17) апреля 1872

Москва, апреля 5.

Мой милый Фет, много различных чувств пробудило во мне ваше стихотворение¹. Между прочим я спрашивала у себя: Кто оценит его? Кто откликнется на журавлиный крик? Кто забудется у этого растворенного ставня и проживет несколько минут страшной и сладкой болью давно заглохших и неожиданно пробужденных чувств? У кого вырвутся невыразимо грустные слезы при чтении этих стихов? — У нескольких людей, доживающих свой век среди потомков орангутангов — и только! Я недавно встретила одного из них. Зашла речь о «Довольно» Тургенева². — *Старый хрыч*, — говорит, — *завирается*. — Я не могу вам сказать, с какой ненавистью я посмотрела на это 26-летнее животное. Хозяйка дома у него спросила: «вы были влюблены?» — «Нет, — говорит, — я этим не занимаюсь». Так ему и висеть на дереве с орехом в лапе. В развратной Франции, в Германии, в Англии уважают литературные славы, — а у нас только принято на них плевать. Юрий³ бесится, когда мы об этом говорим, и уверяет, что в университете немного таких уродов. Полно, так ли? Они проявляются во всех журналах, во всех обществах, в науке, везде. Бездарность так и положила на них свое клеймо. Эту бездарность чувствуешь в воздухе и задыхаешься от

нее. Я становлюсь рядом с вами перед образом и благодарю Создателя за то, что у меня нет детей.

Надеюсь, что вы получили наконец мой перевод⁴? Я его послала вслед за письмом. Почта наша восхитительна! В монологе барона одно место переведено *нечестно*. Я с ним следила только на днях, а именно:

...Je puis ô jour heureux! ajouter un peu d'or
Très peu, sans doute; mais lentement on rassemble
Ses trésors. Certain Roi fit entasser un jour
De la terre en lieu plat... (Je l'ai lu ce me semble)
Et superbe en ce lieu s'élève une montagne⁵.

Я еще сделала несколько переправок, — но эта главная.

Благодарю вас за ваше стихотворение. Вы давно ничего не написали, что бы мне так дошло до сердца.

Поцелуйте за меня Марию Петровну.

(С. Э.)

Год написания письма определяется по сопоставлению с письмом от 19 ноября ст. ст. 1871. г., где С. Э. писала, что посылает перевод монолога из «Скупого рыцаря» Пушкина.

¹ Речь идет о стихотворении, известном в нескольких редакциях. Последняя: «Всю ночь гремел овраг соседний...». В письме к С. Э. Фет послал, очевидно, первую редакцию, где содержатся приводимые строки:

Меня ж от ставни отверженной
Крик журавлей не отпускал...

Первая строка этой редакции: «С зари гремел овраг соседний...»

² С. Э., очевидно, знала о том, что рассказ «Довольно» (1864) понравился Фету. Сама она в 1867 г. перевела «Довольно» на французский язык и выслала Тургеневу (см. письмо 34, примеч. 6 и 7).

³ Новосильцев Юрий Александрович, племянник С. Э., сын ее брата А. В. Новосильцева.

⁴ Перевод монолога Скупого рыцаря на французский язык был послан Фету вслед за письмом от 19 ноября (1 декабря) 1871 г. (см. в кн.: А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 210—211). Этот перевод сохранился.

⁵ С. Э. выделяет строки, измененные по сравнению с посланным ранее вариантом монолога (сцена II), со слов: «Счастливы день! могу сегодня я...» до слов: «И гордый холм возвысился...». Может быть, эти изменения были внесены под влиянием критики Фета. Ср. в письме к Фету от 19 ноября (1 декабря) 1871 г.: «Монолог из „Скупого рыцаря“ я перевела и посылаю вам, не изменив стиха, о котором мы спорили, потому что получила ваше письмо только вчера; да и правду вам сказать, я не совсем вникла в мысль Пушкина. Кажется, что перевод получше первого, а впрочем не знаю, может быть и скверен» (В кн.: А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 211).

29 ноября (11 декабря) 1872

Москва, ноября 29.

Мой милый Фет, по моей просьбе писали к одной швейцарке, которая охотно соглашается приехать в Россию и жить в деревне за 1000 руб.¹ Она может давать уроки французского, немецкого и английского языка, но за музыку не берется, разве только за начало. Ее чрезвычайно хвалят. Теперь она в Париже, при месте, которым не довольна. Пишет, что люди богатые, чванные и глупые, и что можно у них задохнуться. Напишите, что ей отвечать, и обстоятельно напишите.

В ту самую минуту, как я принялась за перо, брату привезли эстампы из Дрездена. Он задрожал от радости, выслал нас всех из своей комнаты, чтоб погрузиться в блаженство, и ликует наедине с Рембрандтом. Ни года, ни болезнь, ни тяжкие испытания не убили в нем этой страсти². Для меня нет сомнения, что единственная вещь, которая спасает иных людей от жизненных недочетов, — это поэтическое чутье, и как бы оно ни сказалось, — все равно, лишь бы только сказалось.

Вышел рассказ Тургенева в «Вестнике Европы»³; но я не решаюсь его прочесть. Так грустно убедиться еще раз, что великий художник пережил самому себе! И как ему не совестно отдавать в печать свои произведения в этот отвратительный журнал, красный и ненавидящий все русское⁴. Еще бы он нуждался в деньгах; но и этого извинения нет для него.

Поцелуйте за меня вашу жену.

С. Энгельгардт.

Письмо датируется по сопоставлению с другими письмами и по упоминанию вышедшего в ноябре 1872 г. рассказа Тургенева «Конец Чертопханова».

¹ В не дошедшем до нас письме Фет, очевидно, просил свою корреспондентку подыскать гувернантку для Оли Шеншиной и Пети Борисова (См. письмо 46, примеч. 1). В это время Фет собирался забрать к себе из пансиона О. Шеншину.

² Речь идет об А. В. Новосильцеве (см. письмо 2, примеч. 12 и письмо 23).

³ В ноябрьской книжке «Вестника Европы» за 1872 г. был опубликован рассказ И. С. Тургенева «Конец Чертопханова».

⁴ Свое мнение о журнале «Вестник Европы» С. Э. изменила, вероятно, под влиянием Фета. См. письмо 37, в котором она называет журнал Стасюлевича «единственно честным и серьезным» петербургским журналом. Мнение Фета о Стасюлевиче М. М. (1826—1911) было высказано в недошедшем пись-

ме к Тургеневу, который отвечал: «на основании каких данных Вы приравниваете Стасюлевича — не говорю уж с Чернышевским, но с Нечаевым!!!!? — и насколько такое голословие может согласиться с чувством справедливости, которое должно быть присуще каждому человеческому сердцу...» (письмо от 24 ноября (6 декабря) 1871 г.) В письме от 8 (20) января 1872 г. Тургенев вновь возвращается к журналу Стасюлевича в связи с не дошедшим до нас высказыванием Фета: «Прочли ли Вы статью К. Арсеньева, за которую „Вестник Европы“ получил столь восхитившее Вас предостережение? Конечно, нет; а то бы Вы увидели, что более дельной, серьезной, благонамеренной, антикоммунистической, прямо сказать, консерваторской в лучшем смысле слова статьи представить себе нельзя...» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ти т. Письма. Т. IX. М.; Л., 1965. С. 170 и 210). Тургенев стал постоянным сотрудником журнала «Вестник Европы», основанного в 1865 г., с 1867 г., разорвав отношения с «Русским вестником», к которому были близки Фет и С. Энгельгардт.

50

1 (13) декабря 1873

Москва, декабря 1.

Мой милый Фет, когда прочтешь что-нибудь новенькое, все хочется поговорить с вами. Готье¹ выписал, наконец, «Les poèmes barbares» de Delisle; я прочла первую поэму «Kaïn»². По-моему, у этого господина замечательный талант. Какая сила выражений, какая свежесть в форме! Какие картины! Но эта поэма пробудила в душе столько струн, до которых я не хочу дотрагиваться, разбередила такие больные места, что я решилась возвратить книгу Готье и взяла другую в обмен. Каин обещает Богу, что мир обойдется без веры; я дошла до того убеждения, что мир без веры не обойдется, что человек так создан, что ему надо верить или он пропал. Недаром же совершаются ежедневно, в наших глазах, самоубийства. В молодости (не) дорожишь жизнью, и если б в этой бедной молодежи была хоть тень веры, — не совершались бы эти ужасы. Я не видывала, чтоб человек ни во что не верующий был счастлив, даже покоен, и убеждаюсь с каждым днем в этой истине. Христианскую веру заменят другой, но заменят непременно, если не возвратятся к ней, но мир без веры немыслим.

Что вы скажете о процессе Базена³? такой личности еще не было в истории. Надо же было ему родиться в нашем безобразном веке! Но зато родился и в нашем веке Генрик V⁴. У этого человека античный склад характера, и французы не способны оценить ни его, ни принцев Орлеанских⁵. Скажешь невольно: слава Богу! когда на ком-нибудь отдохнет сердце.

Посылаю вам перевод, только что конченный, хотя знаю заранее, что он вам не понравится⁶.

Au Dagestan, en plein midi, sur une plaine,
Par une balle atteint, je me trouve gésant.
La blessure qui fume encore, profonde, à peine
Laisse la goutte suivre une goutte de sang.

Je suis là, sur la plaine, étendu solitaire
Des rocs aux flancs aigus s'y ressurent en rond;
Le soleil me brulant brule leur cime entière,
Et cependant je dors: c'est un sommeil de plomb.

Et je crois voir en rêve au jeu de mille flammes,
Dans le pays natal, un festin rayonnant,
Et le front couronné de fleurs, les jeunes femmes
Dans un fol entretien parlant de moi... riant?

Mais au fol entretien où le rire s'élève
Sans confondre sa voix l'une d'elles pensait,
Car sa jeune âme est triste en proie de quelque rêve.
Pourquoi l'absorbe-t-il en ce moment?... Dieu sait!

En rêve elle a cru voir le Dagestan, la plaine,
Celui qu'elle a connu sur la plaine gésant,
La blessure profonde et bleuâtre. — Avec peine
S'en détache glacée une goutte de sang.

(С. Э.)

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету.

На Московско-Курской железной дороге, полустанция Еропкино.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 2 декабря 1873,

2) Моск. центральное отделение, 1873, 2 декабря.

¹ Готье — владелец книжной лавки в Москве.

² «Les poèmes barbares» («Варварские стихотворения») Леконта де Лиля (наст. имя Шарль-Мари-Леконт де Лиль, 1818—1894) вышли в Париже впервые в 1862 г., в 1872 г. появилось дополнительное издание. Здесь поэт противопоставил буржуазной цивилизации величественные образы древних цивилизаций Индии, Египта, Германии. Религию Леконт де Лиль обвиняет в нравственном оправдании «золотого тельца», которому поклоняются его современники. Фет купил сборник стихотворений де Лиля по совету Тургенева и «прочел их в один день от доски до доски». «Это уже сильно говорит в их пользу, — писал он Тургеневу, — Видно, что французик понюхал Шопенгауэра» (см.: Переписка И. С. Тургенева: В 2-х т. Т. 1. М., 1986. С. 453). Он советовал прочесть их и С. Э., которая писала 19 (31) мая 1873 г.: «Если б вы мне были истинный друг, вы бы мне прислали „Les poèmes barbares“ под бандеро-

лю, а я бы вам их возвратила через две недели» (В кн.: А. А. Фет. Проблемы изучения... С. 212).

³ Ф. -А. Базен (1811—1888), маршал Франции, во время франко-прусской войны сдал пруссакам крепость Мец со 173-х тысячной армией и открыл путь на Париж для подавления молодой французской республики. В 1873 г. военным судом приговорен к смертной казни, замененной 20-летним заключением, в 1874 г. бежал в Испанию.

⁴ Генрих V (1081—1125) — германский король и император «Священной римской империи» с 1106 г. В 1122 г. окончил борьбу с папами за светскую инвеституру Вормским конкордатом.

⁵ Орлеанская династия, среди представителей которой наиболее популярным был Луи-Филипп (1773—1850), король Франции с 1830 по 1848 гг. Из оставшихся представителей младших ветвей династий Валуа и Бурбонов, некоторые, при поддержке монархистов, претендовали на французскую корону, в частности, внук Луи-Филиппа Граф Парижский (1838—1894) и другой его внук герцог Шартрский (1840—?).

⁶ Далее следует перевод на французский язык стихотворения М. Ю. Лермонтова «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...»; 1841).